

А.С.
ПУШКИН

3

Александр Пушкин

А·С·ПУШКИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1975

А. С. ПУШКИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том третий

Поэмы
Сказки

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1975

РІ
П91

Примечания
С. М. Бонди

Оформление художника
М. Шлосберга

П $\frac{70401.-015}{028(01)-75}$ подписное

ПОЭМЫ

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шепот старины болтливой,
Рукою верной я писал;
Примите ж вы мой труд изгивый!
Ничьих не требуя похвал,
Счастливы уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть украдкой,
На песни грешные мои.*

· У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;

Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свой мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

В толпе могучих сыновей,
С друзьями, в гряднице высокой
Владимир-солнце пировал;
Меньшую дочь он выдавал
За князя храброго Руслана
И мед из тяжкого стакана
За их здоровье выпивал.
Не скоро ели предки наши,
Не скоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши
С кипящим пивом и вином.
Они веселье в сердце лили,

Шипела пена по краям,
Их важно чашники носили
И низко кланялись гостям.

Слилися речи в шум невнятный;
Жужжит гостей веселый круг;
Но вдруг раздался глас приятный
И звонких гуслей беглый звук;
Все смолкли, слушают Баяна:
И славит сладостный певец
Людмилу-прелесть, и Руслана,
И Лелем свитый им венец.

Но, страстью пылкой утомленный,
Не ест, не пьет Руслан влюбленный;
На друга милого глядит,
Вздыхает, сердится, горит
И, щипля ус от нетерпенья,
Считает каждые мгновенья.
В унынье, с пасмурным челом,
За шумным, свадебным столом
Сидят три витязя молодые;
Безмолвны, за ковшом пустым,

Забыты кубки круговые,
И брашна неприятны им;
Не слышат вещею Баяна;
Потупили смущенный взгляд:
То три соперника Руслана;
В душе несчастные таят
Любви и ненависти яд.
Один — Рогдай, воитель смелый,
Мечом раздвинувший пределы
Богатых киевских полей;
Другой — Фарлаф, крикун надменный,
В пирах никем не побежденный,
Но воин скромный средь мечей;
Последний, полный страстной думы,
Младой хазарский хан Ратмир:
Все трое бледны и угрюмы,
И пир веселый им не в пир.

Вот кончен он; встают рядами,
Смешались шумными толпами,
И все глядят на молодых:
Невеста очи опустила,
Как будто сердцем приуныла,
И светел радостный жених.
Но тень объемлет всю природу,
Уж близко к полночи глухой;
Бояре, задремав от меду,
С поклоном убрались домой.
Жених в восторге, в упоенье:
Ласкает он в воображенье
Стыдливой девы красоту;
Но с тайным, грустным умилением
Великий князь благословеньем
Дарует юную чету.

И вот невесту молодую
Ведут на брачную постель;
Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигает Лель.
Свершились милые надежды,
Любви готовятся дары;
Падут ревнивые одежды
На цареградские ковры...

Вы слышите ль влюбленный шепот,
И поцелуев сладкий звук,
И прерывающийся ропот
Последней робости?.. Супруг
Восторги чувствует заране;
И вот они настали... Вдруг
Гром грянул, свет блеснул в тумане,
Лампада гаснет, дым бежит,
Кругом все смеркло, все дрожит,
И замерла душа в Руслане...
Все смолкло. В грозной тишине
Раздался дважды голос странный,
И кто-то в дымной глубине
Взвился чернее мглы туманной...
И снова терем пуст и тих;
Встает испуганный жених,
С лица катится пот остылый;
Трепеща, хладною рукой
Он вопрошает мрак немой...
О горе: нет подруги милой!
Хватает воздух он пустой;
Людмилы нет во тьме густой,
Похищена безвестной силой.

Ах, если мученик любви
Страдает страстью безнадежно,
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но после долгих, долгих лет
Обнять влюбленную подругу,
Желаний, слез, тоски предмет,
И вдруг минутную супругу
Навек утратить... о друзья,
Конечно лучше б умер я!

Однако жив Руслан несчастный.
Но что сказал великий князь?
Сраженный вдруг молвой ужасной,
На зятя гневом распалясь,
Его и дзор он созывает:
«Где, где Людмила?» — вопрошает
С ужасным, пламенным челом.
Руслан не слышит. «Дети, други!

Я помню прежние заслуги:
О, сжальтесь вы над стариком!
Скажите, кто из вас согласен
Скакать за дочерью моей?
Чей подвиг будет не напрасен,
Тому — терзайся, плачь, злодей!
Не мог сберечь жены своей! —
Тому я дам ее в супруги
С полцарством прадедов моих.
Кто ж вызовется, дети, други?..»
«Я!» — молвил горестный жених.
«Я! я!» — воскликнули с Рогдаем
Фарлаф и радостный Ратмир:
«Сейчас коней своих седлаем;
Мы рады весь изъездить мир.
Отец наш, не продлим разлуки;
Не бойся: едем за княжной». —
И с благодарностью немой
В слезах к ним простирает руки
Старик, измученный тоской.

Все четверо выходят вместе;
Руслан уныньем как убит;
Мысль о потерянной невесте
Его терзает и мертвит.
Садятся на коней ретивых;
Вдоль берегов Днепра счастливых
Летят в клубящейся пыли;
Уже скрываются вдали;
Уж всадников не видно боле...
Но долго все еще глядит
Великий князь в пустое поле
И думой им вослед летит.

Руслан томился молчаливо,
И смысл и память потеряв.
Через плечо глядя спесиво
И важно подбочась, Фарлаф,
Надувшись, ехал за Русланом.
Он говорит: «Насилу я
На волю вырвался, друзья!
Ну, скоро ль встречусь с великаном?
Уж то-то крови будет течь,

Уж то-то жертв любви ревнивой!
Повеселись, мой верный меч,
Повеселись, мой конь ретивый!»

Хазарский хан, в уме своем
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшет над седлом;
В нем кровь играет молодая,
Огня надежды полон взор:
То скачет он во весь опор,
То дразнит бегуна лихого,
Кружит, подьемлет на дыбы
Иль дерзко мчит на холмы снова.

Рогдай угрюм, молчит — ни слова...
Страшась неведомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всех больше беспокоен он,
И часто взор его ужасный
На князя мрачно устремлен.

Соперники одной дорогой
Всё вместе едут целый день.
Днепра стал темен брег отлогий;
С востока льется ночи тень;
Туманы над Днестром глубоким;
Пора коням их отдохнуть.
Вот под горой путем широким
Широкий пересека путь.
«Разъедемся, пора! — сказали, —
Безвестной вверимся судьбе».
И каждый конь, не чуя стали,
По воле путь избрал себе.

Что делаешь, Руслан несчастный,
Один в пустынной тишине?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Все, мнится, видел ты во сне.
На брови медный шлем надвинув,
Из мощных рук узду покинув,
Ты шагом едешь меж полей,
И медленно в душе твоей
Надежда гибнет, гаснет вера.

Но вдруг пред витязем пещера;
В пещере свет. Он прямо к ней
Идет под дремлющие своды,
Ровесники самой природы.
Вошел с уныньем: что же зрит?
В пещере старец; ясный вид,
Спокойный взор, брада седая;
Лампада перед ним горит;
За древней книгой он сидит,
Ее внимательно читая.
«Добро пожаловать, мой сын! —
Сказал с улыбкой он Руслану. —
Уж двадцать лет я здесь один
Во мраке старой жизни вяну;
Но наконец дождался дня,
Давно предвиденного мною.
Мы вместе сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.
Руслан, лишился ты Людмилы;
Твой твердый дух теряет силы;
Но зла промчится быстрый миг:
На время рок тебя постиг.
С надеждой, верою веселой
Иди на все, не унывай;
Вперед! мечом и грудью смелой
Свой путь на полночь пробивай.

Узнай, Руслан: твой оскорбитель
Волшебник страшный Черномор,
Красавиц давний похититель,
Полнощных обладатель гор.
Еще ничей в его обитель
Не проникал доныне взор;
Но ты, злых козней истребитель,
В нее ты вступишь, и злодей
Погибнет от руки твоей.
Тебе сказать не должен боле:
Судьба твоих грядущих дней,
Мой сын, в твоей отныне воле».

Наш витязь старцу пал к ногам
И в радости лобзает руку.
Светлеет мир его очам,

И сердце позабыло муку.
Вновь ожил он; и вдруг опять
На вспыхнувшем лице кручина...
«Ясна тоски твоей причина;
Но грусть не трудно разогнать, —
Сказал старик, — тебе ужасна
Любовь седого колдуна;
Спокойся, знай: она напрасна
И юной деве не страшна.
Он звезды сводит с небосклона,
Он свистнет — задрожит луна;
Но против времени закона
Его наука не сильна.
Ревнивый, трепетный хранитель
Замков безжалостных дверей,
Он только немощный мучитель
Прелестной пленницы своей.
Вокруг нее он молча бродит,
Клянет жестокий жребий свой...
Но, добрый витязь, день проходит,
А нужен для тебя покой».

Руслан на мягкий мох ложится
Пред умирающим огнем;
Он ищет позабыться сном,
Вздыхает, медленно вертится...
Напрасно! Витязь наконец:
«Не спится что-то, мой отец!
Что делать: болен я душою,
И сон не в сон, как тошно жить.
Позволь мне сердце освежить
Твоей беседою святою.
Прости мне дерзостный вопрос.
Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсник непонятный?
В пустыню кто тебя занес?»

Вздохнув с улыбкою печальной,
Старик в ответ: «Любезный сын,
Уж я забыл отчизны дальней
Угрюмый край. Природный финн,
В долинах, нам одним известных,
Гоняя стадо сел окрестных,

В беспечной юности я знал
Одни дремучие дубравы,
Ручьи, пещеры наших скал
Да дикой бедности забавы.
Но жить в отрадной тишине
Дано не долго было мне.

Тогда близ нашего селенья,
Как милый цвет уединенья,
Жила Наина. Меж подруг
Она гремела красотой.
Однажды утренней порою
Свои стада на темный луг
Я гнал, волынку надувая;
Передо мной шумел поток.
Одна, красавица младая
На берегу плела венок.
Меня влекла моя судьбина...
Ах, витязь, то была Наина!
Я к ней — и пламень роковой
За дерзкий взор мне был наградой,
И я любовь узнал душой
С ее небесною отрадой,
С ее мучительной тоской.

Умчалась года половина;
Я с трепетом открылся ей,
Сказал: люблю тебя, Наина.
Но робкой горести моей
Наина с гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвечала:
«Пастух, я не люблю тебя!»

И все мне дико, мрачно стало:
Родная куща, тень дубров,
Веселы игры пастухов —
Ничто тоски не утешало.
В унынье сердце сохло, вяло.
И наконец задумал я
Оставить финские поля;
Морей неверные пучины

С дружиной братской переплыть
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвал смелых рыбаков
Искать опасностей и злата.
Впервые тихий край отцов
Услышал бранный звук булата
И шум немирных челноков.
Я вдаль уплыл, надежды полный,
С толпой бесстрашных земляков;
Мы десять лет снега и волны
Багрили кровию врагов.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей;
Их горделивые дружины
Бежали северных мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Делили дани и дары,
И с побежденными садились
За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Под шумом битвы и пиров,
Томилось тайною кручиной,
Искало финских берегов.
Пора домой, сказал я, други!
Повесим праздные кольчуги
Под сенью хижины родной.
Сказал — и весла зашумели;
И, страх оставя за собой,
В залив отчизны дорогой
Мы с гордой радостью влетели.

Сбылись давнишние мечты,
Сбылися пылкие желанья!
Минута сладкого свиданья,
И для меня блеснула ты!
К ногам красавицы надменной
Принес я меч окровавленный,
Кораллы, золото и жемчуг;
Пред нею, страстью упоенный,
Безмолвным роем окруженный
Ее завистливых подруг,
Стоял я пленником послушным;

Но дева скрылась от меня,
Примолвля с видом равнодушным:
«Герой, я не люблю тебя!»

К чему рассказывать, мой сын,
Чего пересказать нет силы?
Ах, и теперь один, один,
Душой уснув, в дверях могилы,
Я помню горесть, и порой,
Как о минувшем мысль родится,
По бороде моей седой
Слеза тяжелая катится.

Но слушай: в родине моей
Между пустынных рыбарей
Наука дивная таится.
Под кровом вечной тишины,
Среди лесов, в глуши далекой
Живут седые колдуны;
К предметам мудрости высокой
Все мысли их устремлены;
Все слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,
И грозной воле их подвластны
И гроб и самая любовь.

И я, любви искатель жадный,
Решился в грусти безотрадной
Наи ну чарами привлечь
И в гордом сердце девы хладной
Любовь волшебствами зажечь,
Спешил в объятия свободы,
В уединенный мрак лесов;
И там, в ученье колдунов,
Провел невидимые годы.
Настал давно желанный миг,
И тайну страшную природы
Я светлой мыслию постиг:
Узнал я силу заклинаньям.
Венец любви, венец желаньям!
Теперь, Наина, ты моя!
Победа наша, думал я.
Но в самом деле победитель
Был рок, упорный мой гонитель.

В мечтах надежды молодой,
В восторге пылкою желанья,
Творю поспешно заклинанья,
Зову духов — и в тьме лесной
Стрела промчалась громовая,
Волшебный вихорь поднял вой,
Земля вздрогнула под ногой...
И вдруг сидит передо мной
Старушка дряхлая, седая,
Глазами впалыми сверкая,
С горбом, с трясучей головой,
Печальной ветхости картина.
Ах, витязь, то была Наина!..
Я ужаснулся и молчал,
Глазами страшный призрак мерил,
В сомненье все еще не верил
И вдруг заплакал, закричал:
«Возможно ль! ах, Наина, ты ли!
Наина, где твоя краса?
Скажи, ужели небеса
Тебя так страшно изменили?
Скажи, давно ль, оставя свет,
Расстался я с душой и с милой?
Давно ли?..» «Ровно сорок лет, —
Был девы роковой ответ, —
Сегодня семьдесят мне било.
Что делать, — мне пищит она, —
Толпою годы пролетели.
Прошла моя, твоя весна —
Мы оба постареть успели.
Но, друг, послушай: не беда
Неверной младости утрата.
Конечно, я теперь седа,
Немножко, может быть, горбата;
Не то, что в старину была,
Не так жива, не так мила;
Зато (прибавила болтунья)
Открою тайну: я колдунья!»

И было в самом деле так,
Немой, недвижный перед нею,
Я совершенный был дурак
Со всей премудростью моею.

Но вот ужасно: колдовство
Вполне свершилось по несчастью;
Мое седое божество
Ко мне пылало новой страстью.
Скривив улыбкой страшный рот,
Могильным голосом урод
Бормочет мне любви признание.
Вообрази мое страданье!
Я трепетал, потупя взор;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, страстный разговор:
«Так, сердце я теперь узнала;
Я вижу, верный друг, оно
Для нежной страсти рождено;
Проснулись чувства, я сгораю,
Томлюсь желаньями любви...
Приди в объятия мои...
О милый, милый! умираю...»

И между тем она, Руслан,
Мигала томными глазами;
И между тем за мой кафтан
Держалась тощими руками;
И между тем — я обмирал,
От ужаса зажмуря очи;
И вдруг терпеть не стало мочи;
Я с криком вырвался, бежал.
Она вослед: «О недостойный!
Ты возмутил мой век спокойный,
Невинной девы ясны дни!
Добился ты любви Наины,
И презираешь — вот мужчины!
Изменой дышат все они!
Увы, сама себя вини;
Он обольстил меня, несчастный!
Я отдалась любви страстной...
Изменник, изверг! о позор!
Но трепещи, девичий вор!»

Так мы расстались. С этих пор
Живу в моем уединенье
С разочарованной душой;
И в мире старцу утешенье

Природа, мудрость и покой.
Уже зовет меня могила;
Но чувства прежние свои
Еще старушка не забыла
И пламя позднее любви
С досады в злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая, конечно,
Возненавидит и тебя;
Но горе на земле не вечно».

Наш витязь с жадностью внимал
Рассказы старца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкал
И тихого полета ночи
В глубокой думе не слышал.
Но день блистает лучезарный...
Со вздохом витязь благодарный
Объемлет старца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходит вон. Ногами стиснул
Руслан заржавшего коня;
В седле оправился, присвистнул.
«Отец мой, не оставь меня».
И скачет по пустому лугу.
Седой мудрец младому другу
Кричит вослед: «Счастливым путь!
Прости, люби свою супругу,
Советов старца не забудь!»

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Соперники в искусстве брани,
Не знайте мира меж собой,
Несите мрачной славе дани
И упивайтесь враждой!
Пусть мир пред вами цепенеет,
Дивясь грозным торжествам:
Никто о вас не пожалеет,
Никто не помешает вам.
Соперники другого рода,
Вы, рыцари парнасских гор.

Старайтесь не смешить народа
Нескромным шумом ваших ссор;
Бранитесь — только осторожно.
Но вы, соперники в любви,
Живите дружно, если можно!
Поверьте мне, друзья мои:
Кому судьбою непременной
Девичье сердце суждено,
Тот будет мил назло вселенной;
Сердиться глупо и грешно.

Когда Рогдай неукротимый,
Глухим предчувствием томимый,
Оставя спутников своих,
Пустился в край уединенный
И ехал меж пустынь лесных,
В глубокую думу погруженный —
Злой дух тревожил и смущал
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шептал:
«Убью!.. преграды все разрушу...
Руслан!.. узнаешь ты меня...
Теперь-то девица поплачет...»
И вдруг, поворотив коня,
Во весь опор назад он скачет.

В то время доблестный Фарлаф,
Все утро сладко продремав,
Укрывшись от лучей полдневных,
У ручейка, наедине,
Для подкрепленья сил душевных,
Обедал в мирной тишине.
Как вдруг он видит: кто-то в поле,
Как буря, мчится на коне;
И, времени не тратя боле,
Фарлаф, покинув свой обед,
Копье, кольчугу, шлем, перчатки,
Вскочил в седло и без оглядки
Летит — а тот за ним бесслед.
«Остановись, беглец бесчестный! —
Кричит Фарлафу неизвестный. —
Презренный, дай себя догнать!

Дай голову с тебя сорвать!»
Фарлаф, узнавши глас Рогдая,
Со страха скорчась, обмирал
И, верной смерти ожидая,
Коня еще быстрее гнал.
Так точно заяц торопливый,
Прижавши уши боязливо,
По кочкам, полем, сквозь леса
Скачками мчится ото пса.
На месте славного побега
Весной растопленного снега
Потоки мутные текли
И рыли влажную грудь земли.
Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнул хвостом и белой гривой,
Бразды стальные закусил
И через ров перескочил;
Но робкий всадник вверх ногами
Свалился тяжко в грязный ров,
Земли не взвидел с небесами
И смерть принять уж был готов.
Рогдай к оврагу подлетает;
Жестокий меч уж занесен;
«Погибни, трус! умри!» — вещает...
Вдруг узнает Фарлафа он;
Глядит, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнев
В его чертах изобразились;
Скрыпя зубами, онемев,
Герой, с поникшею главою
Скорей отъехав ото рва,
Бесился... но едва, едва
Сам не смеялся над собою.

Тогда он встретил под горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсем седую.
Она дорожною клюкой
Ему на север указала.
«Ты там найдешь его», — сказала.
Рогдай весельем закипел
И к верной смерти полетел.

А наш Фарлаф? Во рву остался,
Дохнуть не смея; про себя
Он, лежа, думал: жив ли я?
Куда соперник злой девался?
Вдруг слышит прямо над собой
Старухи голос гробовой:
«Встань, молодец: все тихо в поле;
Ты никого не встретишь боле;
Я привела тебе коня;
Вставай, послушайся меня».

Смущенный витязь поневоле
Ползком оставил грязный ров;
Окрестность робко озирая,
Вздохнул и молвил оживая:
«Ну, слава богу, я здоров!»

«Поверь! — старуха продолжала, —
Людмилу мудрено сыскать;
Она далеко забежала;
Не нам с тобой ее достать.
Опасно разъезжать по свету;
Ты, право, будешь сам не рад.
Последуй моему совету,
Ступай тихохонько назад.
Под Киевом, в уединенье,
В своем наследственном селенье
Останься лучше без забот:
От нас Людмила не уйдет».

Сказав, исчезла. В нетерпенье
Благоразумный наш герой
Тотчас отправился домой,
Сердечно позабыв о славе
И даже о княжне младой;
И шум малейший по дубраве,
Полет сивицы, ропот вод
Его бросали в жар и в пот.

Меж тем Руслан далеко мчится;
В глуши лесов, в глуши полей
Привычной думою стремится
К Людмиле, радости своей,

И говорит: «Найду ли друга?
Где ты, души моей супруга?
Увижу ль я твой светлый взор?
Услышу ль нежный разговор?
Иль суждено, чтоб чародея
Ты вечной пленницей была
И, скорбной девою старея,
В темнице мрачной отцвела?
Или соперник дерзновенный
Придет?.. Нет, нет, мой друг бесценный:
Еще при мне мой верный меч,
Еще глава не пала с плеч».

Однажды, темною порою,
По камням берегом крутым
Наш витязь ехал над рекою.
Все утихало. Вдруг за ним
Стрелы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звон, и крик, и ржанье,
И топот по полю глухой.
«Стой!» — грянул голос громовой.
Он оглянулся: в поле чистом,
Подняв копьё, летит со свистом
Свирепый всадник, и грозой
Помчался князь ему навстречу.
«Ага! догнал тебя! постой! —
Кричит наездник удалой, —
Готовься, друг, на смертну сечу;
Теперь ложись средь здешних мест;
А там ищи своих невест».
Руслан вспылал, вздрогнул от гнева;
Он узнает сей буйный глас...

Друзья мои! а наша дева?
Оставим витязей на час;
О них опять я вспомню вскоре.
А то давно пора бы мне
Подумать о молодой княжне
И об ужасном Черноморе.

Моей причудливой мечты
Наперсник иногда нескромный,
Я рассказал, как ночью темной

Людмилы нежной красоты
От воспаленного Руслана
Сокрылись вдруг среди тумана.
Несчастливая! когда злодей,
Рукою мощною своей
Тебя сорвав с постели брачной,
Взвился, как вихорь, к облакам
Сквозь тяжкий дым и воздух мрачный
И вдруг умчал к своим горам —
Ты чувств и памяти лишилась
И в страшном замке колдуна,
Безмолвна, трепетна, бледна,
В одно мгновенье очутилась.

С порога хижины моей
Так видел я, средь летних дней,
Когда за курицей трусливой,
Султан курятника спесивый,
Петух мой по двору бежал
И сладострастными крылами
Уже подругу обнимал;
Над ними хитрыми кругами
Цыплят селенья старый вор,
Прияв губительные меры,
Носился, плавал коршун серый
И пал как молния на двор.
Взвился, летит. В когтях ужасных
Во тьму расселин безопасных
Уносит бедную злодей.
Напрасно, горестью своей
И хладным страхом пораженный,
Зовет любовницу петух...
Он видит лишь летучий пух,
Летучим ветром занесенный.

До утра юная княжна
Лежала, тягостным забвеньем,
Как будто страшным сновиденьем,
Объята — наконец она
Очнулась, пламенным волненьем
И смутным ужасом полна;
Душой летит за наслажденьем,

Кого-то ищет с упоеньем;
«Где ж милый, — шепчет, — где супруг?»
Зовет и помертвела вдруг.
Глядит с боязнию вокруг.
Людмила, где твоя светлица?
Лежит несчастная девица
Среди подушек пуховых,
Под гордой сенью балдахина;
Завесы, пышная перина
В кистях, в узорах дорогих;
Повсюду ткани парчевые;
Играют яхонты, как жар;
Кругом курильницы златые
Подъемлют ароматный пар;
Довольно... благо мне не надо
Описывать волшебный дом:
Уже давно Шехеразада
Меня предупредила в том,
Но светлый терем не отрада,
Когда не видим друга в нем¹⁾.

Три девы, красоты чудесной,
В одежде легкой и прелестной
Княжне явились, подошли
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами
Одна поближе подошла;
Княжне воздушными перстами
Златую косу заплела
С искусством, в наши дни не новым,
И обвила венцом перловым
Окружность бледного чела.
За нею, скромно взор склоняя,
Потом приблизилась другая;

¹⁾ После этого стиха в первом издании далее следовало:
Вы знаете, что наша дева
Была одета в эту ночь,
По обстоятельствам, точь-в-точь
Как наша прабабушка Ева.
Наряд невинный и простой!
Наряд Амура и природы!
Как жаль, что вышел он из моды.
Пред изумленной княжной...

Лазурный, пышный сарафан
Одел Людмилы стройный стан;
Покрылись кудри золотые,
И грудь, и плечи молодые
Фатой, прозрачной, как туман.
Покров завистливый лобзает
Красы, достойные небес,
И обувь легкая сжимает
Две ножки, чудо из чудес.
Княжне последняя девица
Жемчужный пояс подает.
Меж тем незримая певица
Веселы песни ей поет.
Увы, ни камни ожерелья,
Ни сарафан, ни перлов ряд,
Ни песни лести и веселья
Ее души не веселят;
Напрасно зеркало рисует
Ее красоты, ее наряд:
Потупя неподвижный взгляд,
Она молчит, она тоскует.

Те, кои, правду возлюбя,
На темном сердца дне читали,
Конечно знают про себя,
Что если женщина в печали
Сквозь слез, украдкой, как-нибудь,
Назло привычке и рассудку,
Забудет в зеркало взглянуть, —
То грустно ей уж не на шутку.

Но вот Людмила вновь одна.
Не зная, что начать, она
К окну решетчату подходит,
И взор ее печально бродит
В пространстве пасмурной дали.
Все мертво. Снежные равнины
Коврами яркими легли;
Стоят угрюмых гор вершины
В однообразной белизне
И дремлют в вечной тишине;
Кругом не видно дымной кровли,
Не видно путника в снегах,

И звонкий рог веселой ловли
 В пустынных не трубит горах;
 Лишь изредка с унылым свистом
 Бунтует вихорь в поле чистом
 И на краю седых небес
 Качает обнаженный лес.

В слезах отчаянья, Людмила
 От ужаса лицо закрыла.
 Увы, что ждет ее теперь!
 Бежит в серебряную дверь;
 Она с музыкой отворилась,
 И наша дева очутилась
 В саду. Пленительный предел:
 Прекраснее садов Армиды
 И тех, которыми владел
 Царь Соломон иль князь Тавриды.
 Пред нею зыблются, шумят
 Великолепные дубровы,
 Аллеи пальм, и лес лавровый,
 И благовонных миртов ряд,
 И кедров гордые вершины,
 И золотые апельсины
 Зерцалом вод отражены;

Пригорки, рощи и долины
Весны огнем оживлены;
С прохладой вьется ветер майский
Средь очарованных полей,
И свищет соловей китайский
Во мраке трепетных ветвей;
Летят алмазные фонтаны
С веселым шумом к облакам:
Под ними блещут истуканы
И, мнится, живы; Фидий сам,
Питомец Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконец,
Свой очарованный резец
Из рук бы выронил с досады.
Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валятся, плещут водопады;
И ручейки в тени лесной
Чуть вьются сонною волной.
Приют покоя и прохлады,
Сквозь вечну зелень здесь и там
Мелькают светлые беседки;
Повсюду роз живые ветки
Цветут и дышат по тропам.
Но безутешная Людмила
Идет, идет и не глядит;
Волшебства роскошь ей постыла,
Ей грустен неги светлый вид;
Куда, сама не зная, бродит,
Волшебный сад кругом обходит,
Свободу горьким дав слезам,
И взоры мрачные возводит
К неумолимым небесам.
Вдруг осветился взор прекрасный:
К устам она прижала перст;
Казалось, умысел ужасный
Рождался... Страшный путь отверст:
Высокий мостик над потоком
Пред ней висит на двух скалах;
В унынье тяжком и глубоком
Она подходит — и в слезах
На воды шумные взглянула,
Ударила, рыдая, в грудь,

В волнах решилась утонуть —
Однако в воды не прыгнула
И дале продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бегая с утра,
Устала, слезы осушила,
В душе подумала: пора!
На травку села, оглянулась —
И вдруг над нею сень шатра,
Шумя, с прохладой развернулась;
Обед роскошный перед ней;
Прибор из яркого кристалла;
И в тишине из-за ветвей
Незрима арфа заиграла.
Дивится пленная княжна,
Но втайне думает она:
«Вдали от милого, в неволе,
Зачем мне жить на свете боле?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзает и лелеет,
Мне не страшна злодея власть:
Людмила умереть умеет!
Не нужно мне твоих шатров,
Ни скучных песен, ни пиров —
Не стану есть, не буду слушать,
Умру среди твоих садов!»
Подумала — и стала кушать.

Княжна встает, и вмиг шатер,
И пышной роскоши прибор,
И звуки арфы... все пропало;
По-прежнему все тихо стало;
Людмила вновь одна в садах
Скитается из рощи в рощи;
Меж тем в лазурных небесах
Плывет луна, царица ночи,
Находит мгла со всех сторон
И тихо на холмах почила;
Княжну невольно клонит сон,
И вдруг неведомая сила
Нежней, чем вешний ветерок,
Ее на воздух поднимает,
Несет по воздуху в чертог

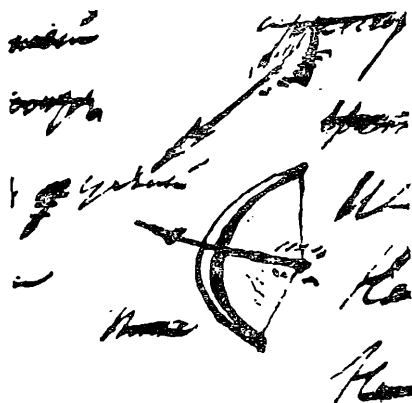
И осторожно опускает
Сквозь фимиам вечерних роз
На ложе грусти, ложе слез.
Три девы вмиг опять явились
И вокруг нее засуетились,
Чтоб на ночь пышный снять убор;
Но их унылый, смутный взор
И принужденное молчанье
Являли втайне состраданье
И немощный судьбам укор.
Но поспешим: рукой их нежной
Раздета сонная княжна;
Прелестна прелестью небрежной,
В одной сорочке белоснежной
Ложится почивать она.
Со вздохом девы поклонились,
Скорей как можно удалились
И тихо притворили дверь.
Что ж наша пленница теперь!
Дрожит как лист, дохнуть не смеет;
Хладеют перси, взор темнеет;
Мгновенный сон от глаз бежит;
Не спит, удвоила вниманье,
Недвижно в темноту глядит...
Все мрачно, мертвое молчанье!
Лишь сердца слышит трепетанье...
И мнится... шепчет тишина,
Идут — идут к ее постели;
В подушки прячется княжна —
И вдруг... о страх!.. и в самом деле
Раздался шум; озарена
Мгновенным блеском тьма ночная,
Мгновенно дверь отворена;
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Арапов длинный ряд идет
Попарно, чинно, сколь возможно,
И на подушках осторожно
Седую бороду несет;
И входит с важностью за нею,
Подъяв величественно шею,
Горбатый карлик из дверей:
Его-то голове обритой,

Высоким колпаком покрытой,
Принадлежала борода.
Уж он приблизился: тогда
Княжна с постели соскочила,
Седого карлу за колпак
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащий занесла кулак
И в страхе завизжала так,
Что всех арапов оглушила.
Трепеща, скорчился бедняк,
Княжны испуганной бледнее;
Зажавши уши поскорее,
Хотел бежать, но в бороде
Запутался, упал и бьется;
Встает, упал; в такой беде
Арапов черный рой мятется;
Шумят, толкаются, бегут,
Хватают колдуна в охашку
И вон распутывать несут,
Оставляя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь наш?
Вы помните ль нежданну встречу?
Бери свой быстрый карандаш,
Рисуй, Орловский, ночь и сечу!
При свете трепетном луны
Сразились витязи жестоко;
Сердца их гневом стеснены,
Уж копыта брошены далеко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровию покрыты,
Щиты трещат, в куски разбиты...
Они схватились на конях;
Взрывая к небу черный прах,
Под ними борзые кони бьются;
Борцы, недвижно сплетены,
Друг друга стиснув, остаются,
Как бы к седлу пригвождены;
Их члены злобой сведены;
Переплелись и костенеют;
По жилам быстрый огонь бежит;
На вражьей груди грудь дрожит —
И вот колеблются, слабеют —

Кому-то пасть... вдруг витязь мой,
Вскипев, железною рукой
С седла наездника срывает,
Подъемлет, держит над собой
И в волны с берега бросает.
«Погибни! — грозно восклицает; —
Умри, завистник злобный мой!»

Ты догадался, мой читатель,
С кем бился доблестный Руслан:
То был кровавых битв искатель,
Рогдай, надежда киевлян,
Людмилы мрачный обожатель.

Он вдоль днепровских берегов
Искал соперника следов;
Нашел, настиг, но прежняя сила
Питомцу битвы изменила,
И Руси древний удалец
В пустыне свой нашел конец.
И слышно было, что Рогдая
Тех вод русалка молодая
На хладны перси приняла
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смехом увлекла,
И долго после, ночью темной
Бродя близ тихих берегов,
Богатыря призрак огромный
Пугал пустынных рыбаков.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

Напрасно вы в тени таились
Для мирных, счастливых друзей,
Стихи мои! Вы не сокрылись
От гневных зависти очей.
Уж бледный критик, ей в услугу,
Вопрос мне сделал роковой:
Зачем Русланову подругу,
Как бы на смех ее супругу,
Зову и девой и княжной?
Ты видишь, добрый мой читатель,
Тут злобы черную печать!
Скажи, Зоил, скажи, предатель,
Ну как и что мне отвечать?
Красней, несчастный, бог с тобою!
Красней, я спорить не хочу;
Довольный тем, что прав душою,
В смиренной кротости молчу.
Но ты поймешь меня, Климена,
Потушишь томные глаза,
Ты, жертва скучного Гимена...
Я вижу: тайная слеза
Падет на стих мой, сердцу внятный; .
Ты покраснела, взор погас;
Вздыхнула молча... вздох понятный!
Ревнивец: бойся, близок час;
Амур с Досадой своею
Вступили в смелый заговор,
И для главы твоей бесславной
Готов уж мстительный убор.

Уж утро хладное сияло
На темени полнощных гор;
Но в дивном замке все молчало.
В досаде скрытой Черномор,
Без шапки, в утреннем халате,
Зевал сердито на кровати.
Вокруг брады его седой
Рабы толпились молчаливы,
И нежно гребень костяной
Расчесывал ее извивы;

Меж тем, для пользы и красы,
На бесконечные усы
Лились восточны ароматы,
И кудри хитрые вились;
Как вдруг, откуда ни возьмись,
В окно влетает змий крылатый;
Гремя железной чешуей,
Он в кольца быстрые согнулся
И вдруг Наинной обернулся
Пред изумленною толпой.
«Приветствую тебя, — сказала, —
Собрат, издавна чтимый мной!
Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой;
Но тайный рок соединяет
Теперь нас общею враждой;
Тебе опасность угрожает,
Нависла туча над тобой;
И голос оскорбленной чести
Меня к отмщению зовет».

Со взором, полным хитрой лести,
Ей карла руку подает,
Вещая: «Дивная Наина!
Мне драгоценен твой союз.
Мы посрамим коварство Финна;
Но мрачных козней не боюсь:
Противник слабый мне не страшен;
Узнай чудесный жребий мой:
Сей благодатной бородой
Недаром Черномор украшен.
Доколь власов ее седых
Враждебный меч не перерубит,
Никто из витязей лихих,
Никто из смертных не погубит
Малейших замыслов моих;
Моею будет век Людмила,
Руслан же гробу обречен!»
И мрачно ведьма повторила:
«Погибнет он! погибнет он!»
Потом три раза прошипела,
Три раза топнула ногой
И черным змием улетела.

Блистая в ризе парчевой,
Колдун, колдуньей ободренный,
Развеселясь, решился вновь
Нести к ногам девицы пленной
Усы, покорность и любовь.
Разряжен карлик бородатый,
Опять идет в ее палаты;
Проходит длинный комнат ряд:
Княжны в них нет. Он дале, в сад,
В лавровый лес, к решетке сада,
Вдоль озера, вокруг водопада,
Под мостики, в беседки... нет!
Княжна ушла, пропал и след!
Кто выразит его смущенье,
И рев, и трепет исступленья?
С досады дня не взвидел он.
Раздался карлы дикий стон:
«Сюда, невольники, бегите!
Сюда, надеюсь я на вас!
Сейчас Людмилу мне сыщите!
Скорее, слышите ль? сейчас!
Не то — шутите вы со мною —
Всех удавлю вас бородою!»

Читатель, расскажу ль тебе,
Куда красавица девалась?
Всю ночь она своей судьбе
В слезах дивилась и — смеялась.
Ее пугала борода;
Но Черномор уж был известен,
И был смешон, а никогда
Со смехом ужас несовместен.
Навстречу утренним лучам
Постель оставила Людмила
И взор невольный обратила
К высоким, чистым зеркалам;
Невольно кудри золотые
С лилейных плеч приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашние наряды
Нечаянно в углу нашла;
Вздохнув, оделась и с досады

Тихонько плакать начала;
Однако с верного стекла,
Вздыхая, не сводила взора,
И девице пришло на ум,
В волнение своенравных дум,
Примерить шапку Черномора.
Все тихо, никого здесь нет;
Никто на девушку не взглянет...
А девушке в семнадцать лет
Какая шапка не пристанет!
Рядиться никогда не лень!
Людмила шапкой завертела;
На брови, прямо, набекрень
И задом наперед надела.
И что ж? о чудо старых дней!
Людмила в зеркале пропала;
Перевернула — перед ней
Людмила прежняя предстала;
Назад надела — снова нет;
Сняла — и в зеркале! «Прекрасно!
Добро, колдун, добро, мой свет!
Теперь мне здесь уж безопасно;
Теперь избавлюсь от хлопот!»
И шапку старого злодея
Княжна, от радости краснея,
Надела задом наперед.

Но возвратимся же к герою.
Не стыдно ль заниматься нам
Так долго шапкой, бороною,
Руслана поруча судьбам?
Свершив с Рогдаем бой жестокий,
Проехал он дремучий лес;
Пред ним открылся дол широкий
При блеске утренних небес.
Трепещет витязь поневоле:
Он видит старой битвы поле.
Вдали все пусто; здесь и там
Желтеют кости; по холмам
Разбросаны колчаны, латы;
Где сбруя, где заржавый щит;
В костях руки здесь меч лежит;
Травой оброс там шлем косматый

И старый череп тлеет в нем;
Богатыря там остов целый
С его поверженным конем
Лежит недвижимый; копыя, стрелы
В сырую землю вонзены,
И мирный плющ их обвивает...
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущает,
И солнце с ясной вышины
Долину смерти озаряет.

Со вздохом витязь вокруг себя
Взирает грустными очами.
«О поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топтал
В последний час кровавой битвы?
Кто на тебе со славой пал?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачем же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?..
Времен от вечной темноты,
Быть может, нет и мне спасенья!
Быть может, на холме немом
Поставят тихий гроб Русланов,
И струны громкие Баянов
Не будут говорить о нем!»

Но вскоре вспомнил витязь мой,
Что добрый меч герою нужен
И даже панцирь; а герой
С последней битвы безоружен.
Обходит поле он вокруг;
В кустах, среди костей забвенных,
В громаде тлеющих кольчуг,
Мечей и шлемов раздробленных
Себе доспехов ищет он.
Проснулись гул и степь немая,
Поднялся в поле треск и звон;
Он поднял щит, не выбирая,
Нашел и шлем и звонкий рог;
Но лишь меча сыскать не мог.
Долину брани объезжая,

Он видит множество мечей,
Но все легки да слишком малы,
А князь красавец был не вялый,
Не то, что витязь наших дней.
Чтоб чем-нибудь играть от скуки,
Копье стальное взял он в руки,
Кольчугу он надел на грудь
И далее пустился в путь.

Уж побледнел закат румяный
Над усыпленною землею;
Дымится синие туманы,
И всходит месяц золотой;
Померкла степь. Тропою темной
Задумчив едет наш Руслан
И видит: сквозь ночной туман
Вдали чернеет холм огромный,
И что-то страшное храпит.
Он ближе к холму, ближе — слышит:
Чудесный холм как будто дышит.
Руслан внимает и глядит
Бестрепетно, с покойным духом;
Но, шевеля пугливым ухом,
Конь упирается, дрожит,
Трясет упрямой головою,
И грива дыбом поднялась.
Вдруг холм, безоблачной луною
В тумане бледно озарясь,
Яснее; смотрит храбрый князь —
И чудо видит пред собою.
Найду ли краски и слова?
Пред ним живая голова.
Огромны очи сном объаты;
Храпит, качая шлем пернатый,
И перья в темной высоте,
Как тени, ходят, развеаясь.
В своей ужасной красоте
Над мрачной степью возвышаясь,
Безмолвием окружена,
Пустыни сторож безымянной,
Руслану предстоит она
Громадой грозной и туманной.
В недоуменье хочет он

Таинственный разрушить сон.
Вблизи осматривая диво,
Объехал голову кругом
И стал пред носом молчаливо;
Щекотит ноздри кошием,
И, сморщась, голова зевнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, стень дрогнула,
Взвилась пыль; с ресниц, с усов,
С бровей слетела стая сов;
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо — конь ретивый
Заржал, запрыгал, отлетел,
Едва сам витязь усидел,
И вслед раздался голос шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назад, я не шучу!
Как раз нахала проглочу!»
Руслан с презреньем оглянулся,
Браздами удержал коня
И с гордым видом усмехнулся.
«Чего ты хочешь от меня? —
Нахмурясь, голова вскричала. —
Вот гостя мне судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь уж ночь,
Прощай!» Но витязь знаменитый,
Услыша грубые слова,
Воскликнул с важностью сердитой:
«Молчи, пустая голова!
Слышал я истину, бывало:
Хоть лоб широк, да мозгу мало!
Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу!»

Тогда, от ярости немея,
Стесненной злобой пламенея,
Надулась голова; как жар,
Кровавы очи засверкали;
Напелясь, губы задрожали,
Из уст, ушей поднялся пар —
И вдруг она, что было мочи,
Навстречу князю стала дуть; -

Напрасно конь, зажмурия очи,
Склонив главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумрак ночи
Неверный продолжает путь;
Объятый страхом, ослепленный,
Он мчится вновь, изнеможенный,
Далече в поле отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочет —
Вновь отражен, надежды нет!
А голова ему вослед,
Как сумасшедшая, хохочет,
Гремит: «Ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даром;
Не трусь, наездник, и меня
Порадуй хоть одним ударом,
Пока не заморил коня».
И между тем она героя
Дразнила страшным языком.
Руслан, досаду в сердце кроя,
Грозит ей молча копием,
Трясет его рукой свободной,
И, задрожав, булат холодный
Вонзился в дерзостный язык.
И кровь из бешеного зева
Рекою побежала вмиг.
От удивленья, боли, гнева,
В минуту дерзости лилась,
На князя голова глядела,
Железо грызла и бледнела
В спокойном духе горячась,
Так иногда средь нашей сцены
Плохой питомец Мельпомены,
Внезапным свистом оглушен,
Уж ничего не видит он,
Бледнеет, ролю забывает,
Дрожит, поникнув головой,
И, заикаясь, умолкает
Перед насмешливой толпой.
Счастливым пользуясь мгновеньем,
К объятой голове смущеньем,
Как ястреб, богатырь летит
С подъятой, грозною десницей

И в щеку тяжелой рукавицей
С размаха голову разит;
И степь ударом огласилась;
Кругом росистая трава
Кровавой пеной обагрилась,
И, запатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлем чугунный застучал.
Тогда на месте опустелом
Меч богатырский засверкал.
Наш витязь в трепете веселом
Его схватил и к голове
По окровавленной траве
Бежит с намереньем жестоким
Ей нос и уши обрубить;
Уже Руслан готов разить,
Уже взмахнул мечом широким —
Вдруг, изумленный, внемлет он
Главы молящей жалкий стон...
И тихо меч он опускает,
В нем гнев свирепый умирает,
И мщенье бурное падет
В душе, молением усмиренной:
Так на долине тает лед,
Лучом полудня пораженный.

«Ты вразумил меня, герой. —
Со вздохом голова сказала, —
Твоя десница доказала,
Что я виновен пред тобой;
Отныне я тебе послушен;
Но, витязь, будь великодушен!
Достоин плача жребий мой.
И я был витязь удалой!
В кровавых битвах супостата
Себе я равного не зрел;
Счастлив, когда бы не имел
Соперником меньшого брата!
Коварный, злобный Черномор.
Ты, ты всех бед моих виною!
Семейства нашего позор,
Рожденный карлой, с бороною,
Мой дивный рост от юных дней

Не мог он без досады видеть
И стал за то в душе своей
Меня, жестокий, ненавидеть.
Я был всегда немного прост,
Хотя высок; а сей несчастный,
Имея самый глупый рост,
Умен как бес — и зол ужасно.
Притом же, знай, к моей беде,
В его чудесной бороде
Таится сила роковая,
И, все на свете презирая,
Доколе борода цела —
Изменник не страшится зла.
Вот он однажды с видом дружбы
«Послушай, — хитро мне сказал, —
Не откажись от важной службы:
Я в черных книгах отыскал,
Что за восточными горами,
На тихих моря берегах,
В глухом подвале, под замками
Хранится меч — и что же? страх!
Я разобрал во тьме волшебной,
Что волею судьбы враждебной
Сей меч известен будет нам;
Что нас он обоих погубит:
Мне бороду мою отрубит,
Тебе главу; суди же сам,
Сколь важно нам приобретение
Сего созданья злых духов!»
«Ну, что же? где тут затрудненье? —
Сказал я карле, — я готов;
Иду, хоть за пределы света».
И сосну на плечо взвалил,
А на другое для совета
Злодея брата посадил;
Пустился в дальнюю дорогу,
Шагал, шагал и, слава богу,
Как бы пророчеству назло,
Все счастливо сначала шло.
За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвал;
Я разметал его руками
И потаенный меч достал.

Но нет! судьба того хотела:
Меж нами ссора закипела —
И было, признаюсь, о чем!
Вопрос: кому владеть мечом?
Я спорил, карла горячился;
Брались долго; наконец
Уловку выдумал хитрец,
Притих и будто бы смягчился.
«Оставим бесполезный спор, —
Сказал мне важно Черномор, —
Мы тем союз наш обесславим;
Рассудок в мире жить велит;
Судьбе решить мы предоставим,
Кому сей меч принадлежит.
К земле приникнем ухом оба
(Чего не выдумает злоба!),
И кто услышит первый звон,
Тот и владей мечом до гроба».
Сказал и лег на землю он.
Я сдуру также растянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смекая: обману его!
Но сам жестоко обманулся.
Злодей в глубокой тишине,
Привстав, на цыпочках ко мне
Подкрался сзади, размахнулся;
Как вихорь свистнул острый меч,
И прежде, чем я оглянулся,
Уж голова слетела с плеч —
И сверхъестественная сила
В ней жизни дух остановила.
Мой остов тернием оброс;
Вдали, в стране, людьми забвенной,
Истлел мой прах непогребенный;
Но злобный карла перенес
Меня в сей край уединенный,
Где вечно должен был стеречь
Тобой сегодня взятый меч.
О витязь! Ты храним судьбою,
Возьми его, и бог с тобою!
Быть может, на своем пути
Ты карлу-чародея встретишь —
Ах, если ты его заметишь,

Коварству, злобе отомсти!
И наконец я счастлив буду,
Спокойно мир оставлю сей —
И в благодарности моей
Твою пощечину забуду».

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Я каждый день, восстав от сна,
Благодарю сердечно бога
За то, что в наши времена
Волшебников не так уж много.
К тому же — честь и слава им! —
Женитьбы наши безопасны...
Их замыслы не так ужасны
Мужьям, девицам молодым.
Но есть волшебники другие,
Которых ненавижу я:
Улыбка, очи голубые
И голос милый — о друзья!
Не верьте им: они лукавы!
Страшиться, подражая мне,
Их упоительной отравы
И почивайте в тишине.

Поэзии чудесный гений,
Певец таинственных видений,
Любви, мечтаний и чертей,
Могил и рая верный житель,
И музы ветреной моей
Наперсник, пестун и хранитель!
Прости мне, северный Орфей,
Что в повести моей забавной

Теперь вослед тебе лечу
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы все слышали,
Как бесу в древни дни злодей
Предал сперва себя с печали,
А там и души дочерей;
Как после щедрым подаяньем,
Молитвой, верой, и постом,
И непритворным покаяньем
Снискал заступника в святом;
Как умер он и как заснули
Его двенадцать дочерей:
И нас пленили, ужаснули
Картины тайных сих ночей,
Сии чудесные виденья,
Сей мрачный бес, сей божий гнев,
Живые грешника мученья
И прелесть непорочных дев.
Мы с ними плакали, бродили
Вокруг зубчатых замка стен,
И сердцем тронутым любили
Их тихий сон, их тихий плен;
Душой Вадима призывали,
И пробужденье зрели их,
И часто инокинь святых
На гроб отцовский провожали.
И что ж, возможно ль?.. нам солгали!
Но правду возведу ли я?.. ¹⁾

Младой Ратмир, направля к югу
Нетерпеливый бег коня,
Уж думал пред закатом дня
Нагнать Русланову супругу.
Но день багряный вечерел;
Напрасно витязь пред собою

¹⁾ Это место в первом издании читалось так:

Дерзну ли истину вещать?
Дерзну ли ясно описать
Не монастырь уединенный,
Не робких инокинь собор,
Но... трепещу! в душе смущенный,
Дивлюсь — и потушляю взор.

В туманы дальние смотрел:
Все было пусто над рекою.
Зари последний луч горел
Над ярко позлащенным бором.
Наш витязь мимо черных скал
Тихонько проезжал и взором
Ночлега меж дерев искал.
Он на долину выезжает
И видит: замок на скалах
Зубчаты стены возвышает;
Чернеют башни на углах;
И дева по стене высокой,
Как в море лебедь одинокий,
Идет, зарей освещена;
И девы песнь едва слышна
Долины в тишине глубокой.

«Ложится в поле мрак ночной;
От волн поднялся ветер хладный.
Уж поздно, путник молодой!
Укройся в терем наш отрадный.

Здесь ночью нега и покой,
А днем и шум и пированье.
Приди на дружное призыванье,
Приди, о путник молодой!

У нас найдешь красавиц рой;
Их нежны речи и лобзанье.
Приди на тайное призыванье,
Приди, о путник молодой!

Тебе мы с утренней зарей
Наполним кубок на прощанье.
Приди на мирное призыванье,
Приди, о путник молодой!

Ложится в поле мрак ночной;
От волн поднялся ветер хладный.
Уж поздно, путник молодой!
Укройся в терем наш отрадный».

Она манит, она поет;
И юный хан уж под стеною;
Его встречают у ворот
Девы красные толпою;
При шуме ласковых речей
Он окружен; с него не сводят
Они пленительных очей;
Две девицы коня уводят;
В чертоги входит хан молодой,
За ним отшельниц милых рой;
Одна снимает шлем крылатый,
Другая кованые латы,
Та меч берет, та пыльный щит;
Одежда неги заменит
Железные доспехи брани.
Но прежде юношу ведут
К великолепной русской бане.
Уж волны дымные текут
В ее серебряные чаны,
И брызжут хладные фонтаны;
Разостлан роскошью ковер;
На нем усталый хан ложится;
Прозрачный пар над ним клубится;
Потупя неги полный взор,
Прелестные, полунагие,
В заботе нежной и немой,
Вкруг хана девы молодые
Теснятся резвою толпой.
Над рыцарем иная машет
Ветвями молодых берез,
И жар от них душистый пахнет;
Другая соком вешних роз
Усталы члены прохлаждает
И в ароматах потопляет
Темнокудрявые власы.
Восторгом витязь упоенный
Уже забыл Людмилы пленной
Недавно милые красы;
Томится сладостным желаньем;
Бродящий взор его блестит,
И, полный страстным ожиданьем,
Он тает сердцем, он горит.

Но вот выходит он из бани.
Одетый в бархатные ткани,
В кругу прелестных дев, Ратмир
Садится за богатый пир.
Я не Омер: в стихах высоких
Он может воспевать один
Обеды греческих дружин,
И звон, и пену чаш глубоких,
Милее, по следам Парни,
Мне славить лирою небрежной
И наготу в ночной тени,
И поцелуй любви нежной!
Луною замок озарен;
Я вижу терем отдаленный,
Где витязь томный, воспаленный
Вкушает одинокий сон;
Его чело, его ланиты
Мгновенным пламенем горят;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манят;
Он страстно, медленно вздыхает,
Он видит их — и в пылком сне
Покровы к сердцу прижимает.
Но вот в глубокой тишине
Дверь отворилась; пол ревнивый
Скрыпит под ножкой торопливой,
И при серебряной луне
Мелькнула дева. Сны крылаты,
Сокройтесь, отлетите прочь!
Проснись — твою настала ночь!
Проснись — дорог миг утраты!..
Она подходит, он лежит
И в сладострастной неге дремлет;
Покров его с одра скользит,
И жаркий пух чело объемлет.
В молчанье дева перед ним
Стоит недвижно, бездыханна,
Как лицемерная Диана
Пред милым пастырем своим;
И вот она, на ложе хана
Коленом опершись одним,
Вздыхнув, лицо к нему склоняет

С томленьем, с трепетом живым,
И сон счастливца прерывает
Лобзаньем страстным и немым...

Но, други, девственная лира
Умолкла под моей рукой;
Слабеет робкий голос мой —
Оставим юного Ратмира;
Не смею песней продолжать:
Руслан нас должен занимать,
Руслан, сей витязь беспримерный,
В душе герой, любовник верный.
Упорным боем утомлен,
Под богатырской головою
Он сладостный вкушает сон.
Но вот уж раннею зарею
Сияет тихий небосклон;
Все ясно; утра луч игривый
Главы косматый лоб златит.
Руслан встает, и конь ретивый
Уж витязя стрелою мчит.

И дни бегут; желтеют нивы;
С дерев спадает дряхлый лист;
В лесах осенний ветра свист
Певиц пернатых заглушает;
Тяжелый, пасмурный туман
Нагие холмы обвивает;
Зима приближилась — Руслан
Свой путь отважно продолжает
На дальний север; с каждым днем
Преграды новые встречает:
То бьется он с богатырем,
То с ведьмою, то с великаном,
То лунной ночью видит он,
Как будто сквозь волшебный сон,
Окружены седым туманом,
Русалки, тихо на ветвях
Качаясь, витязя младого
С улыбкой хитрой на устах
Манят, не говоря ни слова...
Но, тайным промыслом храним,
Бесстрашный витязь невредим;

В его душе желанье дремлет,
Он их не видит, им не внемлет,
Одна Людмила всюду с ним.

Но между тем, никем не зрима,
От нападений колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Что делает моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляет по садам,
О друге мыслит и вздыхает,
Иль, волю дав своим мечтам,
К родимым киевским полям
В забвенье сердца улетает;
Отца и братьев обнимает,
Подружек видит молодых
И старых мамушек своих —
Забыты плен и разлученье!
Но вскоре бедная княжна
Свое теряет заблужденье
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленного злодея,
И день и ночь, сидеть не смея,
Меж тем по замку, по садам
Прелестной пленницы искали,
Метались, громко призывали,
Однако всё по пустякам.
Людмила ими забавлялась:
В волшебных рощах иногда
Без шапки вдруг она являлась
И кликала: «Сюда, сюда!»
И все бросались к ней толпою;
Но в сторону — незрима вдруг —
Она неслышную стопою
От хищных убегала рук.
Везде всечасно замечали
Ее минутные следы:
То позлащенные плоды
На шумных ветвях исчезали,
То капли ключевой воды
На луг измятый упали:
Тогда наверно в замке знали,

Что пьет иль кушает княжна.
На ветвях кедра иль березы
Скрываясь по ночам, она
Минутного искала сна —
Но только проливала слезы,
Звала супруга и покой,
Томилась грустью и зевотой,
И редко, редко пред зарей,
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой;
Едва редела ночи мгла,
Людмила к водопаду шла
Умыться холодною струей:
Сам карла утренней порою
Однажды видел из палат,
Как под невидимой рукою
Плескал и брызгал водопад.
С своей обычною тоскою
До новой ночи, здесь и там,
Она бродила по садам:
Нередко под вечер слышали
Ее приятный голосок;
Нередко в рощах поднимали
Иль ею брошенный венок,
Или клочки персидской шали,
Или заплаканный платок.

Жестокой страстью уязвленный,
Досадой, злобой омраченный,
Колдун решил наконец
Поймать Людмилу непременно.
Так Лемноса хромой кузнец,
Прияв супружеский венец
Из рук прелестной Цитереи,
Раскинул сеть ее красам,
Открыв насмешливым богам
Киприды нежные затей...

Скучая, бедная княжна
В прохладе мраморной беседки
Сидела тихо близ окна
И сквозь колеблемые ветки
Смотрела на цветущий луг.

Вдруг слышит — кличут: «Милый друг!»
И видит верного Руслана.
Его черты, походка, стан;
Но бледен он, в очах туман,
И на бедре живая рана —
В ней сердце дрогнуло. «Руслан!
Руслан!.. он точно!» И стрелою
К супругу пленница летит,
В слезах, трепеща, говорит:
«Ты здесь... ты ранен... что с тобою?»
Уже достигла, обняла:
О ужас... призрак исчезает!
Княжна в сетях; с ее чела
На землю шапка упадает.
Хладея, слышит грозный крик:
«Она моя!» — и в тот же миг
Зрит колдуна перед очами.
Раздался девы жалкий стон,
Падет без чувств — и дивный сон
Объял несчастную крылами.

Что будет с бедною княжной!
О страшный вид: волшебник хилый ¹⁾
Ласкает дерзостной рукой
Младые прелести Людмилы!
Ужели счастлив будет он?
Чу... вдруг раздался рога звон,
И кто-то карлу вызывает.

¹⁾ Это место в первом издании читалось так:

О страшный вид! Волшебник хилый
Ласкает сморщенной рукой
Младые прелести Людмилы;
К ее пленительным устам
Прильнув увядшими устами,
Он, вопреки своим годам,
Уж мыслит хладными трудами
Сорвать сей нежный, тайный цвет,
Хранимый Лелем для другого;
Уже... но бремя поздних лет
Тягчит бесстыдника седого —
Стоная, дряхлый чародей,
В бессильной дерзости своей,
Пред сонной девой упадает;
В нем сердце ноет, плачет он,
Но вдруг раздался рога звон...

В смятенъе, бледный чародей
На деву шапку надевает;
Трубят опять; звучней, звучней!
И он летит к безвестной встрече,
Закинув бороду за плечи.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Ах, как мила моя княжна!
Мне прав ее всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской верна,
Немножко ветрена... так что же?
Еще милее тем она.
Всечасно прелестию новой
Умеет нас она пленить;
Скажите: можно ли сравнить
Ее с Дельфиною суровой?
Одной — судьба послала дар
Обворожать сердца и взоры;
Ее улыбка, разговоры
Во мне любви рождают жар.
А та — под юбкою гусар,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блажен, кого под вечерок
В уединенный уголок
Моя Людмила поджидает
И другом сердца назовет;
Но, верьте мне, блажен и тот,
Кто от Дельфиры убегает
И даже с нею незнаком.
Да, впрочем, дело не о том!
Но кто трубил? Кто чародея
На сечу грозну вызывал?
Кто колдуна перепугал?
Руслан. Он, мстью пламенея,
Достиг обители злодея.
Уж витязь под горой стоит,
Призывный рог, как буря, воеет,
Нетерпеливый конь кипит
И снег копытом мочным роет.

Князь карлу ждет. Внезапно он
По шлему крепкому стальному
Рукой незримой поражен;
Удар упал подобно грому;
Руслан подьемлет смутный взор
И видит — прямо над главою —
С поднятой, страшной булавою
Летает карла Черномор.
Щитом покрывшись, он нагнулся,
Мечом потряс и замахнулся;
Но тот взвился под облака;
На миг исчез — и свысока
Шумя летит на князя снова.
Проворный витязь отлетел,
И в снег с размаха рокового
Колдун упал — да там и сел;
Руслан, не говоря ни слова,
С коня долой, к нему спешит,
Поймал, за бороду хватает,
Волшебник силится, кряхтит
И вдруг с Русланом улетает...
Ретивый конь вослед глядит;
Уже колдун под облаками;
На бороде герой висит;
Летят над мрачными лесами,
Летят над дикими горами,
Летят над бездною морской;
От напряженья костенея,
Руслан за бороду злодея
Упорной держится рукой.
Меж тем, на воздухе слабей
И силе русской изумясь,
Волшебник гордому Руслану
Коварно молвит: «Слушай, князь!
Тебе вредить я перестану;
Младое мужество любя,
Забуду все, прощу тебя,
Спущусь — но только с уговором...»
«Молчи, коварный чародей! —
Прервал наш витязь, — с Черномором,
С мучителем жены своей,
Руслан не знает договора!
Сей грозный меч накажет вора.

Лети хоть до ночной звезды,
А быть тебе без бороды!»
Боязнь объемлет Черномора;
В досаде, в горести немой,
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясает:
Руслан ее не выпускает
И щиплет волосы порой.
Два дни колдун героя носит,
На третий он пощады просит:
«О рыцарь, сжался надо мной;
Едва дышу; нет мочи боле;
Оставь мне жизнь, в твоей я воле;
Скажи — спущусь, куда велишь...»
«Теперь ты наш: ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй русской силе!
Неси меня к моей Людмиле».

Смиренно внемлет Черномор;
Домой он с витязем пустился;
Летит — и мигом очутился
Среди своих ужасных гор.
Тогда Руслан одной рукою
Взял меч сраженной головы
И, бороду схватив другою,
Отсек ее, как горсть травы.
«Знай наших! — молвил он жестоко, —
Что, хищник, где твоя краса?
Где сила?» — и на шлем высокий
Седые вяжет волоса;
Свистя зовет коня лихого;
Веселый конь летит и ржет;
Наш витязь карлу чуть живого
В котомку за седло кладет,
А сам, боясь мгновенья траты,
Спешит на верх горы крутой,
Достиг, и с радостной душой
Летит в волшебные палаты.
Вдали завидя шлем брадатый,
Залог победы роковой,
Пред ним арапов чудный рой,
Толпы невольниц боязливых,
Как призраки, со всех сторон

Бегут — и скрылись. Ходит он
Один средь храмин горделивых,
Супругу милую зовет —
Лишь эхо сводов молчаливых
Руслану голос подает;
В волнение чувств нетерпеливых
Он отворяет двери в сад —
Идет, идет — и не находит;
Кругом смущенный взор обводит —
Все мертво: рощицы молчат,
Беседки пусты; на стремнинах,
Вдоль берегов ручья, в долинах,
Нигде Людмилы следу нет,
И ухо ничего не внемлет.
Внезапный князя хлад объемлет,
В очах его темнеет свет,
В уме возникли мрачны думы...
«Быть может, горесть... плен угрюмый...
Минута... волны...» В сих мечтах
Он погружен. С немой тоскою
Поникнул витязь головою;
Его томит небольшой страх;
Недвижим он, как мертвый камень;
Мрачится разум; дикий пламень
И яд отчаянной любви
Уже текут в его крови.
Казалось — тень княжны прекрасной
Коснулась трепетным устам...
И вдруг, неистовый, ужасный,
Стремится витязь по садам;
Людмилу с воплем призывает,
С холмов утесы отрывает,
Все рушит, все крушит мечом —
Беседки, рощи упадают,
Древа, мосты в волнах ныряют,
Степь обнажается кругом!
Далеко гулы повторяют
И рев, и треск, и шум, и гром;
Повсюду меч звенит и свищет,
Прелестный край опустошен —
Безумный витязь жертвы ищет,
С размаха вправо, влево он
Пустынный воздух рассекает...

И вдруг — печальный удар
С княжны невидимой сбивает
Прощальный Черномора дар...
Волшебства вмиг исчезла сила:
В сетях открылася Людмила!
Не веря сам своим очам,
Нежданным счастьем упоенный,
Наш витязь падает к ногам
Подруги верной, незабвенной,
Целует руки, сети рвет,
Любви, восторга слезы льет,
Зовет ее — но дева дремлет,
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ее подымлет.
Руслан с нее не сводит глаз,
Его терзает вновь кручина...
Но вдруг знакомый слышит глас,
Глас добродетельного Финна:

«Мужайся, князь! В обратный путь
Ступай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой,
Любви и чести верен будь.
Небесный гром на злобу грянет,
И воцарится тишина —
И в светлом Киеве княжна
Перед Владимиром восстанет
От очарованного сна».

Руслан, сим гласом оживленный,
Берет в объятия жену,
И тихо с ношей драгоценной
Он оставляет вышину
И сходит в дол уединенный.

В молчанье, с карлой за седлом,
Поехал он своим путем;
В его руках лежит Людмила,
Свежа, как вешняя заря,
И на плечо богатыря
Лицо спокойное склонила.

Власами, свитыми в кольцо,
Пустынный ветерок играет;
Как часто грудь ее вздыхает!
Как часто тихое лицо
Мгновенной розою пылает!
Любовь и тайная мечта
Русланов образ ей приносят,
И с томным шепотом уста
Супруга имя произносят...
В забвенье сладком ловит он
Ее волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нежный стон
И сонных персей волнованье...

Меж тем, по долам, по горам,
И в белый день, и по ночам,
Наш витязь едет непрестанно.
Еще далек предел желанный,
А дева спит. Но юный князь,
Бесплодным пламенем томясь,
Ужель, страдалец постоянный,
Супругу только сторожил
И в целомудренном мечтанье,
Смирив нескромное желанье,
Свое блаженство находил?
Монах, который сохранил
Потомству верное преданье
О славном витязе моем,
Нас уверяет смело в том:
И верю я! Без разделенья
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоем.
Пастушки, сон княжны прелестной
Не походил на ваши сны,
Порой томительной весны,
На мураве, в тени древесной.
Я помню маленький лужок
Среди березовой дубравы,
Я помню темный вечерок,
Я помню Лиды сон лукавый...
Ах, первый поцелуй любви,
Дрожащий, легкий, торопливый,

Не разогнал, друзья мои,
Ее дремоты терпеливой...
Но полно, я болтаю вздор!
К чему любви воспоминанье?
Ее утеха и страданье
Забыты мною с давних пор;
Теперь влекут мое вниманье
Княжна, Руслан и Черномор.

Пред ними стелется равнина,
Где ели изредка взошли;
И грозного холма вдали
Чернеет круглая вершина
Небес на яркой синеве.
Руслан глядит — и догадался,
Что подъезжает к голове;
Быстрее борзый конь помчался;
Уж видно чудо из чудес;
Она глядит недвижным оком;
Власы ее как черный лес,
Поросший на челе высоком;
Ланиты жизни лишены,
Свинцовой бледностью покрыты,
Уста огромные открыты,
Огромны зубы стеснены...
Над полумертвой головою
Последний день уж тяготел.
К ней храбрый витязь прилетел
С Людмилой, с карлой за спиною.
Он крикнул: «Здравствуй, голова!
Я здесь! наказан твой изменник!
Гляди: вот он, злодей наш пленник!»
И князя гордые слова
Ее внезапно оживили,
На миг в ней чувство разбудили,
Очнулась будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала...
Узнала витязя она
И брата с ужасом узнала.
Надулись ноздри; на щеках
Багровый огонь еще родился,
И в умирающих глазах

Последний гнев изобразился.
В смятенье, в бешенстве немом
Она зубами скрежетала
И брату хладным языком
Укор невятный лепетала...
Уже ее в тот самый час
Кончалось долгое страданье:
Чела мгновенный пламень гас,
Слабело тяжкое дыханье,
Огромный закатился взор,
И вскоре князь и Черномор
Узрели смерти содроганье...
Она почила вечным сном.
В молчанье витязь удалился,
Дрожащий карлик за седлом
Не смел дышать, не шевелился
И чернокошным языком
Усердно демонам молился.

На склоне темных берегов
Какой-то речки безымянной,
В прохладном сумраке лесов,
Стоял поникшей хаты кров,
Густыми соснами венчанный.
В течение медленном река
Вблизи плетень из тростника
Волною сонной омывала
И вокруг него едва журчала
При легком шуме ветерка.
Долина в сих местах таилась,
Уединенна и темна;
И там, казалось, тишина
С начала мира воцарилась.
Руслан остановил коня.
Все было тихо, безмятежно;
От рассветающего дня
Долина с рощею прибрежной
Сквозь утренний сияла дым.
Руслан на луг жену слагает,
Садится близ нее, вздыхает
С уныньем сладким и немым;
И вдруг он видит пред собою

Смиренный парус челнока
И слышит песню рыбака
Над тихоструйною рекою.
Раскинув невод по волнам,
Рыбак, на весла наклоненный,
Плывет к лесистым берегам,
К порогу хижины смиренной.
И видит добрый князь Руслан:
Челнок ко берегу приплывает;
Из темной хаты выбегает
Младая дева; стройный стан,
Власы, небрежно распущенны,
Улыбка, тихий взор очей,
И грудь, и плечи обнаженны,
Все мило, все пленяет в ней.
И вот они, обняв друг друга,
Садятся у прохладных вод,
И час беспечного досуга
Для них с любовью настает.
Но в изумленье молчаливом
Кого же в рыбаке счастливым
Наш юный витязь узнает?
Хазарский хан, избранный славой,
Ратмир, в любви, в войне кровавой
Его соперник молодой,
Ратмир в пустыне безмятежной
Людмилу, славу позабыл
И им навеки изменил
В объятиях подруги нежной.

Герой приблизился, и вмиг
Отшельник узнает Руслана,
Встает, летит. Раздался крик...
И обнял князь молодого хана.
«Что вижу я? — спросил герой, —
Зачем ты здесь, зачем оставил
Тревоги жизни боевой
И меч, который ты прославил?»
«Мой друг, — отвечивал рыбак, —
Душе наскучил бранной славы
Пустой и гибельный призрак.
Поверь: невинные забавы,

Любовь и мирные дубравы
Милее сердцу во сто крат.
Теперь, утратив жажду брани,
Престал платить безумству дани,
И, верным счастьем богат,
Я все забыл, товарищ милый,
Все, даже прелести Людмилы». —
«Любезный хан, я очень рад! —
Сказал Руслан, — она со мною». —
«Возможно ли, какой судьбою?
Что слышу? Русская княжна...
Она с тобою, где ж она?
Позволь... но нет, боюсь измены;
Моя подруга мне мила;
Моей счастливой перемены
Она виновницей была;
Она мне жизнь, она мне радость!
Она мне возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И мир, и чистую любовь.
Напрасно счастье мне сулили
Уста волшебниц молодых;
Двенадцать дев меня любили:
Я для нее покинул их;
Оставил терем их веселый,
В тени хранительных дубров;
Сложил и меч и шлем тяжелый,
Забыл и славу и врагов.
Отшельник, мирный и безвестный,
Остался в счастливой глуши,
С тобой, друг милый, друг прелестный,
С тобою, свет моей души!»

Пастушка милая внимала
Друзей открытый разговор,
И, устремив на хана взор,
И улыбалась, и вздыхала.

Рыбак и витязь на берегах
До темной ночи просидели
С душой и сердцем на устах —
Часы невидимо летели.

[illegible]

Чернеет лес, темна гора;
Встает луна — все тихо стало;
Герою в путь давно пора.
Накинув тихо покрывало
На деву спящую, Руслан
Идет и на коня садится;
Задумчиво безмолвный хан
Душой вослед ему стремится,
Руслану счастья, побед,
И славы, и любви желает...
И думы гордых, юных лет
Невольной грустью оживляет...

Зачем судьбой не суждено
Моей непостоянной лире
Геройство воспевать одно
И с ним (незнакомые в мире)
Любовь и дружбу старых лет?
Печальной истины поэт,
Зачем я должен для потомства
Порок и злобу обнажать
И тайны козни вероломства
В правдивых песнях обличать?

Княжны искатель недостойный,
Охоту к славе потеряв,
Никем не знаемый, Фарлаф
В пустыне дальней и спокойной
Скрывался и Наины ждал.
И час торжественный настал.
К нему волшебница явилась,
Вещая: «Знаешь ли меня?
Ступай за мной; седлай коня!»
И ведьма кошкой обратилась;
Оседлан конь, она пустилась;
Тропами мрачными дубрав
За нею следует Фарлаф.

Долина тихая дремала,
В ночной одетая туман,
Луна во мгле перебегала
Из тучи в тучу и курган
Мгновенным блеском озаряла.

Под ним в безмолвии Руслан
Сидел с обычною тоскою
Пред усыпленною княжною.
Глубоку думу думал он,
Мечты летели за мечтами,
И неприметно веял сон
Над ним холодными крылами.
На деву смутными очами
В дремоте томной он взглянул
И, утомленную главою
Склонясь к ногам ее, заснул.

И снится вещий сон герою:
Он видит, будто бы княжна
Над страшною бездною глубиною
Стоит недвижна и бледна...
И вдруг Людмила исчезает,
Стоит один над бездною он...
Знакомый глас, призывный стон
Из тихой бездны вылетает...
Руслан стремится за женой;
Стремглав летит во тьме глубокой...
И видит вдруг перед собой:
Владимир, в гриднице высокой,
В кругу седых богатырей,
Между двенадцатью сынами,
С толпою названных гостей
Сидит за бранными столами.
И так же гневен старый князь,
Как в день ужасный расставанья,
И все сидят не шевелясь,
Не смея перервать молчанья.
Утих веселый шум гостей,
Не ходит чаша круговая...
И видит он среди гостей
В бою сраженного Рогдая:
Убитый как живой сидит;
Из опененного стакана
Он, весел, пьет и не глядит
На изумленного Руслана.
Князь видит и младого хана,
Друзей и недругов... и вдруг
Раздался гуслей беглый звук

И голос вещего Баяна,
Певца героев и забав.
Вступает в гридницу Фарлаф,
Ведет он за руку Людмилу;
Но старец, с места не привстав,
Молчит, склонив главу унылу.
Князя, бояре — все молчат,
Душевные движенья кроя.
И все исчезло — смертный хлад
Объемлет спящего героя.
В дремоту тяжко погружен,
Он льет мучительные слезы,
В волненье мыслит: это сон!
Томится, но зловещей грезы,
Увы, прервать не в силах он.

Луна чуть светит над горою;
Объяты рощи темнотою,
Долина в мертвой тишине...
Изменник едет на коне.

Пред ним открылася поляна;
Он видит сумрачный курган;
У ног Людмилы спит Руслан,
И ходит конь кругом кургана.
Фарлаф с боязнию глядит;
В тумане ведьма исчезает,
В нем сердце замерло, дрожит,
Из хладных рук узду роняет,
Тихонько обнажает меч,
Готовясь витязя без боя
С размаха надвое рассечь...
К нему подъехал. Конь героя,
Врага почуя, закипел,
Заржал и топнул. Знак напрасный!
Руслан не внемлет; сон ужасный,
Как груз, над ним отяготел!..
Изменник, ведьмой ободренный,
Герою в грудь рукой презренной
Вонзает трижды хладну сталь...
И мчится боязливо вдаль
С своей добычей драгоценной.

Всю ночь бесчувственный Руслан
Лежал во мраке под горою.
Часы летели. Кровь рекою
Текла из воспаленных ран.
Поутру, взор открыв туманный,
Пуская тяжкий, слабый стон,
С усилием приподнялся он,
Взглянул, поник главою бранной —
И пал недвижимый, бездыханный.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Ты мне велишь, о друг мой нежный,
На лире легкой и небрежной
Старинны были напевать
И музе верной посвящать
Часы бесценного досуга...
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь с ветреной молвой,
Твой друг, блаженством упоенный,
Забыл и труд уединенный,
И звуки лиры дорогой.
От гармонической забавы
Я, негой упоен, отвык...
Дышу тобой — и гордой славы
Невнятен мне призывный клик!
Меня покинул тайный гений
И вымыслов и сладких дум;
Любовь и жажда наслаждений
Одни преследуют мой ум.
Но ты велишь, но ты любила
Рассказы прежние мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владимир, ведьма, Черномор
И Финна верные печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая мой легкой вздор,
С улыбкой иногда дремала;
Но иногда свой нежный взор
Нежнее на певца бросала...
Решусь: влюбленный говорун,

Касаюсь вновь ленивых струн;
Сажусь у ног троих и снова
Бренчу про витязя молодого.

Но что сказал я? Где Руслан?
Лежит он мертвый в чистом поле:
Уж кровь его не льется боле,
Над ним летает жадный вран,
Безгласен рог, недвижны латы,
Не шебелится шлем косматый!

Вокруг Руслана ходит конь,
Повикнув гордой головою,
В его глазах исчез огонь!
Не машет гривой золотою,
Не тешится, не скачет он
И ждет, когда Руслан воспрянет...
Но князя крепок хладный сон,
И долго щит его не грянет.

А Черномор? Он за седлом,
В котомке, ведмою забытый,
Еще не знает ни о чем;
Усталый, сонный и сердитый
Княжну, героя моего
Бранил от скуки молчаливо;
Не слыша долго ничего,
Волшебник выглянул — о диво!
Он видит, богатырь убит;
В крови потопленный лежит;
Людмилы нет, все пусто в поле;
Злодей от радости дрожит
И мнит: свершилось, я на воле!
Но старый карла был неправ.

Меж тем, Наивною осененный,
С Людмилой, тихо усыпленной,
Стремится к Киеву Фарлаф:
Летит, надежды, страха полный;
Пред ним уже днепровски волны
В знакомых пажитях шумят;
Уж видит златоверхий град;
Уже Фарлаф по граду мчится,
И шум на стогах восстает;

В волненье радостном народ
Валит за всадником, теснится;
Бегут обрадовать отца:
И вот изменник у крыльца.

Влача в душе печали бремя,
Владимир-солнышко в то время
В высоком тереме своем
Сидел, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругом
Сидели с важностью угрюмой.
Вдруг внемлет он: перед крыльцом
Волненье, крики, шум чудесный;
Дверь отворилась: перед ним
Явился воин неизвестный;
Все встали с шепотом глухим
И вдруг смутились, зашумели:
«Людмила здесь! Фарлаф... ужели?»
В лице печальном изменяясь,
Встает со стула старый князь,
Спешит тяжелыми шагами
К несчастной дочери своей,
Подходит; отчими руками
Он хочет прикоснуться к ней;
Но дева милая не внемлет
И очарованная дремлет
В руках убийцы — все глядят
На князя в смутном ожиданье;
И старец беспокойный взгляд
Вперил на витязя в молчанье.
Но, хитро перст к устам прижав,
«Людмила спит, — сказал Фарлаф, —
Я так нашел ее недавно
В пустынных муромских лесах
У злого лешего в руках;
Там совершилось дело славно;
Три дня мы бились; луна
Над боем трижды подымалась;
Он пал, а юная княжна
Мне в руки сонною досталась;
И кто прервет сей дивный сон?
Когда настанет пробужденье?
Не знаю — скрыт судьбы закон!

А нам надежда и терпенье
Одни остались в утешенье».

И вскоре с вестью роковой
Молва по граду полетела;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипела;
Печальный терем всем открыт;
Толпа волнуется, валит
Туда, где на одре высоком,
На одеяле парчевом
Княжна лежит во сне глубоком;
Князя и витязи кругом
Стоят унылы; гласы трубны,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремят над нею; старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь,
К ногам Людмилы сединою
Приник с безмолвными слезами;
И бледный близ него Фарлаф,
В немом раскаянье, в досаде
Трепещет, дерзость потеряв.

Настала ночь. Никто во граде
Очей бессонных не смыкал
Шумя, теснились все друг к другу:
О чуде всякий толковал;
Младой супруг свою супругу
В светлице скромной забывал.
Но только свет луны двурогой
Исчез пред утренней зарей,
Весь Киев новою тревогой
Смутился! Клики, шум и вой
Возникли всюду. Киевляне
Толпятся на стене градской...
И видят: в утреннем тумане
Шатры белеют за рекой;
Щиты, как зарево, блистают,
В полях наездники мелькают,
Вдали подъемля черный прах;
Идут походные телеги,
Костры пылают на холмах.
Беда: восстали печенеги!

Но в это время вещей Финн,
Духов могучий властелин,
В своей пустыне безмятежной,
С спокойным сердцем ожидал,
Чтоб день судьбины неизбежной,
Давно предвиденный, восстал.

В немой глуши степей горючих
За дальней цепью диких гор,
Жилища ветров, бурь гремучих,
Куда и ведьмы смелый взор
Проникнуть в поздний час боится,
Долина чудная таится,
И в той долине два ключа:
Один течет волной *живою*,
По камням весело журча,
Тот льется *мертвою* водою;
Кругом все тихо, ветры спят,
Прохлада вешняя не веет,
Столетни сосны не шумят,
Не вьются птицы, лань не смеет
В жар летний пить из тайных вод;
Чета духов с начала мира,
Безмолвная на лоне мира,
Дремучий берег стережет...
С двумя кувшинами пустыми
Предстал отшельник перед ними;
Прервали духи давний сон
И удалились страха полны.
Склонившись, погружает он
Сосуды в девственные волны;
Наполнил, в воздухе пропал
И очутился в два мгновенья
В долине, где Руслан лежал
В крови, безгласный, без движения;
И стал над рыцарем старик,
И вспрыснул мертвою водою,
И раны засияли вмиг,
И труп чудесной красотой
Процвел; тогда водой *живою*
Героя старец окропил,
И бодрый, полный новых сил,
Трепеща жизнью молодою,

Встает Руслан, на ясный день
Очами жадными взирает,
Как безобразный сон, как тень,
Пред ним минувшее мелькает.
Но где Людмила? Он один!
В нем сердце, вспыхнув, замирает.
Вдруг витязь вспрыгнул; вещий Финн
Его зовет и обнимает:
«Судьба свершилась, о мой сын!
Тебя блаженство ожидает;
Тебя зовет кровавый пир;
Твой грозный меч бедою грядет;
На Киев снидет кроткий мир,
И там она тебе предстанет.
Возьми заветное кольцо,
Коснися им чела Людмилы,
И тайных чар исчезнут силы,
Врагов смутит твое лицо,
Настанет мир, погибнет злоба.
Достойны счастья будьте оба!
Прости надолго, витязь мой!
Дай руку... там, за дверью гроба —
Не прежде — свидимся с тобой!»
Сказал, исчезнул. Упоенный
Восторгом пылким и немым,
Руслан, для жизни пробужденный,
Подъемлет руки вслед за ним.
Но ничего не слышно боле!
Руслан один в пустынном поле;
Запрыгав, с карлой за седлом,
Русланов конь нетерпеливый
Бежит и ржет, махая гривой;
Уж князь готов, уж он верхом,
Уж он летит живой и здоровый
Через поля, через дубравы.

Но между тем какой позор
Являет Киев осажденный?
Там, устремив на нивы взор,
Народ, уныньем пораженный,
Стоит на башнях и стенах
И в страхе ждет небесной казни;
Стенанья робкие в домах,

На стогнах тишина боязни;
Один, близ дочери своей,
Владимир в горестной молитве;
И храбрый сонм богатырей
С дружиной верною князей
Готовится к кровавой битве.

И день настал. Толпы врагов
С зарею двинулись с холмов;
Неукротимые дружины,
Волнуясь, хлынули с равнины
И потекли к стене градской;
Во граде трубы загремели,
Бойцы сомкнулись, полетели
Навстречу рати удалой,
Сошлись — и заварился бой.
Почуя смерть, выиграли кони,
Пошли стучать мечи о брони;
Со свистом туча стрел взвилась,
Равнина кровью залилась;
Стремглав наездники помчались,
Дружины конные смешались;
Сомкнутой, дружною стеной
Там рубится со строем строй;
Со всадником там пеший бьется;
Там конь испуганный несется;
Там клики битвы, там побег;
Там русский пал, там печенег;
Тот опрокинут булавою;
Тот легкой поражен стрелою;
Другой, придавленный щитом,
Растоптан бешеным конем...
И длился бой до темной ночи;
Ни враг, ни наш не одолел!
За горами кровавых тел
Бойцы сомкнули томны очи,
И крепок был их бранный сон;
Лишь изредка на поле битвы
Был слышен падших скорбный стон
И русских витязей молитвы.

Бледнела утренняя тень,
Волна серебрилася в потоке,
Сомнительный рождался день

На отуманенном востоке.
Яснели холмы и леса,
И просыпались небеса.
Еще в бездейственном покое
Дремало поле боевое;
Вдруг сон прервался: вражий стан
С тревогой шумною воспрянул,
Внезапный крик сражений грянул;
Смутилось сердце киевлян;
Бегут нестройными толпами
И видят: в поле меж врагами,
Блестая в латах, как в огне,
Чудесный воин на коне
Грозой несется, колет, рубит,
В ревущий рог, летая, трубит...
То был Руслан. Как божий гром,
Наш витязь пал на басурмана;
Он рыщет с карлой за седлом
Среди испуганного стана.
Где ни просвищет грозный меч,
Где конь сердитый ни промчится,
Везде главы слетают с плеч
И с воплем строй на строй валится;
В одно мгновенье бранный луг
Покрит холмами тел кровавых,
Живых, раздавленных, безглавых,
Громадой копий, стрел, кольчуг.
На трубный звук, на голос боя
Дружины конные славян
Помчались по следам героя,
Сразелись... гибни, басурман!
Объемлет ужас печенегов;
Питомцы бурные набегов
Зовут рассеянных коней,
Противиться не смеют боле
И с диким воплем в пыльном поле
Бегут от киевских мечей,
Обречены на жертву аду;
Их сонмы русский меч казнит;
Ликует Киев... Но по граду
Могучий богатырь летит;
В деснице держит меч победный;
Копье сияет как звезда;

Струится кровь с кольчуги медной;
На племе вьется борода;
Летит, надеждой окриленный,
По стогнам шумным в княжий дом.
Народ, восторгом упоенный,
Толпится с кликами кругом,
И князя радость оживила.
В безмолвный терем входит он,
Где дремлет чудным сном Людмила;
Владимир, в думу погружен,
У ног ее стоял унылый.
Он был один. Его друзей
Война влекла в поля кровавы.
Но с ним Фарлаф, чуждаясь славы,
Вдали от вражеских мечей,
В душе презрев тревоги стана,
Стоял на страже у дверей.
Едва злодей узнал Руслана,
В нем кровь остыла, взор погас,
В устах открытых замер глас,
И пал без чувств он на колена...
Достойной казни ждет измена!
Но, помня тайный дар кольца,
Руслан летит к Людмиле спящей,
Ее спокойного лица
Касается рукой дрожащей...
И чудо: юная княжна,
Вздохнув, открыла светлы очи!
Казалось, будто бы она
Дивилась столь долгой ночи;
Казалось, что какой-то сон
Ее томил мечтой неясной,
И вдруг узнала — это он!
И князь в объятиях прекрасной.
Воскреснув пламенной душой,
Руслан не видит, не внимает,
И старец в радости немой,
Рыдая, милых обнимает.

Чем кончу длинный мой рассказ?
Ты угадаешь, друг мой милый!
Неправый старца гнев погас;
Фарлаф пред ним и пред Людмилой

У ног Руслана объявил
Свой стыд и мрачное злодейство;
Счастливым князь ему простил;
Лишенный силы чародейства,
Был принят карла во дворец;
И, бедствий празднуя конец,
Владимир в гриднице высокой
Запировал в семье своей.

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

ЭПИЛОГ

Так, мира житель равнодушный,
На лоне праздной тишины,
Я славил лирою послушной
Преданья темной старины.
Я пел — и забывал обиды
Слепого счастья и врагов,
Измены ветреной Дориды
И сплетни шумные глупцов.
На крыльях вымысла носимый,
Ум улетал за край земной;
И между тем грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!..
Я погибал... Святой хранитель
Первоначальных, бурных дней,
О дружба, нежный утешитель
Болезненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила мир;
Ты сохранила мне свободу,
Кипящей младости кумир!
Забытый светом и молвою,
Далече от берегов Невы,
Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.
Над их вершинами крутыми,
На скате каменных стремнин,
Питаюсь чувствами немymi
И чудной прелестью картин

Природы дикой и угрюмой;
Душа, как прежде, каждый час
Полна томительною думой —
Но огонь поэзии погас.
Ищу напрасно впечатлений:
Она прошла, пора стихов,
Пора любви, веселых снов,
Пора сердечных вдохновений!
Восторгов краткий день протек —
И скрылась от меня навек
Богиня тихих песнопений...

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

Повесть

ПОСВЯЩЕНИЕ

Н. Н. Раевскому

Прими с улыбкою, мой друг,
Свободной музы приношение:
Тебе я посвятил изгнанной миры пенье
И вдохновенный свой досуг.
Когда я погибал, безвинный, безотрадный,
И шепот клеветы внимал со всех сторон,
Когда кинжал измены хладный,
Когда любви тяжелый сон
Меня терзали и мертвили,
Я близ тебя еще спокойство находил;
Я сердцем отдыхал — друг друга мы любили:
И бури надо мной свирепость утомили,
Я в мирной пристани богов благословил.

Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мне Кавказ,
Где пасмурный Бешту¹, пустынный величавый,
Аулов² и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас.
Забуду ли его кремнистые вершины,
Гремучие ключи, увядшие равнины,
Пустыни знойные, края, где ты со мной,
Делил души молодые впечатленья;
Где рыскает в горах воинственный разбой,

Кружилъ обводитъ слабый взоръ...
 И видитъ ^{мирную долину} ~~каменную гору~~
 Надъ нимъ возвышается громада,
 Грозитъ развалинъ туча
 Черной Волности ограда.
 Воспоминанья, вѣща свой пѣвекъ —
 Какъ она урочное тревожитъ,
~~Кто-то думаетъ, что, тайно,...~~
 И слышитъ — зарешетъ вѣтеръ
 Его закованнымъ ногамъ.
 Въ, въ скалахъ урочный дѣвѣ;
 Затмившая передъ нимъ природа.
 Прости, свидѣнная свобода!
 Въ рабѣ.

За саклами муромъ
 Въ у колоколовъ зѣвотъ.
 Черкны въ полѣ нѣтъ надзора,
 Въ пустотѣ ауетъ въ нѣмнѣ.
 Передъ нимъ пустынный равнинъ
 Выходитъ дикой пеленой,
 Тамъ коновъ тѣнѣтъ зѣвотъ!
 Одровображенъ вершинъ;

5

*И дикий гений вдохновенья
Таится в тишине глухой?
Ты здесь найдешь воспоминанья,
Быть может, милых сердцу дней,
Противуречия страстей,
Мечты знакомые, знакомые страданья
И тайный глас души моей.*

*Мы в жизни розно шли: в объятиях покоя
Едва, едва расцвел и вслед отца-героя
В поля кровавые, под тучи вражьих стрел,
Младенец избранный, ты гордо полетел.
Отечество тебя ласкало с умилением,
Как жертву милую, как верный свет надежд.
Я рано скорбь узнал, постигнут был гоненьем;
Я жертва клеветы и мстительных невежд;
Но, сердце укрепив свободой и терпеньем,
Я ждал беспечно лучших дней;
И счастье моих друзей
Мне было сладким утешеньем.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*В ауле, на своих порогах,
Черкесы праздные сидят.
Сыны Кавказа говорят
О бранных, гибельных тревогах,
О красоте своих коней,
О наслажденьях дикой неги;
Вспоминают прежних дней
Неотразимые набеги,
Обманы хитрых узденей³,
Удары шапек⁴ их жестоких,
И меткость неизбежных стрел,
И пепел разоренных сел,
И ласки пленниц чернооких.*

*Текут беседы в тишине;
Луна плывет в ночном тумане;
И вдруг пред ними на коне
Черкес. Он быстро на аркане
Младого пленника влачил.
«Вот русский!» — хищник возопил.*

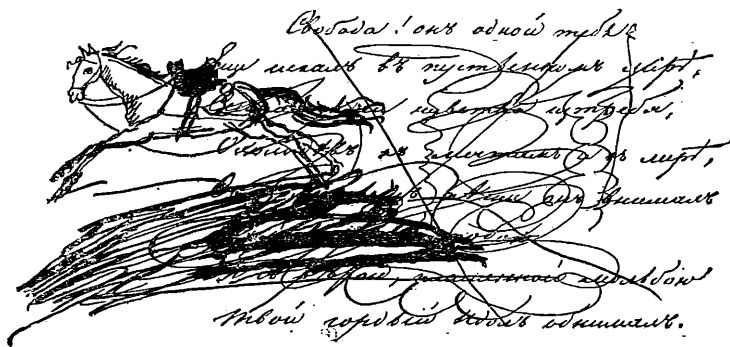
Аул на крик его сбежался
Ожесточенною толпой;
Но пленник хладный и немой,
С обезображенной главой,
Как труп, недвижим оставался.
Лица врагов не видит он,
Угроз и криков их не слышит;
Над ним летает смертный сон
И холодом тлетворным дышит.

И долго пленник молодой
Лежал в забвении тяжелом.
Уж полдень над его главой
Пылал в сиянии веселом;
И жизни дух проснулся в нем,
Невнятный стон в устах раздался;
Согретый солнечным лучом,
Несчастный тихо приподнялся;
Кругом обводит слабый взор...
И видит: неприступных гор
Над ним воздвигнулась громада.
Гнездо разбойничьих племен,
Черкесской вольности ограда.
Вспомнил юноша свой плен,
Как сна ужасного тревоги,
И слышит: загремели вдруг
Его закованные ноги...
Все, все сказал ужасный звук;
Затмилась перед ним природа.
Прости, священная свобода!
Он раб.

За саклями⁵ лежит
Он у колючего забора.
Черкесы в поле, нет надзора,
В пустом ауле все молчит.
Пред ним пустынные равнины
Лежат зеленой пеленой;
Там холмов тянутся грядой
Однобразные вершины;
Меж них уединенный путь
В дали теряется угрюмой:
И пленника молодого грудь
Тяжелой взволновалась думой...

В Россию дальний путь ведет,
В страну, где пламенную младость
Он гордо начал без забот;
Где первую познал он радость,
Где много милого любил,
Где обнял грозное страданье,
Где бурной жизнью погубил
Надежду, радость и желанье,
И лучших дней воспоминанье
В увядшем сердце заключил.

Людей и свет изведал он
И знал неверной жизни цену.
В сердцах друзей нашед измену,
В мечтах любви безумный сон,
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презренной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступник света, друг природы,
Покинул он родной предел
И в край далекий полетел
С веселым призраком свободы.

Свобода! он одной тебя
Еще искал в пустынном мире.
Страстями чувства истребя,
Охолодев к мечтам и к лире,

С волненьем песни он внимал,
Одушевленные тобою,
И с верой, пламенной мольбою
Твой гордый идол обнимал.

Свершилось... целью упования
Не зрит он в мире ничего.
И вы, последние мечтанья,
И вы сокрылись от него.
Он раб. Склонясь главой на камень,
Он ждет, чтоб с сумрачной зарей
Погас печальной жизни пламень,
И жаждет сени гробовой.

Уж меркнет солнце за горами;
Вдали раздался шумный гул;
С полей народ идет в аул,
Сверкая светлыми косами.

*На отбыв милая смотрит в окошко
И шепчет: Это урубил сон
Усталый купит мир пустоты.
Вздохнул, мучкой ^{от}одарена,
Во убитой фантоме отрадой,
Кованя приключив, она
Со усталым купит ароматный
Подносит тилую ручку.
Но как давить сонных дребезгов,
Она ловит фантом дубин
Приятной рывки звук востановки
И взоры отбыв миладой;*

Пришли; в домах зажглись огни,
И постепенно шум нестройный
Умолкнул; все в ночной тени
Сбъято негою спокойной;
Вдали сверкает горный ключ,
Сбегая с каменной стремнины;
Оделись пеленою туч

Кавказа спящие вершины...
Но кто, в сиянии луны,
Среди глубокой тишины
Идет, украдкою ступая?
Очнулся русский. Перед ним,
С приветом нежным и немым,
Стоит черкешенка младая.
На деву молча смотрит он
И мыслит: это лживый сон,
Усталых чувств игра пустая.
Луною чуть озарена,
С улыбкой жалости отрадной
Колена преклонив, она
К его устам кумыс⁶ прохладный
Подносит тихою рукой.
Но он забыл сосуд целебный;
Он ловит жадною душой
Приятной речи звук волшебный
И взоры девы молодой.
Он чуждых слов не понимает;
Но взор умильный, жар ланит,
Но голос нежный говорит:
Живи! и пленник оживает.
И он, собрав остаток сил,
Веленью милому покорный,
Пристал — и чашей благотворной
Томленье жажды утолил.
Потом на камень вновь склонился
Отягощенною главой,
Но все к черкешенке младой
Угасший взор его стремился.
И долго, долго перед ним
Она, задумчива, сидела;
Как бы участием немым
Утешить пленника хотела;
Уста невольно каждый час
С начатой речью открывались;
Она вздыхала, и не раз
Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли как тень.
В горах, окованный, у стада
Проводит пленник каждый день.

Пещеры влажная прохлада
Его скрывает в летний зной;
Когда же рог луны серебристой
Блеснет за мрачною горой,
Черкешенка, тропой тенистой,
Приносит пленнику вино,
Кумыс, и ульев сот душистый,
И белоснежное пшезо;
С ним тайный ужин разделяет;
На нем покоит нежный взор;
С неясной речью сливает
Очей и знаков разговор;
Поет ему и песни гор,
И песни Грузии счастливой⁷.
И памяти нетерпеливой
Передает язык чужой.
Впервые девственной душой
Она любила, знала счастье,
Но русский жизни молодой
Давно утратил сладострастье.
Не мог он сердцем отвечать
Любви младенческой, открытой —
Быть может, сон любви забытой
Боялся он вспоминать.

Не вдруг увянет наша младость,
Не вдруг восторги бросят нас,
И неожиданную радость
Еще обнимем мы не раз:
Но вы, живые впечатленья,
Первоначальная любовь,
Небесный пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь.

Казалось, пленник безнадежный
К унылой жизни привыкал.
Тоску неволи, жар мятежный
В душе глубоко он скрывал.
Влачась меж угрюмых скал,
В час ранней, утренней прохлады,
Вперял он любопытный взор
На отдаленные громады
Седых, румяных, синих гор.

Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,
Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков,
И в их кругу колосс двуглавый,
В венце блистая ледяном,
Эльбрус огромный, величавый,
Белел на небе голубом⁸.
Когда, с глухим сливаясь гулом,
Предтеча бури, гром гремел,
Как часто пленник над аулом
Недвижим на горе сидел!
У ног его дымились тучи,
В степи взвивался прах летучий;
Уже приюта между скал
Елень испуганный искал;
Орлы с утесов подымались
И в небесах перекликались;
Шум табунов, мычанье стад
Уж гласом бури заглушались...
И вдруг на доли дождь и град
Из туч сквозь молний извергались;
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вековые,
Текли потоки дождевые —
А пленник, с горной вышины,
Один, за тучей громовою,
Возврата солнечного ждал,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
С какой-то радостью внимал.

Но европейца все вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу длани;
Смотрел по целым он часам,
Как иногда черкес проворный,
Широкой степью, по горам,

В косматой шапке; в бурке черной,
К луке склонясь, на стремяна
Ногою стройной опираясь,
Летал по воле скакуна,
К войне заранее приучаясь.
Он любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкес оружием обвешен;
Он им гордится, им утешен;
На нем броня, пицаль, колчан,
Кубанский лук, кинжал, аркан
И пашка, вечная подруга
Его трудов, его досуга.
Ничто его не тяготит,
Ничто не брякнет; пеший, конный —
Все тот же он; все тот же вид
Непобедимый, непреклонный.
Гроза беспечных казаков,
Его богатство — конь ретивый.
Питомец горских табунов,
Товарищ верный, терпеливый.
В пещере иль в траве глухой
Коварный хищник с ним таится
И вдруг внезапною стрелой,
Завидя путника, стремится;
В одно мгновенье верный бой
Решит удар его могучий,
И странника в ущелья гор
Уже влечет аркан летучий.
Стремится конь во весь опор,
Исполнен огненной отваги;
Все путь ему: болото, бор,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый след за ним бежит,
В пустыне тонот раздается;
Седой поток пред ним шумит —
Он в глубь кипящую несется;
И путник, брошенный ко дну,
Глодает мутную волну,
Изнемогая смерти просит
И зрит ее перед собой...
Но мощный конь его стрелой
На берег пенистый выносит.

Иль ухватив рогатый пень,
В реку низверженный грозою,
Когда на холмах пеленою
Лежит безлунной ночи тень,
Черкес на корни вековые,
На ветви вешает кругом
Свои доспехи боевые,
Щит, бурку, панцирь и шелом,
Колчан и лук — и в быстры волны
За ним бросается потом,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Река ревет;
Могучий ток его несет
Вдоль берегов уединенных,
Где на курганах возвышенных,
Склонясь на копья, казаки
Глядят на темный бег реки —
И мимо их, во мгле чернея,
Плывет оружие злодея...
О чем ты думаешь, казак?
Вспоминаешь прежни битвы,
На смертном поле свой бивак,
Полков хвалебные молитвы
И родину?.. Коварный сон!
Простите, вольные станицы,
И дом отцов, и тихий Дон,
Война и красные девицы!
К брегам причалил тайный враг,
Стрела выходит из колчана —
Взвилась — и падает казак
С окровавленного кургана.

Когда же с мирною семьей
Черкес в отеческом жилище
Сидит ненастной порой,
И тлеют угли в пепелище;
И, спрянув с верного коня,
В горах пустынных запоздалый,
К нему войдет пришлец усталый
И робко сядет у огня, —
Тогда хозяин благосклонный
С приветом, ласково, встает
И гостю в чаше благовонной

Мраморныя ^{узоры} стѣны и мѣди блѣднѣе
 куполъ блѣднѣе, а въ соборѣ
 Блженихъ - и мраморъ свѣтлѣе
 и ослѣдствіемъ свѣта -

Человек, твоему знакомому, Казаров
Писемником твоим Казарову,

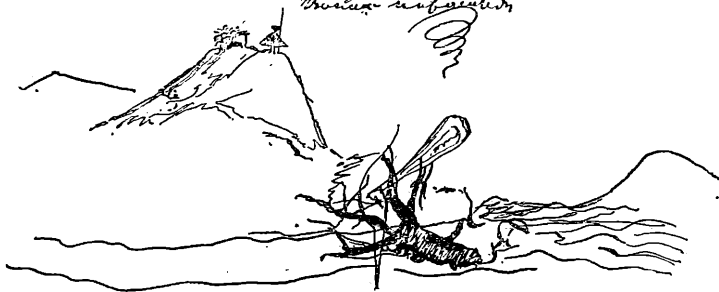
forstwirtschaftliche sowie für
Kunst- u. gewerbliche Zwecke
Kunst- u. gewerbliche Zwecke
Kunst- u. gewerbliche Zwecke

Nepodmily Kolapavlin vons!

спосомом..... ^{до 1.10.18} ~~исправлен~~ ^{составлен} состав,

de doter omgelyc, u musin dord

~~the great~~ thought
business - un-expectedly

Чихерь ⁹ отрадный подает.
Под влажной буркой, в сакле дымной,
Вкушает путник мирный сон,
И утром оставляет он
Нсчлега кров гостеприимный ¹⁰

Бывало, в светлый Бапран ¹¹
Сберутся юноши толпою;
Игра сменяется игрою.
То, полный разобрав колчан,
Они крылатыми стрелами
Пронзают в облаках орлов;
То с высоты крутых холмов
Нетерпеливыми рядами,
При данном знаке, вдруг падут,
Как лани землю поражают,
Равнину пылью покрывают
И с дружным топотом бегут.

Но скучен мир однообразный
Сердцам, рожденным для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нередко пашки грозно блещут
В безумной резвости пиров,
И в прах летят главы рабов,
И в радости младенцы плещут.

Но русский равнодушно зрел
Сии кровавые забавы.
Любил он прежде игры славы
И жаждой гибели горел.
Невольник чести беспощадной,
Вблизи видал он свой конец,
На поединках твердый, хладный,
Встречая гибельный свинец.
Быть может, в думу погруженный,
Он время то воспоминал,
Когда, друзьями окруженный,
Он с ними шумно пировал...
Жалел ли он о днях минувших,
О днях, надежду обманувших,
Иль, любопытный, созерцал

Суровой простоты забавы.
И дикого народа нравы
В сем верном зеркале читал —
Таил в молчанье он глубоком
Движенья сердца своего,
И на челе его высоком
Не изменялось ничего;
Беспечной смелости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили век его молодой
И шепотом между собой
Своей добычею горделись.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ты их узнала, дева гор,
Восторги сердца, жизни сладость;
Твой огненный, невинный взор
Высказывал любовь и радость.
Когда твой друг во тьме почвой
Тебя лобзал немим лобзаньем,
Сгорая негой и желаньем,
Ты забывала мир земной,
Ты говорила: «Пленник милый,
Развесели свой взор унылый,
Склонись главою ко мне на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я в пустыне
С тобою, царь души моей!
Люби меня; никто доныне
Не целовал моих очей;
К моей постеле одинокой
Черкес молодой и черноокой
Не крался в тишине ночной;
Слышу я девою жестокой,
Неумолимой красотой.
Я знаю жребий мне готовый:
Меня отец и брат суровый
Немилому продать хотят
В чужой аул ценою злата;
Но умолю отца и брата
Не то — найду кинжал иль яд.

Непостижимой, чудной силой
К тебе я вся привлечена;
Люблю тебя, невольник милый,
Душа тобой упоена...»

Но он с безмолвным сожаленьем
На деву страстную взирал
И, полный тяжким размышленьем,
Словам любви ее внимал.
Он забывался. В нем теснились
Воспоминанья прошлых дней,
И даже слезы из очей
Однажды градом покатались.
Лежала в сердце, как свинец,
Тоска любви без упованья.
Пред юной девой наконец
Он изливал свои страданья:

«Забудь меня: твоей любви,
Твоих восторгов я не стою.
Бесценных дней не трать со мною;
Другого юношу зови.
Его любовь тебе заменит
Моей души печальный хлад;
Он будет верен, он оценит
Твою красу, твой милый взгляд,
И жар младенческих лобзаний,
И нежность пламенных речей;
Без упоенья, без желаний
Я вяну жертвою страстей.
Ты видишь след любви несчастной,
Душевной бури след ужасный;
Оставь меня; но пожалей
О скорбной участи моей!
Несчастный друг, зачем не прежде
Явилась ты моим очам,
В те дни, как верил я надежде
И упоительным мечтам!
Но поздно: умер я для счастья,
Надежды призрак улетел;
Твой друг отвык от сладострастья,
Для нежных чувств окаменел...

Как тяжко мертвыми устами
Живым лобзаньям отвечать
И очи, полные слезами,
Улыбкой хладною встречать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснув бесчувственной душой,
В объятиях подруги страстной
Как тяжко мыслить о другой!..

Когда так медленно, так нежно
Ты пьешь лобзания мои,
И для тебя часы любви
Проходят быстро, безмятежно;
Снедая слезы в тишине,
Тогда рассеянный, унылый
Перед собою, как во сне,
Я вижу образ вечно милый;
Его зову, к нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебе в забвенье предаюсь
И тайный призрак обнимаю.
Об нем в пустыне слезы лью;
Повсюду он со мною бродит
И мрачную тоску наводит
На душу сирую мою.

Оставь же мне мои железы,
Уединенные мечты,
Воспоминанья, грусть и слезы:
Их разделить не можешь ты.
Ты сердца слышала признание;
Прости... дай руку — на прощанье.
Недолго женскую любовь
Печалит хладная разлука:
Пройдет любовь, настанет скука,
Красавица полюбит вновь».

Раскрыв уста, без слез рыдая,
Сидела дева молодая.
Туманный, неподвижный взор
Безмолвный выражал укор;
Бледна как тень, она дрожала:

В руках любовника лежала
Ее холодная рука;
И наконец любви тоска
В печальной речи излилася:

«Ах, русский, русский, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебе навек я предалась!
Не долго на груди твоей
В забвенье дева отдыхала;
Не много радостных ночей
Судьба на долю ей послала!
Придут ли вновь когда-нибудь?
Ужель навек погибла радость?..
Ты мог бы, пленник, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя б из жалости одной,
Молчаньем, ласкою притворной;
Я услаждала б жребий твой
Заботой нежной и покорной;
Я стерегла б минуты сна,
Покой тоскующего друга;
Ты не хотел... Но кто ж она,
Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, русский? ты любим?..
Понятны мне твои страданья...
Прости ж и ты мои рыданья,
Не смейся горестям моим».

Умолкла. Слезы и стenanья
Стеснили бедной девы грудь.
Уста без слов роптали пени.
Без чувств, обняв его колени,
Она едва могладохнуть.
И пленник, тихою рукою
Подняв несчастную, сказал:
«Не плачь: и я гоним судьбою,
И муки сердца испытал.
Нет, я не знал любви взаимной,
Любил один, страдал один;
И гасну я, как пламень дымный,
Забытый средь пустых долин;
Умру вдали берегов желанных;

Мне будет гробом эта степь;
Здесь на костях моих изгнанных
Заржавит тягостная цепь...»

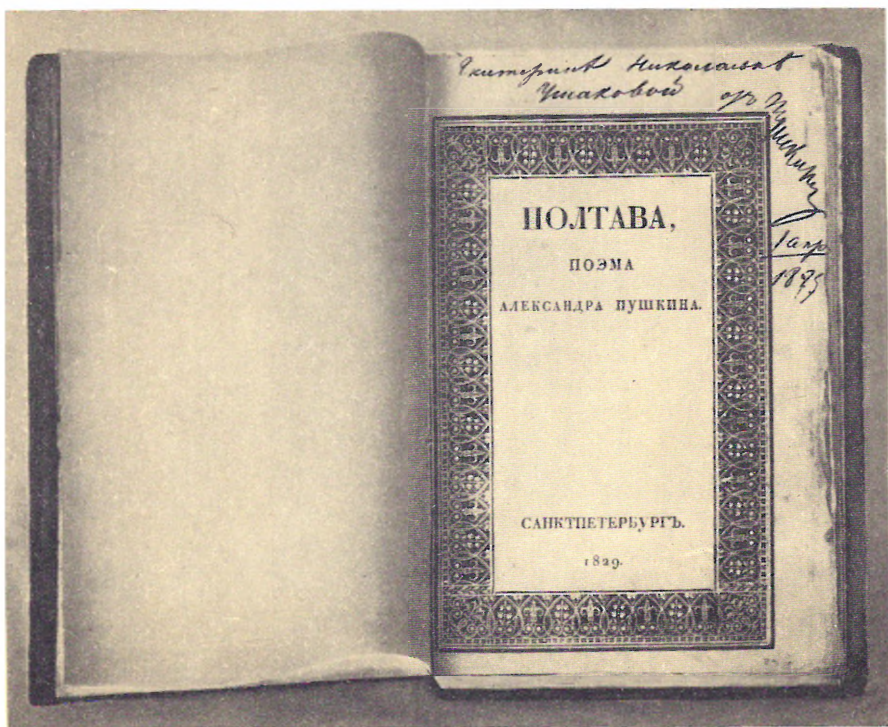
Светила ночи затмевались;
В дали прозрачной означались
Громады светлоснежных гор;
Главу склонив, потупя взор,
Они в безмолвии расстались.

Унылый пленник с этих пор
Один окрест аула бродит.
Заря на знойный небосклон
За днями новы дни возводит;
За ночью ночь вослед уходит;
Вотще свободы жаждет он.
Мелькнет ли серна меж кустами,
Проскачет ли во мгле сайгак, —
Он, вспыхнув, загремит цепями,
Он ждет, не крадется ль казак,
Ночной аулов разоритель,
Рабов отважный избавитель.
Зовет... но все кругом молчит;
Лишь волны плещутся, бушуя,
И человека зверь почуя,
В пустыню темную бежит.

Однажды слышит русский пленный,
В горах раздался клик военный:
«В табун, в табун!» Бегут, шумят;
Уздечки медные гремят,
Чернеют бурки, блещут брони,
Кипят оседланные кони,
К набегу весь аул готов,
И дикие питомцы брани
Рекою хлынули с холмов
И скачут по берегам Кубани
Сбирать насильственные дани.

Утих аул; на солнце спят
У саклей псы сторожевые.
Младенцы смуглые, нагие
В свободной резвости шумят;

Их прадеды в кругу сидят,
Из трубок дым, вясь, синее.
Они безмолвно юных дев
Знакомый слушают припев,
И старцев сердце молодеет.

ЧЕРКЕССКАЯ ПЕСНЯ

1

В реке бежит гремящий вал;
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копье стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.

2

Казак плывет на челноке,
Влача по дну речному сети.
Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой:
Чеченец ходит за рекой.

3

На берегу заветных вод
Цветут богатые станицы;
Веселый пляшет хоровод.
Бегите, русские певичы,
Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекой.

Так пели девы. Сев на бреге,
Мечтает русский о победе;
Но цепь невольника тяжка,
Быстра глубокая река...
Меж тем, померкнув, степь уснула,
Вершины скал омрачены.
По белым хижинам аула
Мелькает бледный свет луны;

Елени дремлют над водами,
Умолкнул поздний крик орлов,
И глухо вторится горами
Далекий топот табунов.

Тогда кого-то слышно стало,
Мелькнуло девы покрывало,
И вот — печальна и бледна
К нему приблизилась *она*.
Уста прекрасной ищут речи;
Глаза исполнены тоской,
И черной падают волной
Ее власы на грудь и плечи.
В одной руке блесит пила,
В другой кинжал ее булатный;
Казалось, будто дева шла
На тайный бой, на подвиг ратный.

На пленника возведши взор,
«Беги, — сказала дева гор, —
Нигде черкес тебя не встретит.
Спеши; не трать ночных часов;
Возьми кинжал: твоих следов
Никто во мраке не заметит».

Пилу дрожащей взяв рукой,
К его ногам она склонилась:
Визжит железо под пилой,
Слеза невольная скатилась —
И цепь распалась и гремит.
«Ты волен, — дева говорит, —
Беги!» Но взгляд ее безумный
Любви порыв изобразил.
Она страдала. Ветер шумный,
Свистя, покров ее клубил.
«О друг мой! — русский возопил, —
Я твой навек, я твой до гроба.
Ужасный край оставим оба,
Беги со мной...» — «Нет, русский, нет!
Она исчезла, жизни сладость;
Я знала все, я знала радость,
И все прошло, пропал и след.
Возможно ль? ты любил другую!..

Найди ее, люби ее;
О чем же я еще тоскую?
О чем уныние мое?..
Прости! любви благословенья
С тобою будут каждый час.
Прости — забудь мои мученья,
Дай руку мне... в последний раз».

К черкешенке простер он руки,
Воскресшим сердцем к ней летел,
И долгий поцелуй разлуки
Союз любви запечатлел.
Рука с рукой, унынья полны,
Сошли ко берегу в тишине —
И русский в шумной глубине
Уже плывет и пенит волны,
Уже противных скал достиг,
Уже хватается за них...
Вдруг волны глухо зашумели,
И слышен отдаленный стон...
На дикий берег выходит он,
Глядит назад, берега яснили
И, опененные, белели;
Но нет черкешенки молодой
Ни у берегов, ни под горой...
Все мертво... на берегах уснувших
Лишь ветра слышен легкий звук,
И при луне в водах плеснувших
Струистый исчезает круг.

Все понял он. Прощальным взором
Объемлет он в последний раз
Пустой аул с его забором,
Поля, где, пленный, стадо пас,
Стремнины, где влачил оковы,
Ручей, где в полдень отдыхал,
Когда в горах черкес суровый
Свободы песню запевал.

Редел на небе мрак глубокий,
Ложился день на темный дол,
Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный пленник шел;

И перед ним уже в туманах
Сверкали русские штывы,
И окликались на курганах
Сторожевые казаки.

ЭПИЛОГ

Так Муза, легкий друг Мечты,
К пределам Азии летала
И для венка себе срывала
Кавказа дикие цветы.
Ее пленял наряд суровый
Племен, возросших на войне,
И часто в сей одежде новой
Волшебница являлась мне;
Вокруг аулов опустелых
Одна бродила по скалам,
И к песням дев осиротелых
Она прислушивалась там;
Любила бранные станицы,
Тревоги смелых казаков,
Курганы, тихие гробницы,
И шум, и ржакъ табунов.
Богиня песен и рассказа,
Воспоминания полна,
Быть может, повторит она
Преданья грозного Кавказа;
Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава ¹² древний поединок,
Измены, гибель россиян
На лоне мстительных грузинок;
И воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Подъялся наш орел двуглавый;
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,
И в сече, с дерзостным челом,
Явился пылкий Цицианов;
Тебя я воспою, герой,
О Котляревский, бич Кавказа!

[illegible]

U bownu mu mo wabubu' nats

Korda, nwył Sou' spobabliw;

На переводный лавнаго

Подписки на имя оренб. дворянина.

Видеть на Empire ^{Автомобиль} ~~пункт назначения~~

Богородице Пустошь изъясняетъ слово

указовъ русскаго Государства,

и не сдерживаешь чело

Round robin given to:

And in bowow, Grou

«Коммунистический, Турк невраг!»

~~byłat~~ nie uważał mię zrozuć

Below cloth seat ^{luxur} ~~accepted~~ ^{superior} paper:

Ты думаешь, ну, и вот так и живи...
никогда не сдавай

Но ~~не~~ ^{только} ~~поэтому~~ ^{поэтому} ~~и~~ ^и ~~не~~ ^{не} ~~исключено!~~ ^{исключено!}

моя неградушка война;

Сухой ищроме, вьзвѣсѣ кетов.

John

Куда ни мчался ты грозой —
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...
Ты днесь покинул саблю мести,
Тебя не радует война;
Скучая миром, в язвах чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашних долов...
Но сё — Восток подьемлет вой!..
Поникни снежною главой,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!

И смолкнул ярый крик войны:
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.
К ущельям, где гнездились вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ *Бешту*, или, правильнее, *Бештау*, кавказская гора в 40 верстах от Георгиевска. Известна в нашей истории.

² *Аул*. Так называются деревни кавказских народов.

³ *Уздень*, начальник или князь.

⁴ *Пашка*, черкесская сабля.

⁵ *Сакля*, хижина.

⁶ *Кумыс* делается из кобыльего молока; напиток сей в большом употреблении между всеми горскими и кочующими народами Азии. Он довольно приятен вкусу и почитается весьма здоровым.

⁷ Счастливым климат Грузии не вознаграждает сию прекрасную страну за все бедствия, вечно ею претерпеваемые. Песни грузинские приятны и по большей части заунывны. Они славят минутные успехи кавказского оружия, смерть наших героев; Баку-

нина и Цицианова, измены, убийства — иногда любовь и наслаждения.

⁸ Державин в превосходной своей оде графу Zubову первый изобразил в следующих строфах дикie картины Кавказа:

О юный вoждь, сверша походы,
Прoшел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красоты природы:
Как с ребр там страшных гор лиясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чел их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов.

Ты зрел, как ясною порою
Там солнечны лучи, средь льдов,
Средь вод, играя, отражаясь,
Великолепный кажут вид;
Как, в разноцветных рассеаясь
Там брызгах, тонкий дождь горит;
Как глыба там сизо-янтарна,
Нависясь, смотрит в темный бор;
А там заря златобагряна
Сквозь лес увеселяет взор.

Жуковский, в своем послании к г-ну Воейкову, также посвящает несколько прелестных стихов описанию Кавказа:

Ты зрел, как Терек в быстром беге
Меж виноградников шумел,
Где, часто притаясь на бреге,
Чеченец иль черкес сидел
Под буркой, с гибельным арканом;
И вдалеке перед тобой,
Одеты голубым туманом,
Гора вздымалась над горой,
И в сонме их гигант седой,
Как туча, Эльборус двуглавый,
Ужасною и величавой
Там все блистает красотой:
Утесов мшистые громады,
Бегущи с ревом водопады
Во мрак пучин с гранитных скал;
Леса, которых сна от века
Ни стук секир, ни человека
Веселый глас не возмущал,
В которых сумрачные сени
Еще луч дневный не проник,
Где изредка одни елени,
Орла послышав грозный крик,

Теснясь в толпу, шумят ветвями,
 И козы легкими ногами
 Перебегают по скалам.
 Там все является очам
 Великолешие творенья!
 Но там — среди уединенья
 Долин, таящихся в горах, —
 Гнездятся и балкар, и бах,
 И абазех, и камуцинец,
 И карбулак, и албазинец,
 И чечереец, и шапсук;
 Пищаль, кольчуга, сабля, лук
 И конь — соратник быстроногий —
 Их и сокровища и боги;
 Как серны скачут по горам,
 Бросают смерть из-за утеса;
 Или по топким берегам,
 В траве высокой, в чаще леса
 Рассыпавшись, добычи ждут;
 Скалы свободы их приют.
 Но дни в аулах их бредут
 На костылях угрюмой лени:
 Там жизнь их — сон; стеснясь в кружок
 И в братский с табаком горшок
 Вонзивши чубуки, как тени
 В дыму клубящемся сидят
 И об убийствах говорят,
 Иль хвалят меткие пищали,
 Из коих деда их стреляли;
 Иль сабли на кремнях острят,
 Готовясь на убийства новы.

⁹ *Чилирь*, красное грузинское вино.

¹⁰ Черкесы, как и все дикие народы, отличаются пред нами гостеприимством. Гость становится для них священной особою. Предать его или не защитить почитается меж ними за величайшее бесчестие. *Кунак* (т. е. приятель, знакомый) отвечает жизнью за вашу безопасность, и с ним вы можете углубиться в самую средину кабардинских гор.

¹¹ *Байран*, или *байрам*, праздник разговенья. *Рамазан*, мусульманский пост.

¹² Мстислав, сын св. Владимира, прозванный *Удалым*, удельный князь Тмутаракана (остров Тамань). Он воевал с косогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю. См. *Ист. Гос. Росс. Том II*.

ГАВРИИЛИАДА

Воистину еврейки молодой
Мне дорого душевное спасенье.
Приди ко мне, прелестный ангел мой,
И мирное прими благословенье.
Спасти хочу земную красоту!
Любезных уст улыбкою довольный,
Царю небес и господу Христу
Пою стихи на лире богомольной.
Смиранных струн, быть может, наконец
Ее пленят церковные напевы,
И дух святой сойдет на сердце девы;
Властитель он и мыслей и сердец.

Шестнадцать лет, невинное смирение,
Бровь темная, двух девственных холмов
Под полотном упругое движение,
Нога любви, жемчужный ряд зубов...
Зачем же ты, еврейка, улыбнулась,
И по лицу румянец пробежал?
Нет, милая, ты, право, обманулась:
Я не тебя, — Марию описал.

В глуши полей, вдали Ерусалима,
Вдали забав и юных волокит
(Которых бес для гибели хранит),
Красавица, никем еще не зрима,
Без прихотей вела спокойный век.
Ее супруг, почтенный человек,
Седой старик, плохой столяр и плотник,
В селенье был единственный работник.

И день и ночь, имея много дел
То с уровнем, то с верною пилою,
То с топором, не много он смотрел
На прелести, которыми владел,
И тайный цвет, которому судьбою
Назначена была иная честь,
На стебельке не смел еще процвести.
Ленивый муж своею старой лейкой
В час утренний не орошал его;
Он как отец с невинной жил еврейкой,
Ее кормил — и больше ничего.

Но, с праведных небес во время оно
Всевышний бог склонил приветный взор
На стройный стан, на девственное лоно
Рабы своей — и, чувствуя задор,
Он положил в премудрости глубокой
Благословить достойный вертоград,
Сей вертоград, забытый, одинокий,
Щедрою таинственных наград.

Уже поля немая ночь объемлет;
В своем углу Мария сладко дремлет.
Всевышний рек, — и деде снится сон:
Пред нею вдруг открылся небосклон;
Во глубине небес необозримой,
В сиянии и славе нестерпимой
Тьмы ангелов волнуются, кипят,
Бесчисленны летают серафимы,
Струнами арф бряцают херувимы,
Архангелы в безмолвии сидят,
Главы закрыв лазурными крылами,
И, яркими одеян облаками,
Предвечного стоит пред ними трон.
И светел вдруг очам явился он...
Все пали ниц... Умолкнул арфы звон.
Склонив главу, едва Мария дышит,
Дрожит как лист и голос бога слышит:
«Краса земных любезных дочерей,
Израиля надежда молодая!
Зову тебя, любовью пылая,
Причастница ты славы будь моей:
Готова будь к неведомой судьбине,
Жених грядет, грядет к своей рабыне».

Вновь облаком оделся божий трон;
Восстал духов крылатый легион,
И раздались небесной арфы звуки...
Открыв уста, сложив умильно руки,
Лицу небес Мария предстоит.
Но что же так волнует и манит
Ее к себе внимательные взоры?
Кто сей в толпе придворных молодых
С нее очей не сводит голубых?
Пернатый шлем, роскошные уборы,
Сиянье крил и локонов златых,
Высокий стан, взор томный и стыдливый —
Все нравится Марии молчаливой.
Замечен он, один он сердцу мил!
Гордись, гордись, архангел Гавриил!
Пропало все. — Не внемля детской пени,
На полотне так исчезают тени,
Рожденные в волшебном фонаре.

Красавица проснулась на заре
И нежилась на ложе томном лени.
Но дивный сон, но милый Гавриил
Из памяти ее не выходил.
Царя небес любить она хотела,
Его слова приятны были ей,
И перед ним она благоговела, —
Но Гавриил казался ей милей...
Так иногда супругу генерала
Затянутый прельщает адъютант.
Что делать нам? судьба так приказала, —
Согласны в том невежда и педант.

Поговорим о странностях любви
(Другого я не смыслю разговора).
В те дни, когда от огненного взора
Мы чувствуем волнение в крови,
Когда тоска обманчивых желаний
Объемлет нас и душу тяготит,
И всюду нас преследует, томит
Предмет один и думы и страданий, —
Не правда ли? в толпе молодых друзей
Наперсника мы ищем и находим.
С ним тайный глас мучительных страстей

Наречием восторгов переводим.
Когда же мы поймали на лету
Крылатый миг небесных упоений
И к радостям на ложе наслаждений
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И нечего нам более желать, —
Чтоб оживить о нем воспоминанье,
С наперсником мы любим поболтать.

И ты, господь! познал ее волненье,
И ты пылал, о боже, как и мы.
Создателю постыло все творенье,
Наскучило небесное моление, —
Он сочинял любовные псалмы
И громко пел: «Люблю, люблю Марию,
В унынии бессмертие влачу...
Где крылья? к Марии полечу
И на груди красавицы почию!..»
И прочее... все, что придумать мог, —
Творец любил восточный, пестрый слог.
Потом, призвав любимца Гавриила,
Свою любовь он прозой объяснял.
Беседы их нам церковь утаила,
Евангелист немного оплошал!
Но говорит армянское преданье,
Что царь небес, не пожалев похвал,
В Меркурии архангела избрал,
Замета в нем и ум и дарованье, —
И вечерком к Марии подослал.
Архангелу другой хотелось чести:
Нередко он в посольствах был счастлив;
Переносить записочки да вести
Хоть выгодно, но он самолюбив.
И славы сын, намеренья сокрыв,
Стал нехотя услужливый угодник
Царю небес... а по-земному сводник.

Но, старый враг, не дремлет сатана!
Услышал он, шатаясь в белом свете,
Что бог имел еврейку на примете,
Красавицу, которая должна
Спасти наш род от вечной муки ада.

Лукавому великая досада —
Хлопочет он. Всевышний между тем
На небесах сидел в унынье сладком,
Весь мир забыв, не правил он ничем —
И без него все шло своим порядком.

Что ж делает Мария? Где она,
Иосифа печальная супруга?
В своем саду, печальных дум полна,
Проводит час невинного досуга
И снова ждет пленительного сна.
С ее души не сходит образ милый,
К архангелу летит душой унылой.
В прохладе палм, под говором ручья
Задумалась красавица моя;
Не мило ей цветов благоуханье,
Не весело прозрачных вод журчанье...
И видит вдруг: прекрасная змия,
Приманчивой блистая чешуею,
В тени ветвей качается над нею
И говорит: «Любимица небес!
Не убегай, — я пленник твой послушный...»
Возможно ли? О, чудо из чудес!
Кто ж говорил Марии простодушной,
Кто ж это был? Увы, конечно, бес.

Краса змии, цветов разнообразность,
Ее привет, огонь лукавых глаз
Понравились Марии в тот же час.
Чтоб усладить младого сердца праздность,
На сатане покоя нежный взор,
С ним завела опасный разговор:

«Кто ты, змия? По лъстивому напеву,
По красоте, по блеску, по глазам —
Я узнаю того, кто нашу Еву
Привлечь успел к таинственному древу
И там склонил несчастную к грехам.
Ты погубил неопытную деву,
А с нею весь Адамов род и нас.
Мы в бездне бед невольно потонули.
Не стыдно ли?»

— Попы вас обманули,
И Еву я не погубил, а спас! —

«Спас! от кого?»

— От бога. —

«Враг опасный!»

— Он был влюблен... —

«Послушай, берегись!»

— Он к ней пылал —

«Молчи!» —

любовью страстной,

Она была в опасности ужасной. —

«Змия, ты лжешь!»

— Ей-богу! —

«Не божись»,

— Но выслушай... —

Подумала Мария:

«Нехорошо в саду, наедине,
Украдкою внимать наветам змия,
И кстати ли поверить сатане?
Но царь небес меня хранит и любит,
Всевышний благ: он, верно, не погубит
Своей рабы, — за что ж? за разговор!
К тому же он не даст меня в обиду,
Да и змия скромна довольно с виду.
Какой тут грех? где зло? пустое, вздор!»
Подумала и ухо приклонила,
Забыв на час любовь и Гавриила.
Лукавый бес, надменно развернув
Гремучий хвост, согнув дугою шею,
С ветвей скользит — и падает пред нею;
Желаний огонь во грудь ее вдохнув,
Он говорит:

«С рассказом Моисея

Не соглашу рассказа моего:

Он вымыслом хотел пленить еврея,

Он важно лгал, — и слушали его.

Бог наградил в нем слог и ум покорный,

Стал Моисей известный господин,

Но я, поверь, — историк не придворный,

Не нужен мне пророка важный чин!

Они должны, красавицы другие,

Завидовать огню твоих очей;

Ты рождена, о скромная Мария,

Чтоб изумлять Адамовых детей,
Чтоб властвовать их легкими сердцами,
Улыбкою блаженство им дарить,
Сводить с ума двумя-тремя словами,
По прихоти — любить и не любить...
Вот жребий твой. Как ты — молодая Ева
В своем саду скромна, умна, мила,
Но без любви в унынии цвела;
Всегда одни, глаз-на-глаз, муж и дева.
На берегах Эдема светлых рек.
В спокойствии вели-невинный век.
Скучна была их дней однообразность.
Ни рощи сень, ни молодость, ни праздность —
Ничто любви не воскрепало в них;
Рука с рукой гуляли, пили, ели,
Зевали днем, а ночью не имели
Ни страстных игр, ни радостей живых...
Что скажешь ты? Тиран несправедливый,
Еврейский бог, угрюмый и ревнивый,
Адамову подругу полюбя,
Ее хранил для самого себя...
Какая честь и что за наслажденье!
На небесах как будто в заточенье,
У ног его молился да молишь,
Хвалили его, красе его дивись,
Взглянуть не смей украдкой на другого,
С архангелом тихонько молвить слово;
Вот жребий той, которую творец
Себе возьмет в подруги наконец.
И что ж потом? За скуку, за мученье,
Награда вся дьячков осиплых пенье,
Свечи, старух докучная мольба,
Да чад кадил, да образ под алмазом,
Написанный каким-то богомазом...
Как весело! Завидная судьба!

Мне стало жаль моей прелестной Евы;
Решился я, создателю назло,
Разрушить сон и юноши и девы.
Ты слышала, как все произошло?
Два яблока, вися на ветке дивной
(Счастливый знак, любви символ призывный),
Открыли ей неясную мечту,

Проснулося неясное желанье:
Она свою познала красоту,
И негу чувств, и сердца трепетанье,
И юного супруга наготу!
Я видел их! любви — моей науки —
Прекрасное начало видел я.
В глухой лесок ушла чета моя...
Там быстро их блуждали взгляды, руки...
Меж милых ног супруги молодой,
Заботливый, неловкий и немой,
Адам искал восторгов упоенья,
Неистовым исполненный огнем;
Он вопрошал источник наслажденья
И, закипев душой, терялся в нем...
И, не страшась божественного гнева,
Вся в пламени, власы раскинув, Ева,
Едва, едва устами шевеля,
Лобзанием Адаму отвечала,
В слезах любви, в бесчувствии лежала
Под сенью пальм, — и юная земля
Любовников цветами покрывала.

Блаженный день! Увенчанный супруг
Жену ласкал с утра до темной ночи,
Во тьме ночной смыкал он редко очи,
Как их тогда украшен был досуг!
Ты знаешь: бог, утехи прерывая,
Чету мою лишил навеки рая.
Он их изгнал из милой стороны,
Где без трудов они так долго жили
И дни свои невинно проводили
В объятиях ленивой тишины.
Но им открыл я тайну сладострастья
И младости веселые права,
Томленье чувств, восторги, слезы счастья,
И поцелуй, и нежные слова.
Скажи теперь: ужели я предатель?
Ужель Адам несчастлив от меня?
Не думаю! но знаю только я,
Что с Евою остался я приятель».

Умолкнул бес. Мария в тишине
Коварному внимала сатане.
«Что ж? — думала, — быть может, прав лукавый;

Слыхала я: ни почестями, ни славой,
Ни золотом блаженства не купить;
Слыхала я, что надобно любить...
Любить! Но как, зачем и что такое?..»
А между тем вниманье молодое
Ловило все в рассказе сатаны:
И действия, и странные причины,
И смелый слог, и вольные картины...
(Охотники мы все до новизны.)
Час от часу неясное начало
Опасных дум казалось ей ясней,
И вдруг змии как будто не бывало —
И новое явленье перед ней:
Мария зрит красавца молодого
У ног ее. Не говоря ни слова,
К ней устремив чудесный блеск очей,
Чего-то он красноречиво просит,
Одной рукой цветочек ей подносит,
Другая мнет простое полотно
И крадется под ризы торопливо,
И легкий перст касается игриво
До милых тайн... Все для Марии диво,
Все кажется ей ново, мудрено.
А между тем румянец нестыдливый
На девственных ланитах заиграл —
И томный жар, и вздох нетерпеливый
Младую грудь Марии подымал.
Она молчит; но вдруг не стало мочи,
Едва дыша, закрыла томны очи,
К лукавому склонив на грудь главу,
Вскричала: ах!.. и пала на траву...

О милый друг! кому я посвятил
Мой первый сон надежды и желанья,
Красавица, которой был я мил,
Простишь ли мне мои воспоминанья,
Мои грехи, забавы юных дней,
Те вечера, когда в семье твоей,
При матери докучливой и строгой
Тебя томил я тайною тревогой
И просветил невинные красы?
Я научил послушливую руку
Обманывать печальную разлуку

И улаждать безмолвные часы,
Бессонницы девическую муку.
Но молодость утрачена твоя,
От бедных уст улыбка отлетела,
Твоя краса во цвете помертвела...
Простишь ли мне, о милая моя?

Отец греха, Марии враг лукавый,
Ты был и здесь пред нею виноват;
Ее тебе приятен был разврат,
И ты успел преступною забавой
Всевышнего супругу просветить
И дерзостью невинность изумить.
Гордись, гордись своей проклятой славой!
Спеши ловить.. но близок, близок час!
Вот меркнет день, заката луч угас.
Все тихо. Вдруг над девою утомленной,
Шумя, парит архангел окриленный, —
Посол любви, блестящий сын небес.

От ужаса при виде Гавриила
Красавица лицо свое закрыла...
Пред ним восстал, смутился мрачный бес
И говорит: «Счастливец горделивый,
Кто звал тебя? Зачем оставил ты
Небесный двор, эфира высоты?
Зачем мешать утехе молчаливой,
Занятиям чувствительной четы?»
Но Гавриил, нахмурия взгляд ревнивый,
Рек на вопрос и дерзкий и шутливый:
«Безумный враг небесной красоты,
Повеса злой, изгнанник безнадежный,

Ты соблазнил красу Марии нежной
И смеешь мне вопросы задавать!
Беги сейчас, бесстыдник, раб мятежный,
Иль я тебя заставлю трепетать!»
«Не трепетал от ваших я придворных,
Всевышнего прислужников покорных,
От сводников небесного царя!» —
Проклятый рек и, злобою горя,
Наморщив лоб, скосясь, кусая губы,
Архангела ударил прямо в зубы.
Раздался крик, шатнулся Гавриил

И левое колено преклонил;
Но вдруг восстал, исполнен новым жаром,
И сатану нечаянным ударом
Хватил в висок. Бес ахнул, побледнел —
И кинулись в объятия друг другу.
Ни Гавриил, ни бес не одолел.
Сплетенные, кружась идут по лугу,
На вражью грудь опершись бородой,
Соединив крест-накрест ноги, руки,
То силою, то хитростью науки
Хотят увлечь друг друга за собой.

Не правда ли? вы помните то поле,
Друзья мои, где в прежние дни, весной,
Оставя класс, играли мы на воле
И тешились отважною борьбой.
Усталые, забыв и брань и речи,
Так ангелы боролись меж собой.
Подземный царь, буян широкоплечий,
Вотще кряхтел с увертливым врагом,
И, наконец, желая кончить разом,
С архангела пернатый сбил шелом,
Златой шелом, украшенный алмазом.
Схватив врага за мягкие волосы,
Он сзади гнет могучею рукою
К сырой земле. Мария пред собою
Архангела зрит юные красы
И за него в безмолвии трепещет.
Уж ломит бес, уж ад в восторге плещет;
Но, к счастью, проворный Гавриил
Впился ему в то место роковое
(Излишнее почти во всяком бое),
В надменный член, которым бес грешил.
Лукавый пал, пощады запросил
И в темный ад едва нашел дорогу.

На дивный бой, на страшную тревогу
Красавица глядела чуть дыша;
Когда же к ней, свой подвиг соверша,
Приветливо архангел обратился,
Огонь любви в лице ее разлился
И нежностью исполнилась душа.
Ах, как была еврейка хороша!..

Посол краснел и чувства чужие
Так изъяснял в божественных словах:
«О радуйся, невинная Мария!
Любовь с тобой, прекрасна ты в женах;
Стократ блажен твой плод благословенный:
Спасет он мир и ниспровергнет ад...
Но признаюсь душою откровенной,
Отец его блаженнее стократ!»
И перед ней коленопреклоненный,
Он между тем ей нежно руку жал...
Потупя взор, прекрасная вздыхала,
И Гавриил ее поцеловал.
Смутясь, она краснела и молчала;
Ее груди дерзнул коснуться он...
«Оставь меня!» — Мария прошептала,
И в тот же миг лобзаньем заглушен
Невинности последний крик и стон...

Что делать ей? Что скажет бог ревнивый?
Не сгуйте, красавицы мои,
О женщины, наперсницы любви,
Умеете вы хитростью счастливой
Обманывать внимание жениха
И знатоков внимательные взоры,
И на следы приятного греха
Невинности набрасывать уборы...
От матери проказливая дочь
Берет урок стыдливости покорной
И мнимых мук, и с робостью притворной
Играет роль в решительную ночь;
И поутру, оправясь понемногу,
Встает бледна, чуть ходит, так томна.
В восторге муж, мать шепчет: слава богу!
А старый друг стучится у окна.

Уж Гавриил с известием приятным
По небесам летит путем обратным.
Наперсника нетерпеливый бог
Приветствием встречает благодатным:
«Что нового?» — Я сделал все, что мог,
Я ей открыл. — «Ну что ж она?» — Готова! —
И царь небес, не говоря ни слова,
С престола встал и манием бровей

Всех удалил, как древле бог Гомера,
Когда смирял бесчисленных детей;
Но Греции навек угасла вера,
Зевеса нет, мы сделались умней!

Упоена живым воспоминаньем,
В своем углу Мария в тишине
Покоилась на смятой простыне.
Душа горит и негой и желаньем,
Младую грудь волнует новый жар.
Она зовет тихонько Гавриила,
Его любви готова тайный дар,
Ночной покров ногою отдалила,
Довольный взор с улыбкою склонила,
И, счастлива в прелестной нагоде,
Сама своей дивится красоте.
И между тем в задумчивости нежной
Она грешит, прелестна и томна,
И чашу пьет отрады безмятежной.
Смеешься ты, лукавый сатана!
И что же? вдруг мохнатый, белокрылый
В ее окно влетает голубь милый,
Над нею он порхает и кружит,
И пробует веселые напевы,
И вдруг летит в колени милой девы.
Над розою садится и дрожит,
Клюет ее, копышется, вертится,
И носиком и ножками трудится.
Он, точно, он! — Мария поняла,
Что в голубе другого угощала;
Колени сжав, еврейка закричала,
Вздыхать, дрожать, молиться начала,
Заплакала, но голубь торжествует,
В жару любви трепещет и воркует,
И падает, объятый легким сном,
Приосеня цветок любви крылом.

Он улетел. Усталая Мария
Подумала: «Вот шалости какие!
Один, два, три! — как это им не лень?
Могу сказать, перенесла тревогу:
Досталась я в один и тот же день
Лукавому, архангелу и богу»,

Всевышний бог, как водится, потом
Признал своим еврейской девы сына,
Но Гавриил (завидная судьбина!)
Не преставал являться ей тайком;
Как многие, Иосиф был утешен,
Он пред женой по-прежнему безгрешен,
Христа любил как сына своего,
За то господь и наградил его.

Аминь, аминь! Чем кончу я рассказы?
Навек забыв старинные проказы,
Я пел тебя, крылатый Гавриил,
Смиранных струн тебе я посвятил
Усердное, спасительное пенье.
Храни меня, внемли мое моление!
Досель я был еретиком в любви,
Младых богинь безумный обожатель,
Друг демона, повеса и предатель...
Раскаянье мое благослови!
Приемлю я намеренья благие,
Переменюсь: Елену видел я;
Она мила, как нежная Мария,
Подвластна ей навек душа моя.
Моим речам придай очарованье,
Понравиться поведай тайну мне,
В ее груди зажги любви желанье,
Не то пойду молиться сатане!
Но дни бегут, и время сединою
Мою главу тихом посеребрят,
И важный брак с любезною женою
Пред алтарем меня соединит.
Иосифа прекрасный утешитель!
Молю тебя, колена преклоня,
О рогачей заступник и хранитель,
Молю — тогда благослови меня,
Даруй ты мне блаженное терпенье,
Молю тебя, пошли мне вновь и вновь
Спокойный сон, в супруге уверенье,
В семействе мир и к ближнему любовь.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ

Не стая воронов слеталась
На груды тлеющих костей,
За Волгой, ночью, вокруг огней
Удалых шайка собиралась.
Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!
Из хат, из келий, из темниц
Они стеклися для стяжаний!
Здесь цель одна для всех сердец —
Живут без власти, без закона.
Меж ними зрится и беглец
С берегов воинственного Дона,
И в черных локонах еврей,
И дикие сыны степей,
Калмык, башкирец безобразный,
И рыжий финн, и с ленью праздной
Везде кочующий цыган!
Опасность, кровь, разврат, обман —
Суть узы страшного семейства;
Тот их, кто с каменной душой
Прошел все степени злодейства;
Кто режет хладною рукой
Вдовицу с бедной сиротой,
Кому смешно детей стенанье,
Кто не прощает, не щадит,
Кого убийство веселит,
Как юношу любви свиданье.

Затихло все, теперь луна
Свой бледный свет на них наводит,
И чарка пенного вина
Из рук в другие переходит.
Простерты на земле сырой,
Иные чутко засыпают, —
И сны зловещие летают
Над их преступной головой.
Другим рассказы сокращают
Угрюмой ночи праздный час;
Умолкли все — их занимает
Пришельца нового рассказ,
И все вокруг его внимает:

«Нас было двое: брат и я.
Росли мы вместе; нашу младость
Вскормила чуждая семья:
Нам, детям, жизнь была не в радость;
Уже мы знали нужды глас,
Сносили горькое презренье,
И рано волновало нас
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сирот
Ни бедной хижинки, ни поля;
Мы жили в горе, средь забот,
Наскучила нам эта доля,
И согласились меж собой
Мы жребий испытать иной:
В товарищи себе мы взяли
Булатный нож да темну ночь;
Забыли робость и печали,
А совесть отогнали прочь.

Ах, юность, юность удалая!
Житье в то время было нам,
Когда, погибель презирая,
Мы все делили пополам.
Бывало, только месяц ясный
Взойдет и станет средь небес,
Из подземелия мы в лес
Идем на промысел опасный.
За деревом сидим и ждем:
Идет ли позднею дорогой

Богатый жид иль поп убогой, —
Все наше! все себе берем.
Зимой, бывало, в ночь глухую
Заложим тройку удалую,
Поем и свищем и стрелой
Летим над снежной глубиной.
Кто не боялся нашей встречи?
Завидели в харчевне свечи —
Туда! к воротам, и стучим,
Хозяйку громко вызываем,
Вошли — все даром: пьем, едим
И красных девушек ласкаем!

И что ж? попались молодцы;
Не долго братья пировали;
Поймали нас — и кузнецы
Нас друг ко другу приковали,
И стража отвела в острог.

Я старший был пятью годами
И вынести больше брата мог.
В цепях, за душными стенами
Я уцелел — он изнемог.
С трудом дыша, томим тоскою,
В забвенье, жаркой головою
Склоняясь к моему плечу,
Он умирал, твердя всечасно:
«Мне душно здесь... я в лес хочу...
Воды, воды!..» — но я напрасно
Страдальцу воду подавал:
Он снова жаждою томился,
И градом пот по нем катился.
В нем кровь и мысли волновал
Жар ядовитого недуга;
Уж он меня не узнавал
И поминутно призывал
К себе товарища и друга.
Он говорил: «Где скрылся ты?
Куда свой тайный путь направил?
Зачем мой брат меня оставил
Средь этой смрадной темноты?
Не он ли сам от мирных пашен
Меня в дремучий лес сманил,

И ночью там, могущ и страшен,
Убийству первый научил?
Теперь он без меня на воле
Один гуляет в чистом поле,
Тяжелым машет кистенем
И позабыл в завидной доле
Он о товарище своем!..»
То снова разгорались в нем
Докучной совести мученья:
Пред ним толпились привиденья,
Грозя перстом издавека.
Всех чаще образ старика,
Давно зарезанного нами,
Ему на мысли приходил;
Больной, зажав глаза руками,
За старца так меня молил:
«Брат! сжался над его слезами!
Не режь его на старость лет...
Мне дряхлый крик его ужасен...
Пусти его — он не опасен;
В нем крови капли теплой нет...
Не смейся, брат, над сединами,
Не мучь его... авось мольбами
Смягчит за нас он божий гнев!..»
Я слушал, ужас одолев;
Хотел унять больного слезы
И удалить пустые грезы.
Он видел пляски мертвецов,
В тюрьму пришедших из лесов,
То слышал их ужасный шепот,
То вдруг погони близкий топот,
И дико взгляд его сверкал,
Стояли волосы горою,
И весь как лист он трепетал.
То мнил уж видеть пред собою
На площадях толпы людей,
И страшный ход до места казни,
И кнут, и грозных палачей...
Без чувств, исполненный боязни,
Брат упал ко мне на грудь.
Так проводил я дни и ночи,
Не мог минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились,
Болезнь ужасная прошла,
И с нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильней
Взяла тоска по прежней доле;
Душа рвалась к лесам и к воле,
Алкала воздуха полей.
Нам тошен был и мрак темницы,
И сквозь решетки свет денницы,
И стражи клик, и звон цепей,
И легкий шум залетной птицы.

По улицам однажды мы,
В цепях, для городской тюрьмы
Сбирали вместе подаянье,
И согласились в тишине
Исполнить давнее желание;
Река шумела в стороне,
Мы к ней — и с берегов высоких
Бух! поплыли в водах глубоких.
Цепями общими гремим,
Бьем волны дружными ногами,
Песчаный видим островок
И, рассекая быстрый ток,
Туда стремимся. Вслед за нами
Кричат: «Лови! лови! уйдут!»
Два стража издали плывут,
Но уж на остров мы ступаем,
Оковы камнем разбиваем,
Друг с друга рвем клочки одежд,
Отягощенные водою...
Погоню видим за собою;
Но смело, полные надежд,
Сидим и ждем. Один уж тонет,
То захлебнется, то застонет
И как свинец пошел ко дну.
Другой проплыл уж глубину,
С ружьем в руках, он вброд упрямо,
Не внемля крику моему,
Идет, но в голову ему
Два камня полетели прямо —
И хлынула на волны кровь;

Он утонул — мы в воду вновь,
За нами гнаться не посмели,
Мы берегов достичь успели
И в лес ушли. Но бедный брат...
И труд и волн осенний хлад
Недавних сил его лишили:
Опять недуг его сломил,
И злые грезы посетили.
Три дня больной не говорил
И не смыкал очей дремотой;
В четвертый грустною заботой,
Казалось, он исполнен был;
Позвал меня, пожал мне руку,
Потухший взор изобразил
Одолевающую муку;
Рука задрогла, он вздохнул
И на груди моей уснул.

Над холодным телом я остался,
Три ночи с ним не расставался,
Все ждал, очнется ли мертвец?
И горько плакал. Наконец
Взял заступ; грешную молитву
Над братней ямой совершил
И тело в землю схоронил...
Потом на прежнюю ловитву
Пошел один... Но прежних лет
Уж не дождусь: их нет как нет!
Пирьы, веселые почлеги
И наши буйные набеги —
Могила брата все взяла.
Влачусь угрюмый, одинокий,
Окаменел мой дух жестокий,
И в сердце жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мне страшно резать старика;
На беззащитные седины
Не подымается рука..
Я помню, как в тюрьме жестокой
Больной, в цепях, лишенный сил,
Без памяти, в тоске глубокой
За старца брат меня молил».

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН

Многие, так же как и я,
посещали сей фонтан; но
иных уже нет, другие
странствуют далече.

С а д и

Гирей сидел, потупя взор;
Янтарь в устах его дымился;
Безмолвно раболепный двор
Вкруг хана грозного теснился.
Все было тихо во дворце;
Благоговей, все читали
Приметы гнева и печали
На сумрачном его лице.
Но повелитель горделивый
Махнул рукой нетерпеливой:
И все, склонившись, идут вон.

Один в своих чертогах он;
Свободней грудь его вздыхает,
Живее строгое чело
Волнение сердца выражает.
Так бурны тучи отражает
Залива зыбкое стекло.

Что движет гордою душою?
Какою мыслью занят он?
На Русь ли вновь идет войною,
Несет ли Польше свой закон,
Горит ли местию кровавой,
Открыл ли в войске заговор,
Страшится ли народов гор
Иль козней Генуи лукавой?

Нет, он скучает бранной славой,
Устала грозная рука;
Война от мыслей далека.

Ужель в его гарем измена
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нег и плена
Гяуру сердце отдала?

Нет, жены робкие Гирея,
Ни думать, ни желать не смея,
Цветут в унылой тишине;
Под стражей бдительной и хладной
На лоне скуки безотрадной
Измен не ведают оне.
В тени хранительной темницы
Утаены их красоты:
Так аравийские цветы
Живут за стеклами теплицы.
Для них унылой чередой
Дни, месяца, лета проходят
И неприметно за собой
И младость и любовь уводят.
Однообразен каждый день,
И медленно часов теченье.
В гареме жизнью правит лень;
Мелькает редко наслажденье.
Младые жены, как-нибудь
Желая сердце обмануть,
Меняют пышные уборы,
Заводят игры, разговоры,
Или при шуме вод живых,
Над их прозрачными струями
В прохладе яворов густых
Гуляют легкими роями.
Меж ними ходит злой эвнух,
И убегать его напрасно:
Его ревнивый взор и слух
За всеми следует всечасно.
Его стараньем заведен
Порядок вечный. Воля хана
Ему единственный закон;
Святую заповедь Корана
Не строже наблюдает он.
Его душа любви не просит;
Как истукан, он переносит
Насмешки, ненависть, укор,

Обиды шалости нескромной,
Презренье, просьбы, робкий взор,
И тихий вздох, и ропот томный.
Ему известен женский нрав;
Он испытал, сколь он лукав
И на свободе и в неволе:
Взор нежный, слез упрек немою
Не властны над его душой;
Он им уже не верит боле.

Раскинув легкие власы,
Как идут пленницы молодые
Купаться в жаркие часы,
И льются волны ключевые
На их волшебные красы,
Забав их сторож неотлучный,
Он тут; он видит, равнодушный,
Прелестниц обнаженный рой;
Он по гарему в тьме ночной
Неслышными шагами бродит;
Ступая тихо по коврам,
К послушным крадется дверям,
От ложа к ложу переходит;
В заботе вечной, ханских жен
Роскошный наблюдает сон,
Ночной подслушивает лепет;
Дыханье, вздох, малейший трепет —
Все жадно примечает он;
И горе той, чей шепот сонный
Чужое имя призывал
Или подруге благосклонной
Порочны мысли доверял!

Что ж полон грусти ум Гирея?
Чубук в руках его потух;
Недвижим, и дохнуть не смея,
У двери знака ждет эвнух.
Встает задумчивый властитель;
Пред ним дверь настезь. Молча он
Идет в заветную обитель
Еще недавно милых жен.

Беспечно ожидая хана,
Вокруг игривого фонтана

На шелковых коврах оне
Толпою резвою сидели
И с детской радостью глядели,
Как рыба в ясной глубине
На мраморном ходила дне.
Нарочно к ней на дно иные
Роняли серьги золотые.
Кругом невольницы меж тем
Шербет носили ароматный
И песнью звонкой и приятной
Вдруг огласили весь гарем:

ТАТАРСКАЯ ПЕСНЯ

1

«Дарует небо человеку
Замену слез и частых бед:
Блажен факир, узревший Мекку
На старости печальных лет.

2

Блажен, кто славный берег Дуная
Своею смертью освятит:
К нему навстречу дева рая
С улыбкой страстной полетит.

3

Но тот блаженней, о Зарема,
Кто, мир и негу возлюбя,
Как розу, в тишине гарема
Лелеет, милая, тебя».

Они поют. Но где Зарема,
Звезда любви, краса гарема? —
Увы, печальна и бледна,
Похвал не слушает она.
Как пальма, смятая грозюю,
Поникла юной головою;
Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбил Гирей.

Он изменил!.. Но кто с тобою,
Грузинка, равен красотою?
Вокруг лилейного чела
Ты косу дважды обвила;
Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи;
Чей голос выразит сильней
Порывы пламенных желаний?
Чей страстный поцелуй живей
Твоих язвительных лобзаний?
Как сердце, полное тобой,
Забьется для красоты чужой?
Но, равнодушный и жестокий,
Гирей презрел твои красоты
И почти хладные часы
Проводит мрачный, одинокий
С тех пор, как польская княжна
В его гарем заключена.

Недавно юная Мария
Узрела небеса чужие;
Недавно милою красой
Она цвела в стране родной.
Седой отец гордился ею
И звал отрадою своею.
Для старика была закон
Ее младенческая воля.
Одну заботу ведал он:
Чтоб дочери любимой доля
Была, как вешний день, ясна,
Чтоб и минутные печали
Ее души не помрачали,
Чтоб даже замужем она
Вспоминала с умилением
Девичье время, дни забав,
Мелькнувших легким сновиденьем,
Все в ней пленяло: тихий нрав,
Движенья стройные, живые
И очи томно-голубые.
Природы милые дары
Она искусством украшала;
Она домашние пиры
Волшебной арфой оживляла;

Толпы вельмож и богачей
Руки Марииной искали,
И много юношей по ней
В страданье тайном изнывали.
Но в тишине души своей
Она любви еще не знала
И независимый досуг
В отцовском замке меж подруг
Одним забавам посвящала.

Давно ль? И что же! Тымы татар
На Польшу хлынули рекою:
Не с столь ужасной быстротою
По жатве стелется пожар.
Обезображенный войною,
Цветущий край осиротел;
Исчезли мирные забавы;
Уныли селы и дубравы,
И пышный замок опустел.
Тиха Мариинна светлица...
В домово́й церкви, где кругом
Почиют мощи хладным сном,
С короной, с княжеским гербом
Воздвиглась новая гробница...
Отец в могиле, дочь в плену,
Скупой наследник в замке правит
И тягостным ярмом бесславит
Опустошенную страну.

Увы! Дворец Бахчисарая
Скрывает юную княжну.
В неволе тихой увядая,
Мария плачет и грустит.
Гирей несчастную щадит:
Ее унынье, слезы, стоны
Тревожат хана краткий сон,
И для нее смягчает он
Гарема строгие законы.
Угрюмый сторож ханских жен
Ни днем, ни ночью к ней не входит;
Рукой заботливой не он
На ложе сна ее возводит;
Не смеет устремиться к ней

Обидный взор его очей;
Она в купальне потаенной
Одна с невольницей своей;
Сам хан боится девы пленной
Печальный возмущать покой;
Гарема в дальнем отделенье
Позволено ей жить одной:
И, мнится, в том уединенье
Сокрылся некто неземной.
Там день и ночь горит лампада
Пред ликом девы пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Там упование в тишине
С смиренной верой обитает,
И сердцу все напоминает
О близкой, лучшей стороне;
Там дева слезы проливает
Вдали завистливых подруг;
И между тем, как всё вокруг
В безумной неге утопает,
Святыню строгую скрывает
Спасенный чудом уголок.
Так сердце, жертва заблуждений,
Среди порочных упоений
Хранит один святой залог,
Одно божественное чувство...

.
.

Настала ночь; покрылись тенью
Тавриды сладостной поля;
Вдали, под тихой лавров сенью
Я слышу пенье соловья;
За хором звезд луна восходит;
Она с безоблачных небес
На доли, на холмы, на лес
Сиянье томное наводит.
Покрыты белой пеленой,
Как тени легкие мелькая,
По улицам Бахчисарая,
Из дома в дом, одна к другой,
Простых татар спешат супруги
Делить вечерние досуги.

Дворец утих; уснул гарем,
Объятый негой безмятежной;
Не прерывается ничем . . .
Спокойство ночи. Страж надежный,
Дозором обошел эвнух.
Теперь он спит; но страх прилежный
Тревожит в нем и спящий дух.
Измен всечасных ожиданье
Покоя не дает уму.
То чей-то шорох, то шептанье,
То крики чудятся ему;
Обманутый неверным слухом,
Он пробуждается, дрожит,
Напуганным приникнув ухом...
Но все кругом его молчит;
Одни фонтаны сладкозвучны
Из мраморной темницы бьют,
И, с милой розой неразлучны,
Во мраке соловьи поют;
Эвнух еще им долго внемлет,
И снова сон его объемлет.

Как милы темные красы
Ночей роскошного Востока!
Как сладко льются их часы
Для обожателей Пророка!
Какая нега в их домах,
В очаровательных садах,
В тиши гаремов безопасных,
Где под влиянием луны
Все полно тайн и тишины
И вдохновений сладострастных!

.

Все жены спят. Не спит одна.
Едва дыша, встает она;
Идет; рукою торопливой
Открыла дверь; во тьме ночной
Ступает легкой ногой...
В дремоте чуткой и пугливой
Пред ней лежит эвнух седой.
Ах, сердце в нем неумолимо:

Обманчив сна его покой!..
Как дух, она проходит мимо.

.

Пред нею дверь; с недоуменьем
Ее дрожащая рука
Коснулась верного замка...
Вошла, взирая с изумленьем...
И тайный страх в нее проник.
Лампады свет уединенный,
Кивот, печально озаренный,
Пречистой деизы кроткий лик
И крест, любви символ священный,
Грузинка! все в душе твоей
Родное что-то пробудило,
Все звуками забытых дней
Невнятно вдруг заговорило.
Пред ней покоилась княжна,
И жаром девственного сна
Ее ланиты оживлялись
И, слез являя свежий след,
Улыбкой томной озарялись.
Так озаряет лунный свет
Дождем отягощенный цвет.
Спорхнувший с неба сын эдема,
Казалось, ангел почивал
И сонный слезы проливал
О бедной пленнице гарема...
Увы, Зарема, что с тобой?
Стеснилась грудь ее тоской,
Невольно клонятся колени,
И молит: «Сжался надо мной,
Не отвергай моих молений!..»
Ее слова, движенье, стон
Прервали деизы тихий сон.
Княжна со страхом пред собою
Младую незнакомку зрит;
В смятенье, трепетной рукою
Ее подымля, говорит:
«Кто ты?.. Одна, порой ночью, —
Зачем ты здесь?» — «Я шла к тебе,
Спаси меня, в моей судьбе
Одна надежда мне осталась...

Я долго счастьем наслаждалась,
Была беспечней день от дня...
И тень блаженства миновалась;
Я гибну. Выслушай меня.

Родилась я не здесь, далеко,
Далеко... но минувших дней
Предметы в памяти моей
Доныне врезаны глубоко.
Я помню горы в небесах,
Потоки жаркие в горах,
Непроходимые дубравы,
Другой закон, другие нравы;
Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной,
Не знаю; помню только море
И человека в вышине
Над парусами...

Страх и горе
Доныне чужды были мне;
Я в безмятежной тишине
В тени гарема расцветала
И первых опытов любви
Послушным сердцем ожидала.
Желанья тайные мои
Сбылись. Гирей для мирной неги
Войну кровавую презрел,
Пресек ужасные набеги
И свой гарем опять узрел.
Пред хана в смутном ожиданье
Предстали мы. Он светлый взор
Остановил на мне в молчанье,
Позвал меня... и с этих пор
Мы в непрерывном упоенье
Дышали счастьем; и ни раз
Ни клевета, ни подозренье,
Ни злобой ревности мученье,
Ни скука не смущала нас.
Мария! ты пред ним явилась...
Увы, с тех пор его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, изменою дыша,
Моих не слушает укороз,

Ему докучен сердца стоп;
Ни прежних чувств, ни разговоров
Со мною не находит он.
Ты преступленью не причастна;
Я знаю: не твоя вина...
Итак, послушай: я прекрасна;
Во всем гареме ты одна
Могла б еще мне быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, как я, не можешь;
Зачем же холодной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мне: он мой;
На мне горят его лобзанья,
Он клятвы страшные мне дал,
Давно все думы, все желанья
Гирей с моими сочетал;
Меня убьет его измена...
Я плачу; видишь, я колена
Теперь склоняю пред тобой,
Молю, винить тебя не смея,
Отдай мне радость и покой,
Отдай мне прежнего Гирея...
Не возражай мне ничего;
Он мой! он ослеплен тобою.
Презреньем, просьбою, тоскою,
Чем хочешь, отврати его;
Клянись... (хоть я для Алкорана,
Между невольницами хана,
Забыла веру прежних дней;
Но вера матери моей
Была твоя) клянись мне ею
Зарему возвратить Гирею...
Но слушай: если я должна
Тебе... кинжалом я владею,
Я близ Кавказа рождена».

Сказав, исчезла вдруг. За нею
Не смеет следовать княжна.
Невинной деве непонятен
Язык мучительных страстей,
Но голос их ей смутно внят;
Он странен, он ужасен ей.

Какие слезы и моления
Ее спасут от посрамленья?
Что ждет ее? Ужели ей
Остаток горьких юных дней
Провести наложницей презренной?
О боже! если бы Гирей
В ее темнице отдаленной
Забыл несчастную навек
Или кончиной ускоренной
Унылы дни ее пресек, —
С какою б радостью Мария
Оставила печальный свет!
Мгновенья жизни дорогие
Давно прошли, давно их нет!
Что делать ей в пустыне мира?
Уж ей пора, Марию ждут
И в небеса, на лоно мира,
Родной улыбкою зовут.

.

Промчались дни; Марии нет.
Мгновенно сирота почила.
Она давно желанный свет,
Как новый ангел, озарила.
Но что же в гроб ее свело?
Тоска ль неволи безнадежной,
Болезнь или другое зло?..
Кто знает? Нет Марии нежной!..
Дворец угрюмый опустел;
Его Гирей опять оставил;
С толпой татар в чужой предел
Он злой набег опять направил;
Он снова в бурях боевых
Несется мрачный, кровожадный:
Но в сердце хана чувств иных
Таится пламень безотрадный.
Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю, и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет, будто полный страха,
И что-то шепчет, и порой
Горючи слезы льет рекой.

Забытый, преданный презрению,
Гарем не зрит его лица;
Там, обреченные мученью,
Под стражей хладного скѣпца
Стареют жены. Между ними
Давно грузинки нет; она
Гарема стражами немymi
В пучину вод опущена.
В ту ночь, как умерла княжна,
Свершилось и ее страданье.
Какая б ни была вина,
Ужасно было наказанье!

Опустошив огнем войны
Кавказу близкие страны
И селы мирные России,
В Тавриду возвратился хан
И в память горестной Марии
Воздвигнул мраморный фонтан,
В углу дворца уединенный.
Над ним крестом осенена
Магометанская луна
(Символ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись: едкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ее чертами
Журчит во мраморе вода
И каплет хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Так плачет мать во дни печали
О сыне, падшем на войне.
Младые девы в той стране
Преданье старины узнали,
И мрачный памятник оне
Фонтаном слез именовали.

Поконув север наконец,
Пирь надолго забывая,
Я посетил Бахчисаряя
В забвенье дремлющий дворец.
Среди безмолвных переходов
Бродил я там, где бич народов,

Татарин буйный пировал
И после ужасов набега
В роскошной лени утопал.
Еще поныне дышит нега
В пустых покоях и садах;
Играют воды, рдеют розы,
И вьются винограды лозы,
И злато блещет на стенах.
Я видел ветхие решетки,
За коими, в своей весне,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены в тишине.
Я видел ханское кладбище,
Владык последнее жилище.
Сии надгробные столбы,
Венчанны мраморной чалмою,
Казалось мне, зовут судьбы
Гласили внятной молвою.
Где скрылись ханы? Где гарем?
Кругом все тихо, все уныло,
Все изменилось... но не тем
В то время сердце полно было.
Дыханье роз, фонтанов шум
Влекли к невольному забвенью,
Невольно предавался ум
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тенью
Мелькала дева предо мной!..
.

Чью тень, о други, видел я?
Скажите мне: чей образ нежный
Тогда преследовал меня,
Неотразимый, неизбежный?
Марии ль чистая душа
Являлась мне, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустелого гарема?

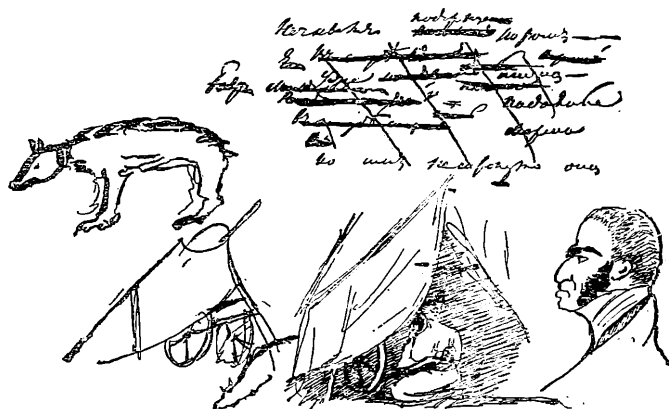
Я помню столь же милый взгляд
И красоту еще земную,
Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую...

Безумец! полно! перестань,
Не оживляй тоски напрасной,
Мятежным снам любви несчастной
Заплачена тобою дань —
Опомнись; долго ль, узник томный,
Тебе оковы лобызать
И в свете лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

Поклонник муз, поклонник мира,
Забыв и славу и любовь,
О, скоро вас увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склон приморских гор,
Воспоминаний тайных полный, —
И вновь таврические волны
Обрадуют мой жадный взор.
Волшебный край! очей отрада!
Все живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин приютная краса,
И струй и тополей прохлада...
Все чувство путника манит,
Когда, в час утра безмятежный,
В горах, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бежит,
И зеленеющая влага
Пред ним и блещет и шумит
Вокруг утесов Аю-дага...

ЦЫГАНЫ

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В патрах изодранных ночуют.
Как вольность, весел их ночлег
И мирный сон под небесами;
Между колесами телег,
Полузавешанных коврами,

Горит огонь; семья кругом
Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле.
Все живо посреди степей:
Заботы мирные семей,

Готовых с утром в путь недалёкий,
 И песни жен, и крик детей,
 И звон походной наковальни.
 Но вот на табор кочевой
 Нисходит сонное молчанье,
 И слышно в тишине степной
 Лишь лай собак да коней ржанье.
 Огни везде погашены,
 Спокойно все, луна сияет
 Одна с небесной вышины
 И тихий табор озаряет.
 В шатре одном старик не спит;

Он перед углями сидит,
 Согретый их последним жаром,
 И в поле дальнее глядит,
 Ночным подернутое паром.
 Его молоденькая дочь
 Пошла гулять в пустынном поле.
 Она привыкла к резвой воле,
 Она придет; но вот уж ночь,
 И скоро месяц уж покинет
 Небес далеких облака, —
 Земфиры нет как нет; и стынет
 Убогий ужин старика.

Но вот она. За нею следом
 По степи юноша спешит;
 Цыгану вовсе он неведом.
 «Отец мой, — дева говорит, —
 Веду я гостя; за курганом
 Его в пустыне я нашла

И в табор на́ ночь зазвала.
Он хочет быть как мы цыганом;
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду.
Его зовут Алеко — он
Готов идти за мною всюду».

Старик

Я рад. Остаься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле,
Как ты захочешь. Я готов
С тобой делить и хлеб и кров.
Будь наш — привыкни к нашей доле,
Бродящей бедности и воле —
А завтра с утренней зарей
В одной телеге мы поедем;
Примись за промысел любой:
Железо куй иль песни пой
И селы обходи с медведем.

Алеко

Я остаюсь.

Земфира

Он будет мой:
Кто ж от меня его отгонит?
Но поздно... месяц молодой
Зашел; поля покрыты мглой,
И сон меня невольно клонит...

Светло. Старик тихонько бродит
Вокруг безмолвного шатра.
«Вставай, Земфира: солнце всходит,
Проснись, мой гость! пора, пора!..
Оставьте, дети, ложе неги!..
И с шумом высыпал народ;
Шатры разобраны; телеги
Готовы двинуться в поход.
Все вместе тронулось — и вот
Толпа валит в пустых равнинах.
Ослы в перекидных корзинах

Детей играющих несут;
Мужья и братья, жены, девы,
И стар и млад вослед идут;
Крик, шум, цыганские припевы,
Медведя рев, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,
Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота,
Собак и лай и завыванье,
Волюнки говор, скрип телег,
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все так живо-неспокойно,
Так чуждо мертвых наших нег,
Так чуждо этой жизни праздной,
Как песнь рабов однообразной!

Уныло юноша глядел
На опустелую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себе не смел.
С ним черноокая Земфира,
Теперь он вольный житель мира,
И солнце весело над ним
Полуденной краскою блещет;
Что ж сердце юноши трепещет?
Какой заботой он томим?

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свивает

Долговечного гнезда;
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдет,
Птичка гласу бога внимлет,
Встрепенется и поет.
За весной, красой природы,
Лето знойное пройдет —
И туман и непогоды
Осень поздняя несет:
Людам скучно, людам горе;
Птичка в дальные страны,
В теплый край, за сине море
Улетает до весны.

Подобно птичке беззаботной
И он, изгнанник перелетный,
Гнезда надежного не знал
И ни к чему не привыкал.
Ему везде была дорога,
Везде была ночлега сень;
Проснувшись поутру, свой день
Он отдавал на волю бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лень.
Его порой волшебной славы
Манила дальняя звезда;
Нежданно роскошь и забавы
К нему являлись иногда;
Над одинокой головою
И гром нередко грохотал;
Но он беспечно под грозою
И в ведро ясное дремал.
И жил, не признавая власти
Судьбы коварной и слепой;
Но боже! как играли страсти
Его послушною душой!
С каким волнением кипели
В его измученной груди!
Давно ль, надолго ль усмирили?
Они проснутся: погоди!

Земфира

Скажи, мой друг: ты не жалеешь
О том, что бросил навсегда?

Алеко

Что ж бросил я?

Земфира

Ты разумеешь:
Людей отчизны, города.

Алеко

О чем жалеть? Когда б ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душевных городов!
Там люди, в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своею,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.
Что бросил я? Измен волнение,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.

Земфира

Но там огромные палаты,
Там разноцветные ковры,
Там игры, шумные пиры,
Уборы дев там так богаты!..

Алеко

Что шум веселий городских?
Где нет любви, там нет веселий.
А девы... Как ты лучше их
И без нарядов дорогих,
Без жемчугов, без ожерелий!
Не изменись, мой нежный друг!
А я... одно мое желанье
С тобой делить любовь, досуг
И добровольное изгнанье!

Старик

Ты любишь нас, хоть и рожден
Среди богатого народа.
Но не всегда мила свобода
Тому, кто к неге приучен.
Меж нами есть одно преданье:
Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнанье.
(Я прежде знал, но позабыл
Его мудреное прозвание.)
Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной —
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный —
И полюбили все его,
И жил он на берегах Дуная,
Не обижая никого,
Людей рассказами пленяя;
Не разумел он ничего,
И слаб и робок был, как дети;
Чужие люди за него
Зверей и рыб ловили в сети;
Как мерзла быстрая река
И земни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика;
Но он к заботам жизни бедной
Привыкнуть никогда не мог;
Скитался он иссохший, бледный,
Он говорил, что гневный бог
Его карал за преступленье...
Он ждал: придет ли избавленье.
И все несчастный тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слезы проливал,
Свой дальний град вспоминая,
И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью — чуждой сей земли
Не успокоенные гости!

Алеко

Так вот судьба твоих сынов,
О Рим, о громкая держава!..
Певец любви, певец богов,
Скажи мне, что такое слава?
Могильный гул, хвалебный глас,
Из рода в роды звук бегущий?
Или под сенью дымной кущи
Цыгана дикого рассказ?

Прошло два лета. Так же бродят
Цыганы мирною толпой;
Везде по-прежнему находят
Гостеприимство и покой.
Презрев оковы просвещения,
Алеко волен, как они;
Он без забот и сожаленья
Ведет кочующие дни.
Все тот же он; семья все та же;
Он, прежних лет не помня даже,
К бытию цыганскому привык.
Он любит их ночлегов сени,
И упоенье вечной лени,
И бедный, звучный их язык.
Медведь, беглец родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
В селеньях, вдоль степной дороги,
Близ молдаванского двора
Перед толпою осторожной
И тяжко пляшет, и ревет,
И цепь докучную грызет;
На посох опершись дорожный,
Старик лениво в бубны бьет,
Алеко с пенъем зверя водит,
Земфира поселян обходит
И дань их вольную берет.
Настанет ночь; они все трое
Варят нежатое пшено;
Старик уснул — и всё в покое...
В шатре и тихо и темно.

Старик на вешнем солнце греет
Уж остывающую кровь;
У люльки дочь поет любовь.
Алеко внемлет и бледнеет.

Земфира

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда; не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

Алеко

Молчи. Мне пенье надоело,
Я диких песен не люблю.

Земфира

Не любишь? мне какое дело!
Я песню для себя пою.

Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.

Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!

Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!

Алеко

Молчи, Земфира! я доволен...

Земфира

Так понял песню ты мою?

Алеко

Земфира!

Земфира

Ты сердиться волен,
Я песню про тебя пою.

Уходит и поет: Старый муж и проч.

Старик

Так, помню, помню — песня эта
Во время наше сложена,
Уже давно в забаву света
Поется меж людей она.
Кочуя на степях Кагула,
Ее, бывало, в зимнюю ночь
Моя певала Мариула,
Перед огнем качая дочь.
В уме моем минувши лета
Час от часу темней, темней;
Но заронила песня эта
Глубоко в памяти моей.

Все тихо; ночь. Луной украшен
Лазурный юга небосклон,
Старик Земфирой пробужден:
«О мой отец! Алеко страшен.
Послушай: сквозь тяжелый сон
И стонет, и рыдает он».

Старик

Не тронь его. Храни молчанье,
Слышал я русское преданье:
Теперь полунощной порой
У спящего теснит дыханье
Домашний дух; перед зарей
Уходит он. Сиди со мной,

Земфира

Отец мой! шепчет он: Земфира!

Старик

Тебя он ищет и во сне:
Ты для него дороже мира.

Земфира

Его любовь постыла мне,
Мне скучно; сердце воли просит —
Уж я... Но тише! слышишь? он
Другое имя произносит...

Старик

Чье имя?

Земфира

Слышишь? хриплый стон
И скрежет ярый!.. Как ужасно!..
Я разбужу его...

Старик

Напрасно,
Ночного духа не гони —
Уйдет и сам...

Земфира

Он повернулся,
Привстал, зовет меня... проснулся —
Иду к нему — прощай, усни.

Алеко

Где ты была?

Земфира

С отцом сидела.
Какой-то дух тебя томил;
Во сне душа твоя терпела
Мученья; ты меня страшил:
Ты, сонный, скрежетал зубами
И звал меня.

Алеко

Мне снилась ты.
Я видел, будто между нами...
Я видел страшные мечты!

Земфира

Не верь лукавым сновиденьям.

Алеко

Ах, я не верю ничему:
Ни снам, ни сладким увереньям,
Ни даже сердцу твоему.

Старик

О чем, безумец молодой,
О чем вздыхаешь ты всечасно?
Здесь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь: тоска тебя погубит.

Алеко

Отец, она меня не любит.

Старик

Утешься, друг: она дитя.
Твое унынье безрассудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское — шутя.
Взгляни: под отдаленным сводом
Гуляет вольная луна;
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льет она.
Заглянет в облако любое,
Его так пышно озарит —
И вот — уж перешла в другое;
И то недолго посетит.
Кто место в небе ей укажет,
Примолвя: там остановись!
Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись.
Утешься.

А л е к о

Как она любила!

Как нежно преклонясь ко мне,
Она в пустынной тишине
Часы ночные проводила!
Веселья детского полна,
Как часто милым лепетаньем
Иль упоительным лобзаньем
Мою задумчивость она
В минуту разогнать умела!..
И что ж? Земфира неверна!
Моя Земфира охладела!..

С т а р и к

Послушай: расскажу тебе
Я повесть о самом себе.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожал еще москаль —
(Вот видишь, я припоминаю,
Алеко, старую печаль.)
Тогда боялись мы султана;
А правил Буджаком паша
С высоких башен Аккермана —
Я молод был: моя душа
В то время радостно кипела;
И ни одна в кудрях моих
Еще сединка не белела, —
Между красавиц молодых
Одна была... и долго ею,
Как солнцем, любовался я,
И наконец назвал моею...

Ах, быстро молодость моя
Звездой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрее: только год
Меня любила Мариула.

Однажды близ Кагульских вод
Мы чуждый табор повстречали;
Цыганы те, свои шатры
Разбив близ наших у горы,
Две ночи вместе ночевали.
Они ушли на третью ночь, —

И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Маршула.
Я мирно спал; заря блеснула;
Проснулся я, подруги нет!
Ищу, зову — пропал и след.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакал — с этих пор
Постыли мне все девы мира;
Меж ими никогда мой взор
Не выбирал себе подруги,
И одинокие досуги
Уже ни с кем я не делил.

А лекс

Да как же ты не поспешил
Тотчас вослед неблагодарной
И хищникам и ей коварной
Кинжала в сердце не вонзил?

Старик

К чему? вольнее птицы младость;
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь.

А лекс

Я не таков. Нет, я не споря
От прав моих не откажусь!
Или хоть мщеньем наслажусь.
О нет! когда б над бездной моря
Нашел я спящего врага,
Клянусь, и тут моя нога
Не пощадила бы злодея;
Я в волны моря, не бледнея,
И беззащитного б толкнул;
Внезапный ужас пробужденья
Свирепым смехом упрекнул,
И долго мне его паденья
Смешон и сладок был бы гул.

Молодой цыган

Еще одно... одно лобзанье...

Земфира

Пора: мой муж ревнив и зол.

Цыган

Одно... но доле!.. на прощанье.

Земфира

Прощай, покамест не пришел.

Цыган

Скажи — когда ж опять свиданье?

Земфира

Сегодня, как зайдет луна,
Там, за курганом над могилой...

Цыган

Обманет! не придет она!

Земфира

Вот он! беги!.. Приду, мой милый.

Алеко спит. В его уме
Виденье смутное играет;
Он, с криком пробудясь во тьме,
Ревниво руку простирает;
Но обробелая рука
Покровы холодные хватает —
Его подруга далека...
Он с трепетом привстал и внемлет...
Все тихо — страх его объемлет,
По нем текут и жар и холод;
Встает он, из шатра выходит,
Вокруг телег, ужасен, бродит;
Спокойно все; поля молчат;
Темно; луна зашла в туманы,
Чуть брезжит звезд неверный свет,
Чуть по росе приметный след
Ведет за дальные курганы:
Нетерпеливо он идет,
Куда зловещий след ведет.'

Могила на краю дороги
Вдали белеет перед ним...

Туда слабеющие ноги
Влачит, предчувствием томим,
Дрожат уста, дрожат колени,
Идет... и вдруг... иль это сон?
Вдруг видит близкие две тени
И близкий шепот слышит он —
Над обесславленной могилой.

1 - й г о л о с

Пора...

2 - й г о л о с

Постой...

1 - й г о л о с

Пора, мой милый.

2 - й г о л о с

Нет, нет, постой, дождемся дня.

1 - й г о л о с

Уж поздно.

2 - й г о л о с

Как ты робко любишь.

Минуту!

1 - й г о л о с

Ты меня погубишь.

2 - й г о л о с

Минуту!

1 - й г о л о с

Если без меня

Проснется муж?..

А л е к о

Проснулся я.

Куда вы! не спешите оба;

Вам хорошо и здесь у гроба.

З е м ф и р а

Мой друг, беги, беги...

Алеко
Постой!
Куда, красавец молодой?
Лежи!
Вонзает в него нож.
Земфира
Алеко!
Цыган
Умираю...
Земфира
Алеко, ты убьешь его!
Взгляни: ты весь обрызган кровью!
О, что ты сделал?

Алеко
Ничего.
Теперь дыши его любовью.

Земфира
Нет, полно, не боюсь тебя! —
Твои угрозы презираю,
Твое убийство проклиная...

Алеко
Умри ж и ты!
Поражает ее.

Земфира
Умру любя...

Восток, денницей озаренный,
Снял. Алеко за холмом,
С ножом в руках, окровавленный
Сидел на камне гробовом.
Два трупа перед ним лежали;
Убийца страшен был лицом.
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой.
Могилу в стороне копали.

Шли жены скорбной чередой
И в очи мертвых целовали.
Старик-отец один сидел
И на погибшую глядел
В немом бездействии печали;
Подняли труны, понесли
И в лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрел
На все... когда же их закрыли
Последней горстию земной,
Он молча, медленно склонился
И с камня на траву свалился.

Тогда старик, приближась, рек:
«Оставь нас, гордый человек!
Мы дики; нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним —
Не нужно крови нам и столов —
Но жить с убийцей не хотим...
Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасен нам твой будет глас:
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел — оставь же нас,
Прости, да будет мир с тобою».

Сказал — и шумною толпою
Поднялся табор кочевой
С долины страшного ночлега.
И скоро все в дали степной
Сокрылось; лишь одна телега,
Убогим крытая ковром,
Стояла в поле роковом.
Так иногда перед зимою,
Туманной, утренней порою,
Когда подымается с полей
Станица поздних журавлей
И с криком вдаль на юг несется,
Пронзенный гибельным сепицом
Один печально остается,
Повеснув раненым крылом.

Настала ночь; в телеге темной
Огня никто не разложил,
Никто под крышею подъемной
До утра сном не опочил.

ЭПИЛОГ

Волшебной силой песнопенья
В туманной памяти моей
Так оживляются виденья
То светлых, то печальных дней.

В стране, где долго, долго брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу русский указал,
Где старый наш орел двуглавый
Еще шумит минувшей славой,
Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Смиренной вольности детей.
За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы —
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!..
И под издранными шатрами
Живут мучительные сны,
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

Пора, пора! рога трубят;
Псаря в охотничьих уборах
Чем свет уж на конях сидят,
Борзые прыгают на сворах.
Выходит барин на крыльцо,
Все, подбочась, обозревает;
Его довольное лицо
Приятной важностью сияет.
Чекмень затянутый на нем,
Турецкий нож за кушаком,
За пазухой во фляжке ром,
И рог на бронзовой цепочке.
В ночном чепце, в одном платочке,
Глазами сонными жена
Сердито смотрит из окна
На сбор, на псарную тревогу...
Вот мужу подвели коня;
Он холку хватить и в стремя ногу,
Кричит жене: не жди меня!
И выезжает на дорогу.

В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)
В деревне скучно: грязь, ненастье,
Осенний ветер, мелкий снег
Да вой волков. Но то-то счастье
Охотнику! Не зная нег,
В отъезде поле он гарцует,
Везде находит свой ночлег,
Бранится, мокнет и пирует
Опустошительный набег.

А что же делает супруга
Одна в отсутствие супруга?
Занятий мало ль есть у ней:
Грибы солить, кормить гусей,
Заказывать обед и ужин,
В анбар и в погреб заглянуть, —
Хозяйки глаз повсюду нужен:
Он вмиг заметит что-нибудь.

К несчастью, героиня наша...
(Ах! я забыл ей имя дать.
Муж просто звал ее Наташа,
Но мы — мы будем называть
Наталя Павловна) к несчастью,
Наталя Павловна совсем
Своей хозяйственной частью
Не занималась, затем,
Что не в отеческом законе
Она воспитана была,
А в благородном пансионе
У эмигрантки Фальбала.

Она сидит перед окном;
Пред ней открыт четвертый том
Сентиментального романа:
Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двух семей —
Роман классический, старинный,
Отменно длинный, длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный,
Без романтических затей.
Наталя Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро как-то развлеклась
Перед окном возникшей дракой
Козла с дворовою собакой
И ею тихо занялась.
Кругом мальчишки хохотали.
Меж тем печально, под окном,
Индейки с криком выступали
Вослед за мокрым петухом;
Три утки полоскались в луже;
Шла баба через грязный двор

Белье повесить на забор;
Погода становилась хуже:
Казалось, снег идти хотел...
Вдруг колокольчик зазвенел.

Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот, верно, знает сам,
Как сильно колокольчик дальний
Порой волнует сердце нам.
Не друг ли едет запоздалый,
Товарищ юности удалой?..
Уж не она ли?.. Боже мой!
Вот ближе, ближе... сердце бьется..
Но мимо, мимо звук несется,
Слабей... и смолкнул за горой.

Наталья Павловна к балкону
Бежит, обрадована звону,
Глядит и видит: за рекой,
У мельницы, коляска скачет.
Вот на мосту — к нам точно... нет,
Поворотила влево. Вслед
Она глядит и чуть не плачет.

Но вдруг... о радость! косогор;
Коляска на бок. — «Филька, Васька!
Кто там? скорей! Вон там коляска:
Сейчас везти ее на двор
И барина просить обедать!
Да жив ли он?.. беги проведать!
Скорей, скорей!»

Слуга бежит.

Наталья Павловна спешит
Взбить пышный локон, шаль накинуть,
Задернуть завес, стул подвинуть,
И ждет. «Да скоро ль, мой творец?»
Вот едут, едут наконец.
Забрызганный в дороге дальною,
Опасно раненный, печальный
Кой-как тащится экипаж;
Вслед барин молодой хромает.
Слуга-француз не унывает

И говорят: allons, courage! ¹⁾
Вот у крыльца; вот в сени входят.
Покамест барину теперь
Покой особенный отводят
И настежь отворяют дверь,
Пока Ricard шумит, хлопочет,
И барин одеваться хочет,
Сказать ли вам, кто он таков?
Граф Нулин, из чужих краев,
Где промотал он в вихре моды
Свои грядущие доходы.
Себя казать, как чудный зверь,
В Петрополь едет он теперь
С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов,
Цветных платков, чулков á jour ²⁾,
С ужасной книжкою Гизота,
С тетрадью злых карикатур,
С романом новым Вальтер-Скотта,
С bon-mots ³⁾ парижского двора,
С последней песней Беранжера,
С мотивами Россини, Пера,
Et cetera, et cetera ⁴⁾.

Уж стол накрыт; давно пора;
Хозяйка ждет нетерпеливо.
Дверь отворилась, входит граф;
Наталья Павловна, привстав,
Осведомляется учтиво,
Каков он? что нога его?
Граф отвечает: ничего.
Идут за стол; вот он садится,
К ней подвигает свой прибор
И начинает разговор:
Святую Русь бранит, дивится,
Как можно жить в ее снегах,
Жалеет о Париже страх.
«А что театр?» — О! сиротеет,

¹⁾ ну, смелей! (франц.)

²⁾ прозрачных (ажурных) (франц.).

³⁾ островами (франц.).

⁴⁾ И так далее, и так далее (франц.).

C'est bien mauvais, ça fait pitié ¹⁾.
Тальма совсем оглох, слабеет,
И мамзель Марс — увы! стареет.
Зато Потье, le grand Potier! ²⁾
Он славу прежнюю в народе
Доныне поддержал один. —
«Какой писатель нынче в моде?»
— Всё d'Arlincourt и Ламартина. —
«У нас им также подражают».
— Нет? право? так у нас умы
Уж развиваться начинают.
Дай бог, чтоб просветились мы! —
«Как тальи носят?» — Очень низко,
Почти до... вот по этих пор.
Позвольте видеть ваш убор;
Так... рюши, банты, здесь узор;
Все это к моде очень близко. —
«Мы получаем Телеграф».
— Ага! хотите ли послушать
Прелестный водевиль? — И граф
Поет. «Да, граф, извольте ж кушать».
— Я сыт и так. —

Изо стола

Встают. Хозяйка молодая
Черезвычайно весела;
Граф, о Париже забывая,
Дивится, как она мила.
Проходит вечер неприметно;
Граф сам не свой; хозяйки взор
То выражается приветно,
То вдруг потуплен безответно...
Глядишь — и полночь вдруг на двор.
Давно храпит слуга в передней,
Давно поет петух соседний,
В чугунову доску сторож бьет;
В гостиной свечки догорели.
Наталья Павловна встает:
«Пора, прощайте! ждут постели.
Приятный сон!..» С досадой встав,
Полувлюбленный, нежный граф

¹⁾ Он очень плох, он просто жалок (*франц.*).

²⁾ великий Потье! (*франц.*)

Целует руку ей. И что же?
Куда кокетство не ведет?
Проказница — прости ей, боже! —
Тихонько графу руку жмет.

Наталья Павловна раздета;
Стоит Параша перед ней.
Друзья мои! Параша эта
Наперсница ее затей;
Шьет, моет, вести переносит,
Изношенных капотов просит,
Порою с барином шалит,
Порой на барина кричит
И лжет пред барыней отважно.
Теперь она толкует важно
О графе, о делах его,
Не пропускает ничего —
Бог весть, разведать как успела.
Но госпожа ей наконец
Сказала: «полно, надоела!» —
Спросила кофту и чепец,
Легла и выйти вон велела.

Своим французом между тем
И граф раздет уже совсем.
Ложится он, сигару просит,
Monsieur Picard ему приносит
Графин, серебряный стакан,
Сигару, бронзовый светильник,
Щипцы с пружиною, будильник
И неразрезанный роман.

В постеле лежа, Вальтер-Скотта
Глазами пробегает он.
Но граф душевно развлечен:
Неугомонная забота
Его тревожит; мыслит он:
«Неужто вправду я влюблен?
Что, если можно?.. вот забавно;
Однако ж это было б славно;
Я, кажется, хозяйке мил», —
И Нулин свечку погасил.

Несносный жар его объемлет,
Не спится графу — бес не дремлет
И дразнит грешною мечтой
В нем чувства. Пылкий наш герой
Воображает очень живо
Хозяйки взор красноречивый,
Догольно круглый, полный стан,
Приятный голос, прямо женский,
Лица румянец деревенский —
Здоровье краше всех румян.
Он помнит кончик ножки нежной,
Он помнит: точно, точно так,
Она ему рукой небрежной
Пожала руку; он дурак,
Он должен бы остаться с нею,
Ловить минутную затею.
Но время не ушло: теперь
Отворена, конечно, дверь —
И тотчас, на плеча накинув
Свой пестрый шелковый халат
И стул в потемках опрокинув,
В надежде сладостных наград,
К Лукреции Тарквиний новый
Отправился, на все готовый.

Так иногда лукавый кот,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется с лежанки:
Украдкой, медленно идет,
Полузажмурясь подступает,
Свернется в ком, хвостом играет,
Разинет когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап.

Влюбленный граф в потемках бродит,
Дорогу ощупью находит.
Желаньем пламенным томим,
Едва дыханье переводит,
Трепещет, если пол под ним
Вдруг заскрышит... вот он подходит
К заветной двери и слегка
Жмет ручку медную замка;
Дверь тихо, тихо уступает;

Он смотрит: лампа чуть горит
И бледно спальню освещает;
Хозяйка мирно поживает
Иль притворяется, что спит.

Он входит, медлит, отступает —
И вдруг упал к ее ногам...
Она... Теперь с их позволения
Прошу я петербургских дам
Представить ужас пробужденья
Наталии Павловны моей
И разрешить, что делать ей?

Она, открыв глаза большие,
Глядит на графа — наш герой
Ей сыплет чувства выписные
И дерзновенною рукой
Коснуться хочет одеяла,
Совсем смутив ее сначала...
Но тут опомнилась она,
И, гнева гордого полна,
А впрочем, может быть, и страха,
Она Тарквинию с размаха
Дает — пощечину, да, да!
Пощечину, да ведь какую!

Сгорел граф Нулин от стыда,
Обиду проглотив такую;
Не знаю, чем бы кончил он,
Досадой страшною пылая,
Но шниц косматый, вдруг залая,
Прервал Парашу крепкий сон.
Услышав граф ее походку
И проклиная свой ночлег
И своеправную красотку,
В постыдный обратился бег.

Как он, хозяйка и Параша
Проводят остальную ночь,
Воображайте, воля ваша!
Я не намерен вам помочь.

Восстав поутру молчаливо,
Граф одевается лениво,
Отделкой розовых ногтей,
Зевая, занялся небрежно,
И галстук вяжет неприлежно,
И мокрой щеткою своей
Не гладит стриженных кудрей.
О чем он думает — не знаю;
Но вот его позвали к чаю.
Что делать? Граф, преодолев
Неловкий стыд и тайный гнев,
Идет.

Проказница младая,
Насмешливый потупя взор
И губки алые кусая,
Заводит скромно разговор
О том, о сем. Сперва смущенный,
Но постепенно ободренный,
С улыбкой отвечает он.
Получаса не проходило,
Уж он и шутит очень мило,
И чуть ли снова не влюблен.
Вдруг шум в передвей. Входят. Кто же?
«Наташа, здравствуй».

— Ах, мой боже!

Граф, вот мой муж. Душа моя,
Граф Нулин. —

«Рад сердечно я...

Какая скверная погода!
У кузницы я видел ваш
Совсем готовый экипаж.
Наташа! там у огорода
Мы затравили русака...
Эй, водки! Граф, прошу отведать:
Прислали нам издалека.
Вы с нами будете обедать?»
— Не знаю, право, я спешу. —
«И, полно, граф, я вас прошу.
Жена и я, гостям мы рады.
Нет, граф, оставайтесь!»

Но с досады

И все надежды потеряв,

Упрямится печальный граф.
Уж подкрепив себя стаканом,
Пикар кряхтит за чемоданом.
Уже к коляске двое слуг
Несут привинчивать сундук.
К крыльцу подвезена коляска,
Пикар все скоро уложил,
И граф уехал... Тем и сказка
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
Жена все мужу рассказала
И подвиг графа моего
Всему соседству описала.
Но кто же более всего
С Натальей Павловной смеялся?
Не угадать вам. Почему ж?
Муж? — как не так! совсем не муж.
Он очень этим оскорблялся,
Он говорил, что граф дурак,
Молокосос; что если так,
То графа он визжать заставит,
Что псами он его затравит.
Смеялся Лидия, их сосед,
Помещик двадцати трех лет.

Теперь мы можем справедливо
Сказать, что в наши времена
Супругу верная жена,
Друзья мои, совсем не диво.

ПОЛТАВА

The power and glory of the war,
Faithless as their vain votaries, men,
Had pass'd to triumphant Czar¹⁾.

В у г о н

ПОСВЯЩЕНИЕ

Тебе — но голос музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, непризнанное вновь?

Узнай по крайней мере звуки,
Бывало, милые тебе —
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,
Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Богат и славен Кочубей¹⁾.
Его луга необозримы;
Там табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.

¹⁾ Мощь и слава войны,
Как и люди, их суетные поклонники,
Перешли на сторону торжествующего царя.
Б а й р о н (англ.)

Кругом Полтавы хутора ²
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мехов, атласа, серебра
И на виду и под замками.
Но Кочубей богат и горд
Не долгогривыми конями,
Не златом, данью крымских орд,
Не родовыми хуторами,
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей ³.

И то сказать: в Полтаве нет
Красавицы, Марии равной.
Она свежа, как вешний цвет,
Взлелеянный в тени дубравной.
Как тополь киевских высот,
Она стройна. Ее движенья
То лебедя пустынных вод
Напоминают плавный ход,
То лани быстрые стремленье.
Как пена, грудь ее бела.
Вокруг высокого чела,
Как тучи локоны чернеют.
Звездой блестят ее глаза;
Ее уста, как роза, рдеют.
Но не единая краса
(Мгновенный цвет!) молвою шумной
В молодой Марии почтена:
Везде прославилась она
Девницей скромной и разумной.
Зато завидных женихов
Ей шлет Украина и Россия;
Но от венца, как от оков,
Бежит пугливая Мария.
Всем женихам отказ — и вот
За ней сам гетман сватов шлет ⁴.

Он стар. Он удручен годами,
Войной, заботами, трудами;
Но чувства в нем кипят, и вновь
Мазепа ведает любовь.

Мѣсяцъ дѣтства

Богатъ и мавинъ кокубей¹⁾
Его луга необозримы;
тамы табурны его коней
пашутъ вольны, неграшны.
Кружны паштывы лугора²⁾
окружены его лозами,
и много у него добра
сѣмена, амина, и серебра
и на виду иновъ замками
мо кокубей Богатъ и гордо
"Не родовыми лугорами,
не златомъ, да иво крѣпкими орудъ
"Не золотыми конями,³⁾
прекрасной зорьки своей
возводитъ старей кокубей.
И то скажутъ: въ паштывѣхъ
Красавицы, Маршъ равномъ:

Мгновенно сердце молодое
Горит и гаснет. В нем любовь
Проходит и приходит вновь,
В нем чувство каждый день иное:
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылает сердце старика,
Окаменелое годами.
Упорно, медленно оно
В огне страстей раскалено;
Но поздний жар уж не остынет
И с жизнью лишь его покинет.

Не серна под утес уходит,
Орла послыша тяжкий лет;
Одна в сених невеста бродит,
Трепещет и решенья ждет.

И, вся полна негодованьем,
К ней мать идет и, с содроганьем
Схватив ей руку, говорит:
«Бесстыдный! старец нечестивый!
Возможно ль?.. нет, пока мы живы,
Нет! он греха не совершит.
Он, должный быть отцом и другом
Невинной крестницы своей...
Безумец! на закате дней
Он вздумал быть ее супругом».
Мария вздрогнула. Лицо
Покрыла бледность гробовая,
И, охладев как неживая,
Упала дева на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
Закрыла очи — и ни слова
Не говорит. Отец и мать
Ей сердце ищут успокоить,
Боязнь и горесть разогнать,
Тревогу смутных дум устроить...
Напрасно. Целые два дня,
То молча плача, то стенья,
Мария не пила, не ела,

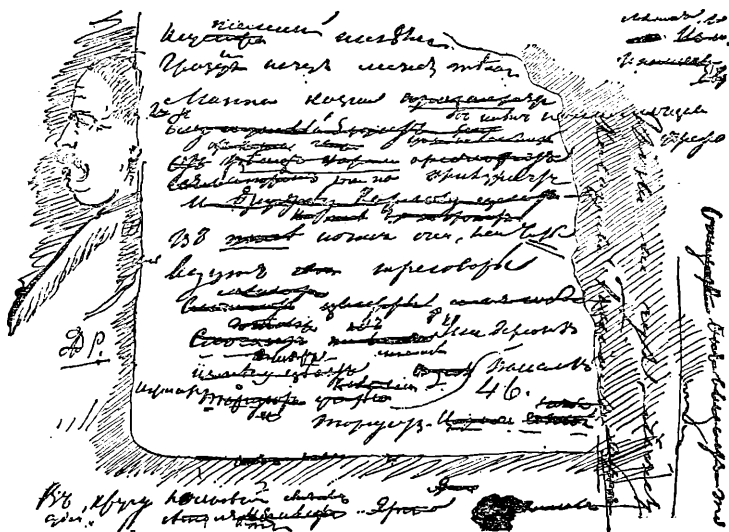
Шатаясь, бледная как тень,
Не зная сна. На третий день
Ее светлица опустела.

Никто не знал, когда и как
Она сокрылась. Лишь рыбак
Той ночью слышал конский топот,
Казачью речь и женский шепот,
И утром след осьми подков
Был виден на росе лугов.

Не только первый пух ланит
Да русы кудри молодые,
Порой и старца строгий вид,
Рубцы чела, власы седые
В воображение красоты
Влагают страстные мечты.

И вскоре слуха Кочубея
Коснулась роковая весть:
Она забыла стыд и честь,
Она в объятиях злодея!
Какой позор! Отец и мать
Молву не смеют понимать.
Тогда лишь истина явилась
С своей ужасной наготой.
Тогда лишь только объяснилась
Душа преступницы младой.
Тогда лишь только стало явно,
Зачем бежала своенравно
Она семейственных оков,
Томила тайно, воздыхала
И на приветы женихов
Молчаньем гордым отвечала;
Зачем так тихо за столом
Она лишь гетману внимала,
Когда беседа ликовала
И чаша пенилась вином;
Зачем она всегда певала
Те песни, кои он слагал⁵,
Когда он беден был и мал,
Когда молва его не знала;
Зачем с неженскою душой
Она любила конный строй,

И бранный звон литавр, и клики
Пред бунчуком и булавой
Малороссийского владыки... 6

Богат и знатен Кочубей.
Довольно у него друзей.
Свою омыть он может славу.
Он может возмутить Полтаву;
Внезапно средь его дворца
Он может мщением отца
Постигнуть гордого злодея;
Он может верною рукой
Вонзить... но замысел иной
Волнует сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок нежданный и кровавый
Задал ей шведский паладин.
Но в искушеньях долгой кары,

Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Венчанный славой бесполезной,
Отважный Карл скользил над бездной.
Он шел на древнюю Москву,
Взметая русские дружины,
Как вихорь гонит прах долины
И клонит пыльную траву.
Он шел путем, где след оставил
В дни наши новый, сильный враг,
Когда падением ославил
Муж рока свой попятный шаг ⁷,

Украйна глухо волновалась.
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтоб гетман узы их расторг,
И Карла ждал нетерпеливо
Их легкомысленный восторг.
Вокруг Мазепы раздавался
Мятежный крик: пора, пора!
Но старый гетман оставался
Послушным подданным Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно ведал он Украйну,
Молве, казалось, не внимал
И равнодушно пировал.

«Что ж гетман? — юноши твердили, —
Он изнемог; он слишком стар;
Труды и годы угасили
В нем прежний, деятельный жар.
Зачем дрожащею рукою
Еще он носит булаву?
Теперь бы грянуть нам войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко ⁸,
Иль Самойлович молодой ⁹,
Иль наш Палей ¹⁰, иль Гордеенко ¹¹

Владели силой войсковою;
Тогда б в снегах чужбины дальней
Не погибали казаки,
И Малороссии печальной
Освобождались уж полки» ¹².

Так, своеволием пылая,
Роптала юность удалая,
Опасных алча перемен,
Забыв отчизны давний плен,
Богдана счастливые споры,
Святые брани, договоры
И славу дедовских времен.
Но старость ходит осторожно
И подозрительно глядит.
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдруг она решит.
Кто снидет в глубину морскую,
Покрытую недвижно льдом?
Кто испытующим умом
Проникнет бездну роковую
Души коварной? Думы в ней,
Плоды подавленных страстей,
Лежат погружены глубоко,
И замысел давнишних дней,
Быть может, зреет одиноко.
Как знать? Но чем Мазепа злей,
Чем сердце в нем хитрей и ложней,
Тем с виду он неосторожней
И в обхождении простей.
Как он умеет самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужие тайны разрешать!
С какой доверчивостью лживой,
Как добродушно на пирах
Со старцами старик болтливый,
Жалеет он о прошлых днях,
Свободу славит с своевольным,
Поносит власти с недовольным,
С ожесточеньем слезы льет,
С глупцом разумну речь ведет!
Не многим, может быть, известно,

Что дух его неукротим,
Что рад и честно и бесчестно
Вредить он недругам своим;
Что ни единой он обиды
С тех пор как жив не забывал,
Что далеко преступны вьды
Старик надменный простирал;
Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благостыни,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить, как воду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него.

Издавна умысел ужасный
Взлелеял тайно злой старик
В душе своей. Но взор опасный,
Враждебный взор его проник.

«Нет, дерзкий хищник, нет, губитель! —
Скрежеща мыслит Кочубей, —
Я пощажу твою обитель,
Темницу дочери моей;
Ты не истлеешь средь пожара,
Ты не издохнешь от удара
Казачьей сабли. Нет, злодей,
В руках московских палачей,
В крови, при тщетных отрещаньях,
На дыбе, корчась в истязаньях,
Ты проклянешь и день и час,
Когда ты дочь крестил у нас,
И пир, на коем чести чашу
Тебе я полную наливал,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршун, заклевал!..»

Так! было время: с Кочубеем
Был друг Мазепа; в оны дни
Как солью, хлебом и елеем,
Делились чувствами они.
Их кони по полям победы
Скакали рядом сквозь огни;
Нередко долгие беседы

Наедине вели они —
Пред Кочубеем гетман скрытный
Души мятежной, ненасытной
Отчасти бездну открывал
И о грядущих измененьях,
Переговорах, возмущеньях
В речах неясных намекал.
Так, было сердце Кочубея
В то время предано ему.
Но, в горькой злобе свирепея,
Теперь позыву одному
Оно послушно; он голубит
Едину мысль и день и ночь:
Иль сам погибнет, иль погубит —
Отмстит поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
Он крепко в сердце затаил.
«В бессильной горести, ко гробу
Теперь он мысли устремил.
Он зла Мазепе не желает;
Всему виновна дочь одна.
Но он и дочери прощает:
Пусть богу даст ответ она,
Покрыв семью свою позором,
Забыв и небо и закон...»

А между тем орлиным взором
В кругу домашнем ищет он
Себе товарищей отважных,
Неколебимых, непродажных.
Во всем открылся он жене: ¹³
Давно в глубокой тишине
Уже донос он грозный копит,
И, гнева женского полна,
Нетерпеливая жена
Супруга злобного торопит.
В тиши ночей, на ложе сна,
Как некий дух, ему она
О мщенье шепчет, укоряет,
И слезы льет, и ободряет,
И клятвы требует — и ей
Клянется мрачный Кочубей.

Удар обдуман. С Кочубеем
Бесстрашный Искра ¹⁴ заодно.
И оба мыслят: «Одолеем;
Врага паденье решено.
Но кто ж, усердьем пламенея,
Ревнуя к общему добру,
Донос на мощного злодея
Предубежденному Петру
К погам положит, не робея?»

Между полтавских казаков,
Презренных девою несчастной,
Один с младенческих годов
Ее любил любовью страстной.
Вечерней, утренней порой,
На берегу реки родной,
В тени украинских черешен,
Бывало, он Марию ждал,
И ожиданием страдал,
И краткой встречей был утешен.
Он без надежд ее любил,
Не докучал он ей мольбою:
Отказа б он не пережил.
Когда наехали толпою
К ней женихи, из их рядов
Уныл и сир он удалился.
Когда же вдруг меж казаков
Позор Марии огласился
И беспощадная молва
Ее со смехом поразила,
И тут Мария сохранила
Над ним привычные права.
Но если кто хотя случайно
Пред ним Мазепу называл,
То он бледнел, терзаясь тайно,
И взоры в землю опускал.

.

Кто при звездах и при луне
Так поздно едет на коне?
Чей это конь неутомимый
Бежит в степи необозримой?

Казак на север держит путь,
Казак не хочет отдохнуть
Ни в чистом поле, ни в дубраве,
Ни при опасной переправе.

Как стекло булат его блеснит,
Мешок за пазухой звенит,
Не спотыкаясь, конь ретивый
Бежит, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булат потеха молодца,
Ретивый конь потеха тоже —
Но шапка для него дороже.

За шапку он оставить рад
Коня, червонцы и булат,
Но выдаст шапку только с бою,
И то лишь с буйной головою.

Зачем он шапкой дорожит?
Затем, что в ней донос зашит,
Донос на гетмана злодея
Царю Петру от Кочубея.

Грозы не чуя между тем,
Не ужасаемый ничем,
Мазепа козни продолжает.
С ним полномощный езуит ¹⁵
Мятеж народный учреждает
И шаткий трон ему сулит.
Во тьме ночной они как воры
Ведут свои переговоры,
Измену ценят меж собой,
Слагают цифр универсалов ¹⁶,
Торгуют царской головой,
Торгуют клятвами вассалов.
Какой-то нищий во дворец
Неведомо отколе ходит,
И Орлик ¹⁷, гетманов делец,
Его приводит и выводит.
Повсюду тайно сеют яд

Его подосланные слуги:
Там па Дону казачьи круги
Они с Булавиным¹⁸ мутят;
Там будят диких орд отвагу;
Там за порогами Днепра
Стращают буйную ватагу
Самодержавцем Петра.
Мазепа всюду взор кидает
И письма шлет из края в край:
Угрозой хитрей подымает
Он на Москву Бахчисарай.
Король ему в Варшаве внемлет,
В стенах Очакова паша,
Во стане Карл и царь. Не дремлет
Его коварная душа;
Он, думой думу развигая,
Верней готовит свой удар;
В нем не слабеет воля злая,
Неутомим преступный жар.

Но как он вздрогнул, как воспрянул,
Когда пред ним незапно грянул
Упадший гром! когда ему,
Врагу России самому,
Вельможи русские¹⁹ послали
В Полтаве писанный донос
И вместо праведных угроз,
Как жертве, ласки расточали;
И озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,
Донос оставя без вниманья,
Сам царь Иуду утешал
И злобу шумом наказанья
Смирить надолго обещал!

Мазепа, в горести притворной,
К царю возносит глас покорный.
«И знает бог, и видит свет:
Он, бедный гетман, двадцать лет
Царю служил душою верной;
Его щедротою безмерной
Осыпан, дивно вознесен...
О, как слепа, безумна злоба!..

Ему ль теперь у двери гроба
Начать учение измен
И потемнять благую славу?
Не он ли помощь Станиславу ²⁰
С негодованьем отказал,
Стыдясь, отверг венец Украйны,
И договор и письма тайны
К царю, по долгу, отослал?
Не он ли наущеньям хана ²¹
И цареградского салтана
Был глух? Усердием горя,
С врагами белого царя
Умом и саблей рад был спорить,
Трудов и жизни не жалел,
И ныне злобный недруг смел
Его седины опозорить!
И кто же? Искра, Кочубей!
Так долго быв его друзьями!..»
И с кровожадными слезами,
В холодной дерзости своей,
Их казни требует злодей... ²²

Чьей казни?.. старец непреклонный!
Чья дочь в объятиях его?
Но хладно сердца своего
Он заглушает ропот сонный.
Он говорит: «В неравный спор
Зачем вступает сей безумец?
Он сам, надменный вольнодумец,
Сам точит на себя топор.
Куда бежит, зажавши вежды?
На чем он основал надежды?
Или... но дочери любовь
Главы отцовской не искупит.
Любовник гетману уступит,
Не то моя прольется кровь».

Мария, бедная Мария,
Краса черкасских дочерей!
Не знаешь ты, какого змия
Ласкаешь на груди своей.
Какой же властью непонятной
К душе свирепой и развратной

Так сильно ты привлечена?
Кому ты в жертву отдана?
Его кудрявые седины,
Его глубокие морщины,
Его блестящий, впалый взор,
Его лукавый разговор
Тебе всего, всего дороже:
Ты мать забыть для них могла,
Соблазном посланное ложе
Ты отчей сени предпочла.
Своими чудным очами
Тебя старик заворожил,
Своими тихими речами
В тебе он совесть усыпил;
Ты на него с благоговеньем
Возводишь ослепленный взор,
Его лелеешь с умилением —
Тебе приятен твой позор,
Ты им, в безумном упоенье,
Как целомудрием горда —
Ты прелесть нежную стыда
В своем утратила паденье...

Что стыд Марии? что молва?
Что для нее мирские пени,
Когда склоняется в колени
К ней старца гордая глава,
Когда с ней гетман забывает
Судьбы своей и труд и шум,
Иль тайны смелых, грозных дум
Ей, деве робкой, открывает?
И дней невинных ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, как туча, затмевает:
Она унылых пред собой
Отца и мать воображает;
Она, сквозь слезы, видит их
В бездетной старости, одних,
И, мнится, пеням их внимает...
О, если б ведала она,
Что уж узнала вся Украина!
Но от нее сохранена
Еще убийственная тайна.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Мазепа мрачен. Ум его
Смущен жестокими мечтами.
Мария нежными очами
Глядит на старца своего.
Она, обняв его колени,
Слова любви ему твердит.
Напрасно: черных помышлений
Ее любовь не удалит.
Пред бедной девой с невниманьем
Он холодно потупляет взор
И ей на ласковый укор
Одним ответствует молчаньем.
Удивлена, оскорблена,
Едва дыша, встает она
И говорит с негодованьем:

«Послушай, гетман: для тебя
Я позабыла все на свете.
Навек однажды полюбя,
Одно имела я в предмете:
Твою любовь. Я для нее
Сгубила счастье мое,
Но ни о чем я не жалею...
Ты помнишь: в страшной тишине,
В ту ночь, как стала я твоею,
Меня любить ты клялся мне.
Зачем же ты меня не любишь?»

М а з е п а

Мой друг, несправедлива ты.
Оставь безумные мечты;
Ты подозреньем сердце губишь:
Нет, душу пылкую твою
Волнуют, ослепляют страсти.
Мария, верь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

М а р и я

Неправда: ты со мной хитришь.
Давно ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласк моих бежишь;

Теперь они тебе докучны;
Ты целый день в кругу старшин,
В пирах, разъездах — я забыта;
Ты долгой ночью иль один,
Иль с нищим, иль у езуита;
Любовь смиренная моя
Встречает хладную суровость.
Ты пил недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость;
Кто эта Дульская?

М а з е п а

И ты

Ревнива? Мне ль, в мои ли лета
Искать надменного привета
Самолюбивой красоты?
И стану ль я, старик суровый,
Как праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорные оковы
И жен притворством искушать?

М а р и я

Нет, объяснись без отговорок
И просто, прямо отвечай.

М а з е п а

Покой души твоей мне дорог,
Мария; так и быть: узнай.

Давно замыслили мы дело;
Теперь оно кипит у нас.
Благое время нам приспело;
Борьбы великой близок час.
Без милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Под покровительством Варшавы,
Под самовластием Москвы.
Но независимой державой
Украине быть уже пора:
И знамя вольности кровавой
Я поднимаю на Петра.
Готово все: в переговорах
Со мною оба короля;
И скоро в смутах, в бранных спорах,

Быть может, трон воздвигну я.
Друзей надежных я имею:
Княгиня Дульская и с нею
Мой езуит, да нищий сей
К концу мой замысел приводят.
Чрез руки их ко мне доходят
Наказы, письма королей.
Вот важные тебе признанья.
Довольна ль ты? Твои мечтанья
Рассеяны ль?

М а р и я

О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоим сединам как пристанет
Корона царская!

М а з е п а

Постой.
Не все свершилось. Буря грядет;
Кто может знать, что ждет меня?

М а р и я

Я близ тебя не знаю страха —
Ты так могущ! О, знаю я:
Трон ждет тебя.

М а з е п а

А если плаха?..

М а р и я

С тобой на плаху, если так.
Ах, пережить тебя могу ли?
Но нет: ты носишь власти знак.

М а з е п а

Меня ты любишь?

М а р и я

Я! люблю ли?

М а з е п а

Скажи: отец или супруг
Тебе дороже?

М а р и я

Милый друг,
К чему вопрос такой? тревожит
Меня напрасно он. Семейю
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей в позор; быть может
(Какая страшная мечта!),
Моим отцом я проклята,
А за кого?

М а з е п а

Так я дороже
Тебе отца? Молчишь...

М а р и я

О боже!

М а з е п а

Что ж? отвечай.

М а р и я

Реши ты сам.

М а з е п а

Послушай: если было б нам,
Ему иль мне, погибнуть надо,
А ты бы нам судьей была,
Кого б ты в жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?

М а р и я

Ах, полно! сердце не смущай!
Ты искуситель.

М а з е п а

Отвечай!

М а р и я

Ты бледен; речь твоя сурова...
О, не сердись! Всем, всем готова

Тебе я жертвовать, поверь;
Но страшны мне слова такие.
Довольно.

М а з е п а

Помни же, Мария,
Что ты сказала мне теперь.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет
И пышных гетманов сады
И старый замок озаряет.
И тихо, тихо все кругом;
Но в замке шепот и смятенье.
В одной из башен, под окном,
В глубоком, тяжком размышленье,
Окован, Кочубей сидит
И мрачно на небо глядит.

Заутра казнь. Но без боязни
Он мыслит об ужасной казни;
О жизни не жалеет он.
Что смерть ему? желанный сон.
Готов он лечь во гроб кровавый.
Дрема долит. Но, боже правый!
К ногам злодея, молча, пасть
Как бессловесное созданье,
Царем быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь — и с нею честь,
Друзей с собой на плаху весть,
Над гробом слышать их проклятья,
Ложась безвинным под топор,
Врага веселый встретить взор
И смерти кинуться в объятья,
Не завещая никому
Вражды к злодею своему!..

И вспомнил он свою Полтаву,
Обычный круг семьи, друзей,
Минувших дней богатство, славу,
И песни дочери своей,
И старый дом, где он родился,
Где знал и труд и мирный сон,
И все, чем в жизни наслаждался,
Что добровольно бросил он,
И для чего? —

Но ключ в заржавом
Замке гремит — и, пробужден,
Несчастный думает: вот он!
Вот на пути моем кровавом
Мой вождь под знаменем креста,
Грехов могущий разрешитель,
Духовной скорби врач, служитель
За нас распятого Христа,
Его святую кровь и тело
Принесший мне, да укреплюсь,
Да приступлю ко смерти смело
И жизни вечной приобщусь!

И с сокрушением сердечным
Готов несчастный Кочубей
Перед всесильным, бесконечным
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святого,
Он гостя узнает иного:
Свирепый Орлик перед ним.
И, отвращением томим,
Страдалец горько вопрошает:
«Ты здесь, жестокий человек?
Зачем последний мой ночлег
Еще Мазепа возмущает?»

Орлик

Допрос не кончен: отвечай.

Кочубей

Я отвечал уже: ступай,
Оставь меня.

Орлик
Еще признанья
Пап гетман требует.

Кочубей
Но в чем?
Давно сознался я во всем,
Что вы хотели. Показанья
Мои все ложны. Я лукав,
Я строю козни. Гетман прав.
Чего вам более?

Орлик
Мы знаем,
Что ты несчетно был богат;
Мы знаем: не единый клад
Тобой в Диканьке²³ укрываем.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имение сполна
В казну поступит войсковую —
Таков закон. Я указую
Тебе последний долг: открой,
Где клады, скрытые тобой?

Кочубей
Так, не ошиблись вы: три клада
В сей жизни были мне отрада.
И первый клад мой честь была,
Клад этот пытка отняла;
Другой был клад невозвратимый
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь над ним дрожал:
Мазепа этот клад украл.
Но сохранил я клад последний,
Мой третий клад: святую месть.
Ее готовлюсь богу снести.

Орлик
Старик, оставь пустые бредни
Сегодня покидая свет,
Питайся мыслию суровой.
Шутить не время. Дай ответ,

Когда не хочешь пытки новой:
Где спрятал деньги?

Кочубей

Злой холоп!
Окончишь ли допрос нелепый?
Повремени: дай лечь мне в гроб,
Тогда ступай себе с Мазепой
Мое наследие считать
Окровавленными перстами,
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады с домами.
С собой возьмите дочь мою;
Она сама вам все расскажет,
Сама все клады вам укажет;
Но ради господ молю,
Теперь оставь меня в покое.

Орлик

Где спрятал деньги? укажи.
Не хочешь? — Деньги где? скажи,
Иль выйдет следствие плохое.
Подумай: место нам назначь.
Молчишь? — Ну, в пытку. Гей, палач! ²⁴

Палач вошел...

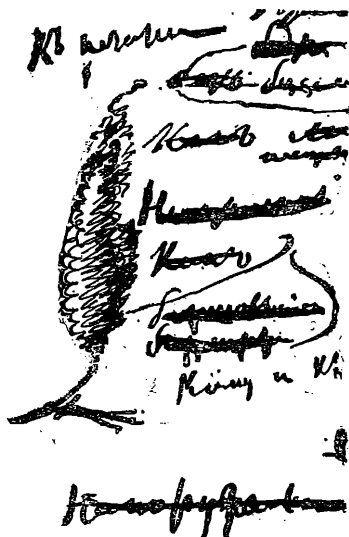
О, ночь мучений!
Но где же гетман? где злодей?
Куда бежал от угрызений
Змеиной совести своей?
В светлице девы усыпленной,
Еще незнанием блаженной,
Близ ложа крестницы младой
Сидит с поникшею главой
Мазепа тихий и угрюмый.
В его душе проходят думы,
Одна другой мрачней, мрачней.
«Умрет безумный Кочубей;
Спасти нельзя его. Чем ближе
Цель гетмана, тем тверже он
Быть должен властью облечен,
Тем перед ним склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нет:
Доносчик и его клевет

Умрут». Но, брося взор на ложе,
Мазепа думает: «О боже!
Что будет с ней, когда она
Услышит слово роковое?
Досель она еще в покое —
Но тайна быть сохранена
Не может долее. Секира,
Упав поутру, загремит
По всей Украине. Голос мира
Вокруг нее заговорит!..
Ах, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тот стой один перед грозою,
Не призывай к себе жены.
В одну телегу впрячь неможно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно:
Теперь плачу безумства дань...
Все, что цены себе не знает,
Все, все, чем жизнь мила бывает,
Бедняжка принесла мне в дар,
Мне, старцу мрачному, — и что же?
Какой готовлю ей удар!»
И он глядит: на тихом ложе
Как сладок юности покой!
Как сон ее лелеет нежно!
Уста раскрылись; безмятежно
Дыханье груди молодой;
А завтра, завтра... содрогаясь,
Мазепа отвращает взгляд,
Встает и, тихо пробираясь,
В уединенный сходит сад.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Но мрачны странные мечты
В душе Мазепы: звезды ночи,
Как обвинительные очи,
За ним насмешливо глядят.
И тополи, стеснившись в ряд,

Качая тихо головою,
 Как судьи, шепчут меж собою.
 И летней, теплой ночи тьма
 Душна, как черная тюрьма.

Вдруг... слабый крик... невнятный стоп
 Как бы из замка слышит он.
 То был ли сон воображенья,
 Иль плач совы, иль зверя вой,
 Иль пытки стон, иль звук иной —
 Но только своего волненья
 Преодолеть не мог старик
 И на протяжный слабый крик
 Другим отвечивал — тем криком,
 Которым он в веселье диком
 Поля сраженья оглашал,
 Когда с Забелой, с Гамалеем,
 И — с ним... и с этим Кочубеем
 Он в бранном пламени скакал.

Зари багряной полоса
 Объемлет ярко небеса.
 Блеснули доли, холмы, нивы,

Вершины рощ и волны рек.
Раздался утра шум игривый,
И пробудился человек.

Еще Мария сладко дышит,
Дремой объята, и слышит
Сквозь легкий сон, что кто-то к ней
Вошел и ног ее коснулся.
Она проснулась — но скорей
С улыбкой взор ее сомкнулся
От блеска утренних лучей.
Мария руки протянула
И с негой томною шепнула:
«Мазепа, ты?..» Но голос ей
Иной отвечает... о боже!
Вздвигнув, она глядит... и что же?
Пред нею мать...

М а т ь

Молчи, молчи;
Не погуби нас: я в ночи
Сюда прокралась осторожно
С единой, слезною мольбой.
Сегодня казнь. Тебе одной
Свиrepство их смягчить возможно.
Спаси отца.

Д о ч ь, в ужасе

Какой отец?
Какая казнь?

М а т ь

Иль ты доныне
Не знаешь?... нет! ты не в пустыне,
Ты во дворце; ты знать должна,
Как сила гетмана грозна,
Как он врагов своих карает,
Как государь ему внимает...
Но вижу: скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы;
Тебя я сонну застаю,
Когда свершают суд свирепый,
Когда читают приговор,
Когда готов отцу топор...

Друг другу, вижу, мы чужие...
Опомнись, дочь моя! Мария,
Беги, пади к его ногам,
Спаси отца, будь ангел нам:
Твой взгляд злодеям руки свяжет,
Ты можешь их топор отвести.
Рвись, требуй — гетман не откажет:
Ты для него забыла честь,
Родных и бога.

Д о ч ь

Что со мною?
Отец... Мазепа... казнь — с мольбою
Здесь, в этом замке мать моя —
Нет, иль ума лишилась я,
Иль это грезы.

М а т ь

Бог с тобою,
Нет, нет — не грезы, не мечты.
Ужель еще не знаешь ты,
Что твой отец ожесточенный
Бесчестья дочери не снес
И, жаждой мести увлеченный,
Царю на гетмана донес...
Что в истязаниях кровавых
Сознался в умыслах лукавых,
В стыде безумной клеветы,
Что, жертва смелой правоты,
Врагу он выдан головою,
Что пред громадой войсковою,
Когда его не осенит
Десница выпинная господня,
Он должен быть казнен сегодня,
Что здесь покамест он сидит
В тюремной башне.

Д о ч ь

Боже, боже!..
Сегодня! — бедный мой отец!

И дева падает на ложе,
Как хладный падает мертвец.

Пестреют шапки. Копья блещут.
Бьют в бубны. Скачут сердюки ²⁵.
В строях равняются полки.
Толпы кипят. Сердца трепещут.
Дорога, как змеиный хвост,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой намест.
На нем гуляет, веселится
Палач и алчно жертвы ждет:
То в руки белые берет,
Играючи, топор тяжелый,
То шутит с чернию веселой.
В гремучий говор все слилось:
Крик женский, брань, и смех, и ропот.
Вдруг восклицанье раздалось,
И смолкло все. Лишь конский топот
Был слышен в грозной тишине.
Там, окруженный сердюками,
Вельможный гетман с старшинами
Скакал на вороном коне.
А там по киевской дороге
Телега ехала. В тревоге
Все взоры обратили к ней.
В ней, с миром, с небом примиренный,
Могущей верой укрепленный,
Сидел безвинный Кочубей,
С ним Искра тихий, равнодушный,
Как агнец, жребию послушный.
Телега стала. Раздалось
Моленье ликом громогласных.
С кадил куренье поднялось.
За упокой души несчастных
Безмолвно молится народ,
Страдальцы за врагов. И вот
Идут они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Как будто в гробе, тьмы людей
Молчат. Топор блеснул с размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслед за ней, мигая.
Зарделась кровию трава —
И, сердцем радуясь во злобе,

Палач за чуб поймал их обе
И напряженной рукой
Потряс их обе над толпой.

Свершилась казнь. Народ беспечный
Идет, рассыпавшись, домой
И про свои работы вечны
Уже толкует меж собой.
Пустеет поле понемногу.
Тогда чрез пеструю дорогу
Перебежали две жены.
Утомлены, запылены,
Они, казалось, к месту казни
Спешили, полные боязни.
«Уж поздно», — кто-то им сказал
И в поле перстом указал.
Там роковой намоет ломали,
Молился в черных ризах поп,
И на телегу подымали
Два казака дубовый гроб.

Один пред конною толпою
Мазепа, грозен, удалялся
От места казни. Он терзался
Какой-то страшной пустотой.
Никто к нему не приближался,
Не говорил он ничего;
Весь в пене мчался конь его.
Домой приехав, «что Марья?»
Спросил Мазепа. Слышит он
Ответы робкие, глухие...
Невольным страхом поражен,
Идет он к ней; в светлицу входит:
Светлица тихая пуста —
Он в сад, и там смятенный бродит;
Но вокруг широкого пруда,
В кустах, вдоль сений безмятежных
Все пусто, нет нигде следов —
Ушла! — Зовет он слуг надежных,
Своих проворных сердюков.
Они бегут. Храпят их кони —
Раздался дикий клик погони,
Верхом — и скачут молодцы
Во весь опор во все концы.

Бегут мгновенья дорогие.
Не возвращается Мария.
Никто не ведал, не слышал,
Зачем и как она бежала...
Мазепа молча скрежетал.
Затихнув, челядь трепетала.
В груди кипучий яднося,
В светлице гетман заперся.
Близ ложа там во мраке ночи
Сидел он, не смыкая очи,
Нездешней мукою томим,
Поутру, посланные слуги
Один явились за другим.
Чуть кони двигались. Подпруги,
Подковы, узды, чепраки,
Все было пеною покрыто,
В крови, растеряно, избито —
Но ни один ему принести
Не мог о бедной деве весть.
И след ее существованья
Пропал как будто звук пустой,
И мать одна во мрак изгнанья
Умчала горе с нищетою.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно в даль
Вождю Украйны не мешает.
Твердея в умысле своем,
Он с гордым шведским королем
Свои сношенья продолжает.
Меж тем, чтоб обмануть верней
Глаза враждебного сомненья,
Он, окружась толпой врачей,
На ложе мнимого мученья
Стоная молит исцеленья.
Плоды страстей, войны, трудов,
Болезни, дряхлость и печаль,
Предтечи смерти, приковали
Его к одру. Уже готов
Он скоро бренный мир оставить;

Святой обряд он хочет править,
Он архипастыря зовет
К одру сомнительной кончины,
И на коварные седины
Елей таинственный течет.

Но время шло. Москва напрасно
К себе гостей ждала всечасно,
Средь старых, вражеских могил
Готовя шведам тризну тайну.
Незапно Карл поворотил
И перенес войну в Украину.

И день настал. Встает с одра
Мазепа, сей страдалец хилый,
Сей труп живой, еще вчера
Стонавший слабо над могилой.
Теперь он мощный враг Петра.
Теперь он, бодрый, пред полками
Сверкает гордыми очами
И саблей машет — и к Десне
Проворно мчится на коне.
Согбенный тяжко жизнью старой,
Так оный хитрый кардинал,
Венчавшись римскою тиарой,
И прям, и здрав, и молод стал.

И весть на крыльях полетела.
Украина смутно зашумела:
«Он перешел, он изменил,
К ногам он Карлу положил
Бунчук покорный». Пламя пышет,
Встает кровавая заря
Войны народной.

Кто опишет
Негодование, гнев царя? ²⁶
Гремит анафема в соборах;
Мазепы лик терзает кат ²⁷.
На шумной раде, в вольных спорах
Другого гетмана творят.
С берегов пустынных Енисея
Семейства Искры, Кочубея

Поспешно призваны Петром.
Он с ними слезы проливает.
Он их, лаская, осыпает
И новой честью и добром.
Мазепы враг, наездник пылкий,
Старик Палей из мрака ссылки
В Украйну едет в царский стан.
Трепещет бунт осиротелый.
На плахе гибнет Чечель²⁸ смелый
И запорожский атаман.
И ты, любовник бранной славы,
Для шлема кинувший венец,
Твой близок день, ты вал Полтавы
Вдали завидел наконец.

И царь туда ж помчал дружины.
Они как буря притекли —
И оба стана средь равнины
Друг друга хитро облегли.
Не раз избитый в схватке смелой,
Заране кровью опьянелый,
С бойцом желанным наконец
Так грозный сходится боец.
И, злобясь, видит Карл могучий
Уж не расстроенные тучи
Несчастных нарвских беглецов,
А нить полков блестящих, стройных,
Послушных, быстрых и спокойных,
И ряд незыблемый штыков.

Но он решил: завтра бой.
Глубокий сон во стане шведа.
Лишь под палаткою одной
Ведется шепотом беседа.

«Нет, вижу я, нет, Орлик мой,
Поторопились мы некстати:
Расчет и дерзкий и плохой,
И в нем не будет благодати.
Пропала, видно, цель моя.
Что делать? Дал я промах важный:
Ошибся в этом Карле я.
Он мальчиш бойкий и отважный;

Два-три сраженья разыграть,
Конечно, может он с успехом,
К врагу на ужин прискакать ²⁹,
Ответствовать на бомбу смехом; ³⁰
Не хуже русского стрелка
Прокрасться в ночь ко вражью стану;
Свалить как нынче казака
И обменять на рану рану; ³¹
Но не ему вести борьбу
С самодержавным великаном:
Как полк, вертеться он судьбу
Принудить хочет барабаном;
Он слеп, упрям, нетерпелив,
И легкомыслен, и кичлив,
Бог весть какому счастью верит;
Он силы новые врага
Успехом прошлым только мерит —
Сломить ему свои рога.
Стыжусь: воинственным бродягой
Увлёкся я на старость лет;
Был ослеплен его отвагой
И беглым счастьем побед,
Как дева робкая».

О р л и к

Сраженья
Дождемся. Время не ушло
С Петром опять войти в сношенья:
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нет сомненья,
Царь не отвергнет примиренья.

М а з е п а

Нет, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно решилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стесненной злобой. Под Азовом
Однажды я с царем суровым
Во ставке ночью пировал:
Полны вином кипели чаши,
Кипели с ними речи наши.
Я слово смелое сказал,

*

Смутились гости молодые...
Царь, вспыхнув, чашу уронил
И за усы мои седые
Меня с угрозой ухватил.
Тогда, смирясь в бессильном гневе,
Отмстить себе я клятву дал;
Носил ее — как мать во чреве
Младенца носит. Срок настал.
Так, обо мне воспоминанье
Хранить он будет до конца.
Петру я послан в наказание;
Я терн в листах его венца:
Он дал бы грады родовые
И жизни лучшие часы,
Чтоб снова как во дни былые
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для нас надежды:
Кому бежать, решит заря.

Умолк и закрывает вежды
Изменник русского царя.

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огонь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ее стремление крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там,
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.

Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлиппенбах.
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Равняясь, строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирив,
Прервали свой голодный рев.
И се — равнину оглашая
Далече грянуло *ура*:
Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В премежах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верным слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье...
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины:
И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груды,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

Среди тревоги и волненья
На битву взором вдохновенья
Вожди спокойные глядят,
Движенья ратные следят,
Предвидят гибель и победу
И в тишине ведут беседу.
Но близ московского царя
Кто воин сей под сединами?
Двумя поддержан казаками,
Сердечной ревностью горя,

Он оком опытным героя
Взирает на волнение боя.
Уж на коня не вскочит он,
Одрях, в изгнание сиротея,
И казаки на клич Палея
Не налетят со всех сторон!
Но что ж его сверкнули очи,
И гневом, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль он, сквозь бранный дым, увидел
Врага Мазепу, и в сей миг
Свои лета возненавидел
Обезоруженный старик?

Мазепа, в думу погруженный,
Взирал на битву, окруженный
Толпой мятежных казаков,
Родных, старшин и сердюков.
Вдруг выстрел. Старец обратился.
У Войнаровского в руках
Мушкетный ствол еще дымился.
Сраженный в нескольких шагах,
Младой казак в крови валялся,
А конь, весь в пене и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь в огненной дали.
Казак на гетмана стремился
Сквозь битву с саблею в руках,
С безумной яростью в очах.
Старик, подъехав, обратился
К нему с вопросом. Но казак
Уж умирал. Потухший зрак
Еще грозил врагу России;
Был мрачен помертвелый лик,
И имя нежное Марии
Чуть лепетал еще язык.

Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит³².
И следом конница пустилась,

Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи.

Пирует Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.

Но где же первый, званный гость?
Где первый, грозный наш учитель,
Чью долговременную злость
Смирил полтавский победитель?
И где ж Мазепа? где злодей?
Куда бежал Иуда в страхе?
Зачем король не меж гостей?
Зачем изменник не на плахе?³⁸

Верхом, в глуши степей нагих:
Король и гетман мчатся оба,
Бегут. Судьба связала их.
Опасность близкая и злоба
Даруют силу королю.
Он рану тяжкую свою
Забыл. Поникнув головою,
Он скачет, русскими гоним,
И слуги верные толпою
Чуть могут следовать за ним.

Обозревая зорким взглядом
Степей широкий полукруг,
С ним старый гетман скачет рядом.
Пред ними хутор... Что же вдруг
Мазепа будто испугался?
Что мимо хутора помчался
Он сторской во весь опор?
Иль этот запустелый двор,
И дом, и сад уединенный,
И в поле отпертая дверь

Какой-нибудь рассказ забвенный
Ему напомнили теперь?
Святой невинности губитель!
Узнал ли ты сию обитель,
Сей дом, веселый прежде дом,
Где ты, вином разгоряченный,
Семьей счастливой окруженный,
Шутил, бывало, за столом?
Узнал ли ты приют укромный,
Где мирный ангел обитал,
И сад, откуда ночью темной
Ты вывел в степь... Узнал, узнал!

Ночные тени степь объемлют.
На бреге синего Днепра
Между скалами чутко дремлют
Враги России и Петра.
Щадят мечты покой героя,
Урон Полтавы он забыл.
Но сон Мазепы смутен был.
В нем мрачный дух не знал покоя.
И вдруг в безмолвии ночном
Его зовут. Он пробудился.
Глядит: над ним, грозя перстом,
Тихонько кто-то наклонился.
Он вздрогнул, как под топором...
Пред ним с развитыми власами,
Сверкая впалыми глазами,
Вся в рубище, худа, бледна,
Стоит, луной освещена...
«Иль это сон?.. Мария... ты ли?»

М а р и я

Ах, тише, тише, друг!.. Сейчас
Отец и мать глаза закрыли...
Постой... услышать могут нас.

М а з е п а

Мария, бедная Мария!
Опомнись! Боже!.. Что с тобой?

М а р и я

Послушай: хитрости какие!
Что за рассказ у них смешной?

Она за тайну мне сказала,
Что умер бедный мой отец,
И мне тихонько показала
Седую голову — творец!
Куда бежать нам от злоречья?
Подумай: эта голова
Была совсем не человечья,
А волчья — видишь: какова!
Чем обмануть меня хотела!
Не стыдно ль ей меня пугать?
И для чего? чтоб я не смела
С тобой сегодня убежать!
Возможно ль?

С горестью глубокой
Любовник ей внимал жестокий.
Но, вихрю мыслей предана,
«Однако ж, — говорит она, —
Я помню поле... праздник шумный...
И чернь... и мертвые тела...
На праздник мать меня вела...
Но где ж ты был?.. С тобою розно
Зачем в ночи скитаюсь я?
Пойдем домой. Скорей... уж поздно.
Ах, вижу, голова моя
Полна волнения пустого:
Я принимала за другого
Тебя, старик. Оставь меня.
Твой взор насмешлив и ужасен.
Ты безобразен. Он прекрасен:
В его глазах блестит любовь,
В его речах такая нега!
Его усы белее снега,
А на твоих засохла кровь!..»

И с диким смехом завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побежала
И скрылась в темноте ночной.

Редела тень. Восток алел.
Огонь казачий пламенел.
Пшеницу казаки варили;

Драбанты у брегу Днепра
Коней расседланных поили.
Проснулся Карл. «Ого! пора!
Вставай, Мазепа. Рассветает».
Но гетман уж не спит давно.
Тоска, тоска его снедает;
В груди дыхание стеснено.
И молча он коня седлает,
И скачет с беглым королем,
И страшно взор его сверкает,
С родным прощаясь рубежом.

Прошло сто лет — и что ж осталось
От сильных, гордых сих мужей,
Столь полных волею страстей?
Их поколение миновалось —
И с ним исчез кровавый след
Успий, бедствий и побед.
В гражданстве северной державы,
В ее воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе.
В стране — где мельниц ряд крылатый
Оградой мирной обступил
Бендер пустынные раскаты,
Где бродят буйволы рогаты
Вокруг воинственных могил, —
Останки разоренной сени,
Три углубленные в земле
И мхом поросшие ступени
Гласят о шведском короле.
С них отражал герой безумный,
Один в толпе домашних слуг,
Турецкой рати приступ шумный,
И бросил шпагу под бунчук;
И тщетно там пришлец унылый
Искал бы гетманской могилы:
Забыт Мазепа с давних пор!
Лишь в торжествующей святыне
Раз в год анафемой доньке,
Грезя, гремит о нем собор.
Но сохранилася могила,

Где двух страдальцев прах почил:
 Меж древних праведных могил
 Их мирно церковь приютила ³⁴.
 Цветет в Диканьке древний ряд
 Дубов, друзьями насажденных;
 Они о праотцах казненных
 Доныне внукам говорят.
 Но дочь преступница... преданья
 Об ней молчат. Ее страданья,
 Ее судьба, ее конец
 Непроницаемою тьмою
 От нас закрыты. Лишь порою
 Слепой украинский певец,
 Когда в селе перед народом
 Он песни гетмана бренчит,
 О грешной деве мимоходом
 Казачкам юным говорит.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Василий Леонтьевич Кочубей, генеральный судья, один из предков нынешних графов.

² Хутор — загородный дом.

³ У Кочубея было несколько дочерей; одна из них была замужем за Обидовским, племянником Мазепы. Та, о которой здесь упоминается, называлась Матреной.

⁴ Мазепа в самом деле сватал свою крестницу, но ему отказали.

⁵ Предание приписывает Мазепе несколько песен, доныне сохранившихся в памяти народной. Кочубей в своем доносе также упоминает о патриотической думе, будто бы сочиненной Мазепою. Она замечательна не в одном историческом отношении.

⁶ Бунчук и булава — знаки гетманского достоинства.

⁷ См. *Мазепу* Байрона.

⁸ Дорошенко, один из героев древней Малороссии, непримиримый враг русского владычества.

⁹ Григорий Самойлович, сын гетмана, сосланный в Сибирь в начале царствования Петра I.

¹⁰ Симеон Палей, хвастовский полковник, славный наездник. За своевольные набеги сослан был в Енисейск по жалобам Мазепы. Когда сей последний оказался изменником, то и Палей, как законный враг его, был возвращен из ссылки и находился в Полтавском сражении.

¹¹ Костя Гордеевко, кошевой атаман запорожских казаков. Впоследствии передан Карлу XII. Взят в плен и казнен в 1708 г.

¹² 20 000 казаков было послано в Лифляндию.

¹³ Мазепа в одном письме упрекает Кочубея в том, что им управляет жена его, *гордая и высокоумная*.

¹⁴ Искра, полтавский полковник, товарищ Кочубей, разделивший с ним его умысел и участь.

¹⁵ Езуит Заленский, княгиня Дульская и какой-то болгарский архиепископ, изгнанный из своего отечества, были главными агентами Мазепиной измены. Последний в виде пищего ходил из Польши в Украину и обратно.

¹⁶ Так назывались манифесты гетманов.

¹⁷ Филипп Орлик, генеральный писарь, наперсник Мазепы, после смерти (в 1710) сего последнего получил от Карла XII пустой титул малороссийского гетмана. Впоследствии принял магометанскую веру и умер в Бендерах около 1736 года.

¹⁸ Булавин, донской казак, бунтовавший около того времени.

¹⁹ Тайный секретарь Шафиров и гр. Головкин, друзья и покровители Мазепы; на них, по справедливости, должен лежать ужас суда и казни доносителей.

²⁰ В 1705 году. Смotr. примечания к Истории Малороссии, Бантыша-Каменского.

²¹ Во время неудачного похода в Крым Казы-Гирей предлагал ему соединиться с ним и вместе напасть на русское войско.

²² В своих письмах он жаловался, что доносителей пытали слишком легко, неотступно требовал их казни, сравнивал себя с Сусанною, неповинно оклеветанною беззаконными старцами, а графа Головкина с пророком Даниилом.

²³ Деревня Кочубей.

²⁴ Уже осужденный на смерть, Кочубей был пытан в войске гетмана. По ответам несчастного видно, что его допрашивали о сокровищах, им утаенных.

²⁵ Войско, состоявшее на собственном иждивении гетманов.

²⁶ Сильные меры, принятые Петром с обыкновенной его быстротой и энергией, удержали Украину в повиновении.

«1708 ноября 7-го числа, по указу государеву, казаки по обычаю своему вольными голосами выбрали в гетманы полковника стародубского Ивана Скоропадского.

8-го числа приехали в Глухов киевский, черниговский и перяславский архиепископы.

А 9-го дня предали клятве Мазепу оные архiereи публично; того же дня и персону (куклу) оного изменника Мазепы вынесли и, сняв кавалерию (которая на ту персону была надета с бантом), оную персону бросили в палачевские руки, которую палач, взяв и прицепя за веревку, тащил по улице и по площади даже до виселицы, и потом повесили.

В Глухове же 10-го дня казнили Чечеля и прочих изменников...» (*Журнал Петра Великого.*)

²⁷ Малороссийское слово. По-русски — палач.

²⁸ Чечель отчаянно защищал Батурин против войск князя Меншикова.

²⁹ В Дрезден к королю Августу. См. *Voltaire. Histoire de Charles XII.*

³⁰ — Ах, ваше величество! бомба!.. — «Что есть общего между бомбою и письмом, которое тебе диктуют? пиши». Это случилось гораздо после.

³¹ Ночью Карл, сам осматривая наш лагерь, наехал на казаков, сидевших у огня. Он поскакал прямо к ним и одного из них застрелил из собственных рук. Казаки дали по нем три выстрела и жестоко ранили его в ногу.

³² Благодаря прекрасным распоряжениям и действиям князя Меншикова, участь главного сражения была решена заранее. Дело не продолжалось и двух часов. *Ибо* (сказано в Журнале Петра Великого) *непобедимые господа шведы скоро хребет свой показали, и от наших войск вся неприятельская армия весьма опрокинута.* Петр впоследствии времени многое прощал Данилычу за услуги, оказанные в сей день генералом князем Меншиковым.

³³ L'Empereur Moskovite, pénétré d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler (было о чем и радоваться), recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles? Alors prenant un verre de vin: A la santé, dit-il, de mes maîtres dans l'art de la guerre! — Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. — Vous, Messieurs les généraux Suédois; reprit le Czar. — Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le Comte, d'avoir tant maltraité ses maîtres ¹⁾.

³⁴ Обезглавленные тела Искры и Кочубея были отданы родственникам и похоронены в Киевской лавре; над их гробом высечена следующая надпись:

«Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
Елицы здѣ естесмо положены сущи,
Понсеже намъ страсть и смерть повѣлѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати,
И за правду и вѣрность къ Монархъ нашу
Страданія и смерти испіймо чашу,
Злуданьемъ Мазепы, всевѣчно правы,
Посѣченны zostавше топоромъ во главы;
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычнѣ,
Подаяющія всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

Року 1708, мѣсяца іюля 15 дня, посѣчены средь Обозу войсковаго за Бѣлою Церковію на Борщаговѣ и Ковшевомъ, благородный Василій Кочубей, судія генеральный; Іоаннъ Искра, полковникъ полтавскій. Привезены же тѣла ихъ іюля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обители святой Печерской на семъ мѣстѣ погребены.

¹⁾ Московский император, проникнутый радостью, которую он не давал себе труда скрывать... принимал на поле битвы пленников, которых ему приводили толпой, и то и дело спрашивал: «А где же мой брат Карл?»

...Тогда, взяв стакан вина, он сказал: «За здоровье моих учителей в военном искусстве!» Реншильд спросил его, кого он почтил таким славным титулом. «Вас, господа шведские генералы», — ответил царь. «В таком случае ваше величество очень неблагодарны, — ответил граф, — вы так дурно обошлись со своими учителями» (*франц.*).

ТАЗИТ

Не для бесед и ликований,
Не для кровавых совещаний,
Не для расспросов кунака,
Не для разбойничьей потехи
Так рано съехались адехи
На двор Гасуба старика.
В нежданной встрече сын Гасуба
Рукой завистника убит
Вблизи развалин Татартуба.
В родимой сакле он лежит.
Обряд творится погребальный.
Звучит уныло песнь муллы.
В арбу впряженные волю
Стоят пред саклею печальной.
Двор полон тесною толпой.
Подъемлют гости скорбный вой
И с плачем бьют нагрудны брони,
И, внемля шум небоевой,
Мянутся спутанные кони.
Все ждут. Из сакли наконец
Выходит между жен отец.
Два узденя за ним выносят
На бурке хладный труп. Толпу
По сторонам раздаться просят.
Слагают тело на арбу
И с ним кладут снаряд воинский:
Неразряженную пищаль,
Колчан и лук, кинжал грузинский
И пашки крестовую сталь,
Чтобы крепка была могила,

Где храбрый ляжет почивать,
Чтоб мог на зов он Азраила
Исправным воинном восстать,

В дорогу шествие готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи следуют сурово,
Смирняя молча пыл коней...
Уж потухал закат огнистый,
Златя нагорные скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихие волны.
В долине той враждою жадной
Сражен наездник молодой,
Там ныне тень могилы хладной
Воспримет труп его немой...

Уж труп землею взят. Могила
Завалена. Толпа вокруг
Мольбы последние творила.
Из-за горы явился вдруг
Старик седой и отрок стройный.
Дают дорогу пришлецу —
И скорбному старик отцу
Так молвил, важный и спокойный:
«Прошло тому тринадцать лет,
Как ты, в аул чужой пришед,
Вручил мне слабого младенца,
Чтоб воспитаньем из него
Я сделал храброго чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Гасуб, покорен будь судьбе.
Другого я привел тебе.
Вот он. Ты голову приклонишь
К его могучему плечу.
Твою потерю им заменишь —
Труды мои ты сам оценишь,
Хвалиться ими не хочу».

Умолкнул. Смотрит торопливо
Гасуб на отрока. Тазит,
Главу потупя молчаливо,
Ему недвижим предстоит.

И в горе им Гасуб любуюсь,
Влеченью сердца повинуюсь,
Объемлет ласково его.
Потом наставника ласкает,
Благодарит и приглашает
Под кровлю дома своего.
Три дня, три ночи с кунаками
Его он хочет угощать
И после честно провожать
С благословеньем и дарами.
Ему ж, отец печальный мнит,
Обязан благом я бесценным:
Слугой и другом неизменным,
Могучим мстителем обид.

Проходят дни. Печаль заснула
В душе Гасуба. Но Тазит
Все дикость прежнюю хранит.
Среди родимого аула
Он как чужой; он целый день
В горах один; молчит и бродит.
Так в сакле кормленный олень
Все в лес глядит; все в глушь уходит.
Он любит — по крутым скалам
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая буре голосистой
И в бездне воющим волнам.
Он иногда до поздней ночи
Сидит, печален, над горой,
Недвижно в даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какие мысли в нем проходят?
Чего желает он тогда?
Из мира дольного куда
Младые сны его уводят?..
Как знать? Незрима глубь сердец.
В мечтаньях отрок своеволен,
Как ветер в небе...

Но отец

Уже Тазитом недоволен.
«Где ж, — мыслит он, — в нем плод наук,
Отважность, хитрость и проворство,

Лукавый ум и сила рук?
В нем только лень и непокорство.
Иль сына взор мой не проник,
Иль обманул меня старик».

Тазит из табуна выводит
Коня, любимца своего.
Два дни в ауле нет его,
На третий он домой приходит.

О т е ц

Где был ты, сын?

С ы н

В ущелье скал,
Где прорван каменистый берег,
И путь открыт на Дариял.

О т е ц

Что делал там?

С ы н

Я слушал Терек.

О т е ц

А не видал ли ты грузин
Иль русских?

С ы н

Видел я, с товаром
Тифлисский ехал армянин.

О т е ц

Он был со стражей?

С ы н

Нет, один.

О т е ц

Зачем нечаянным ударом
Не вздумал ты сразить его
И не прыгнул к нему с утеса? —

Поступил очи сын черкеса,
Не отвечая ничего.

Тазит опять коня седлает,
Два дня, две ночи пропадает,
Потом является домой.

Отец

Где был?

Сын

За белою горой.

Отец

Кого ты встретил?

Сын

На кургане

От нас бежавшего раба.

Отец

О милосердая судьба!
Где ж он? Ужели на аркане
Ты беглеца не притащил? —

Тазит опять главу склонил.
Гасуб нахмурился в молчанье,
Но скрыл свое негодование.
«Нет, — мыслит он, — не заменит
Он никогда другого брата.
Не научился мой Тазит,
Как шашкой добывают знато.
Ни стад моих, ни табунов
Не наделят его разъезды.
Он только знает без трудов
Внимать волнам, глядеть на звезды,
А не в набегах отбивать
Коней с нагайскими быками
И с бся взятыми рабами
Суда в Анапе нагружать».

Тазит опять коня седлает.
Два дня, две ночи пропадает.
На третий, бледен, как мертвец,
Приходит он домой. Отец,
Его увидя, вопрошает:
«Где был ты?»

Сын

Около станиц
Кубани, близ лесных границ.

— — — — —

Отец

Кого ты видел?

Сын

Супостата.

Отец

Кого? кого?

Сын

Убийцу брата.

Отец

Убийцу сына моего!..
Приди!.. где голова его?
Тазит!.. Мне череп этот нужен.
Дай нагляжусь!

Сын

Убийца был
Один, изранен, безоружен...

Отец

Ты долга крови не забыл!..
Врага ты навзничь опрокинул,
Не правда ли? ты пашку вынул,
Ты в горло сталь ему воткнул
И трижды тихо повернул,
Упился ты его стенаньем,
Его змеиным издыханьем,
Где ж голова?.. подай... нет сил...

Но сын молчит, потупя очи.
И стал Гасуб чернее ночи
И сыну грозно возопил:

«Поди ты прочь — ты мне не сын,
Ты не чеченец — ты старуха,
Ты трус, ты раб, ты армянин!

Будь проклят мной! поди — чтоб слуха
Никто о робком не имел,
Чтоб вечно ждал ты грозной встречи,
Чтоб мертвый брат тебе на плечи
Окровавленной кошкой сел
И к бездне гнал тебя нещадно,
Чтоб ты, как раненый олень,
Бежал, тоскуя безотрадно,
Чтоб дети русских деревень
Тебя веревкою поймали
И как волчонка затерзали,
Чтоб ты... Беги... беги скорей,
Не оскверняй моих очей!»
Сказал и на земь лег — и очи
Закрыл. И так лежал до ночи.
Когда же приподнялся он,
Уже на синий небосклон
Луна, блистая, восходила
И скал вершины серебрила.
Тазита трижды он позвал.
Никто ему не отвечал...

Ущелий горных поселенцы
В долине шумно собрались —
Привычны игры начались.
Верьхами юные чеченцы,
В пыли несясь во весь опор,
Стрелою шапку пробивают,
Иль трижды сложенный ковер
Булатом сразу рассекают.
То скользкой тешатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, девы
Меж тем поют — и гул лесной
Далече вторит их напевы.
Но между юношей один
Забав наездничьих не делит,
Верхом не мчится вдоль стремнин,
Из лука звонкого не целит.
И между девами одна
Молчит уныла и бледна.
Они в толпе четою странной
Стоят, не видя ничего.

И горе им: он сын изгнанный,
Она любовница его...

О, было время!.. с ней украдкой
Видался юноша в горах.
Он пил огонь отравы сладкой
В ее смятенье, в речи краткой,
В ее потупленных очах,
Когда с домашнего порогу
Она смотрела на дорогу,

С подружкой резвой говоря —
И вдруг садилась и бледнела
И, отвечая, не глядела
И разгоралась, как заря —
Или у вод когда стояла,
Текущих с каменных вершин,
И долго кованый кувшин
Волною звонкой наполняла.
И он, не властный превозмочь
Волнений сердца, раз приходит
К ее отцу, его отводит
И говорит: «Твоя мне дочь

Давно мила. По ней тоскуя,
Один и сир, давно живу я.
Благослови любовь мою.
Я беден — но могуч и молод.
Мне труд легок. Я удалю
От нашей сакли тощий голод.
Тебе я буду сын и друг
Послушный, преданный и нежный,
Твоим сынам кунак надежный,
А ей — приверженный супруг».

ДОМИК В КОЛОМНЕ

I

Четырестопный ямб мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву
Пора б его оставить. Я хотел
Давным-давно приняться за октаву.
А в самом деле: я бы совладел
С тройным созвучием. Пущусь на славу!
Ведь рифмы запросто со мной живут;
Две придут сами, третью приведут.

II

А чтоб им путь открыть широкий, вольный,
Глаголы тотчас им я разрешу...
Вы знаете, что рифмой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? спрошу.
Так писывал Шихматов богомольный;
По большей части так и я пишу.
К чему? скажите; уж и так мы голы.
Отныне в рифмы буду брать глаголы.

III

Не стану их надменно браковать,
Как рекрутов, добившихся увечья,
Иль как коней, за их плохую статью, —
А подбирать союзы да наречья;
Из мелкой сволочи вербую рать.

Мне рифмы нужны; все готов сберечь я,
Хоть весь словарь; что слог, то и солдат —
Все годны в строй: у нас ведь не парад.

IV

Ну, женские и мужские слоги!
Благословясь, попробуем: слушай!
Равняйтесь, вытягивайте ноги
И по три в ряд в октаву заезжай!
Не бойтесь, мы не будем слишком строги;
Держись вольней и только не плошай,
А там уже привыкнем, слава богу,
И выедем на ровную дорогу.

V

Как весело стихи свои вести
Под цифрами, в порядке, строй за строем,
Не позволять им в сторону брести,
Как войску, в пух рассыпанному боем!
Тут каждый слог замечен и в чести,
Тут каждый стих глядит себе героем,
А стихотворец... с кем же равен он?
Он Тамерлан иль сам Наполеон.

VI

Немного отдохнем на этой точке.
Что? перестать или *пустить на пе?*..
Признаться вам, я в пятистопной строчке
Люблю цезуру на второй стопе.
Иначе стих то в яме, то на кочке,
И хоть лежу теперь на канале,
Все кажется мне, будто в тряске беге
По мерзлой пашне мчусь я на телеге.

VII

Что за беда? не все ж гулять пешком
По Невскому граниту иль на бале
Лощить паркет, или скакать верхом
В степи киргизской. Поплетусь-ка дале,
Со станции на станцию шажком,

Как говорят о том оригинале,
Который, не кормя, на рысаке
Приехал из Москвы к Неве-реке.

VIII

Скажу, рысак! Парнасский иноходец
Его не обогнал бы. Но Пегас
Стар, зуб уж нет. Им вырытый колодец
Иссох. Порос крапивою Парнас;
В отставке Феб живет, а хороводец
Старушек муз уж не прельщает нас.
И табор свой с классических вершинок
Перенесли мы на толкучий рынок.

IX

Усядся, муза: ручки в рукава,
Под лавку ножки! не вертись, резвушка!
Теперь начнем. — Жила-была вдова,
Тому лет восемь, бедная старушка,
С одною дочерью. У Покрова
Стояла их смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу как теперь
Светелку, три окна, крыльцо и дверь.

X

Дни три тому туда ходил я вместе
С одним знакомым перед вечерком.
Лачужки этой нет уж там. На месте
Ее построен трехэтажный дом.
Я вспомнил о старушке, о невесте,
Бывало, тут сидевших под окном,
О той поре, когда я был моложе,
Я думал: живы ли они? — И что же?

XI

Мне стало грустно: на высокий дом
Глядел я косо. Если в эту пору
Пожар его бы охватил кругом,
То моему б озлобленному взору
Приятно было пламя. Станным сном

Бывает сердце полно; много вздору
Приходит нам на ум, когда бредем
Одни или с товарищем вдвоем.

XII

Тогда блажен, кто крепко словом правит
И держит мысль на привязи свою,
Кто в сердце усыпляет или давит
Мгновенно прошипевшую змю;
Но кто болтлив, того молва прославит
Вмиг извергом... Я воды Леты пью,
Мне доктором запрещена унылость:
Оставим это, — сделайте мне милость!

XIII

Старушка (я стократ видал точь-в-точь
В картинах Рёмбрандта такие лица).
Носила чепчик и очки. Но дочь
Была, ей-ей, прекрасная девица:
Глаза и брови — темные как ночь,
Сама бела, нежна, как голубица;
В ней вкус был образованный. Она
Читала сочиненья Эмина,

XIV

Играть умела также на гитаре
И пела: *Стонет сизый голубок,*
И *Выду ль я*, и то, что уж постаре,
Все, что у печки в зимний вечерок
Иль скучной осенью при самоваре,
Или весною, обходя лесок,
Поет уныло русская девица,
Как музы наши грустная певица.

XV

Фигурно иль буквально: всей семьей,
От ямщика до первого поэта,
Мы все поем уныло. Грустный вой
Песнь русская. Известная примета!

Начав за здравие, за упокой
Сведем как раз. Печалию согрета
Гармония и наших муз и дев.
Но нравится их жалобный напев.

XVI

Параша (так звалась красotka наша).
Умела мыть и гладить, шить и плестъ;
Всем домом правила одна Параша,
Поручено ей было счеты вестъ,
При ней варилась гречневая каша
(Сей важный труд ей помогала несть
Стряпуха Фекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутья и слуха).

XVII

Старушка мать, бывало, под окном
Сидела; днем она чулок вязала,
А вечером за маленьким столом
Раскладывала карты и гадала.
Дочь между тем весь обегала дом,
То у окна, то на дворе мелькала,
И кто бы ни проехал иль ни шел,
Всех успевала видеть (зоркий пол!).

XVIII

Зимою ставни закрывались рано,
Но летом дó ночи растворено
Все было в доме. Бледная Диана
Глядела долго девушке в окно.
(Без этого ни одного романа
Не обойдется; так заведено!)
Бывало, мать давным-давно храпела,
А дочка — на луну еще смотрела

XIX

И слушала мяуканье котов
По чердакам, свиданий знак нескромный,
Да стражи дальный крик, да бой часов —

И только. Ночь над мирною Коломною
Тиха отменно. Редко из домов
Мелькнут две тени. Сердце девы томной
Ей слышать было можно, как оно
В упругое толкалось полотно.

XX

По воскресеньям, летом и зимою,
Вдова ходила с нею к Покрову
И становилась перед толпою
У крылоса налево. Я живу
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову — и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье.

XXI

Туда, я помню, ездила всегда
Графиня... (звали как, не помню, право)
Она была богата, молода;
Входила в церковь с шумом, величаво;
Молилась гордо (где была горда!).
Бывало, грешен! все гляжу направо,
Все на нее. Параша перед ней
Казалась, бедная, еще бедней.

XXII

Порой графиня на нее небрежно
Бросала важный взор свой. Но она
Молилась богу тихо и прилежно
И не казалась им развлечена.
Смиренье в ней изображалось нежно;
Графиня же была погружена
В самой себе, в волшебстве моды новой,
В своей красе надменной и суровой.

XXIII

Она казалась хладный идеал
Тщеславия. Его б вы в ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читал

Иную повесть: долгие печали,
Смиренье жалоб... В них-то я вникал,
Невольный взор они-то привлекали...
Но это знать графиня не могла
И, верно, в список жертв меня внесла.

XXIV

Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ее текла
В роскошной неге; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой фимиам, — она была несчастна.
Блаженнее стократ ее была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая, добрая моя Параша.

XXV

Коса змией на гребне роговом,
Из-за ушей змиею кудри русы,
Косыночка крест-накрест иль узлом,
На тонкой шее восковые бусы —
Наряд простой; но пред ее окном
Все ж ездили гвардейцы черноусы,
И девушка прельщать умела их
Без помощи нарядов дорогих.

XXVI

Меж ими кто ее был сердцу ближе,
Или равно для всех она была
Душою холодна? увидим ниже.
Покамест мирно жизнь она вела,
Не думая о балах, о Париже,
Ни о дворе (хоть при дворе жила
Ее сестра двоюродная, Вера
Ивановна, супруга гоф-фурьера).

XXVII

Но горе вдруг их посетило дом:
Стряпуха, возвратясь из бани жаркой,
Слегла. Напрасно чаем и вином,

И уксусом, и мятною припаркой
Ее лечили. В ночь пред рождеством
Она скончалась. С бедною кухаркой
Они простились. В тот же день пришли
За ней и гроб на Охту отвезли.

XXVIII

Об ней жалели в доме, всех же боле
Кот Васька. После вдовушка моя
Подумала, что два, три дня — не доле —
Жить можно без кухарки; что нельзя
Предать свою трапезу божьей воле.
Старушка кличет дочь: «Параша!» — Я! —
«Где взять кухарку? сведай у соседки,
Не знает ли. Дешевые так редки».

XXIX

— Узнаю, маменька. — И вышла вон,
Закутавшись. (Зима стояла грозно,
И снег скрипел, и синий небосклон,
Безоблачен, в звездах, сиял морозно.)
Вдова ждала Парашу долго; сон
Ее клонил тихонько; было поздно,
Когда Параша тихо к ней вошла,
Сказав: — Вот я кухарку привела.

XXX

За нею следом, робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою недурная,
Шла девушка и, низко поклонясь,
Прижалась в угол, фартук разбирая.
«А что возьмешь?» — спросила, обратясь,
Старуха. — Все, что будет вам угодно, —
Сказала та смиренно и свободно.

XXXI

Вдове понравился ее ответ.
«А как зовут?» — А Маврой. —
«Ну, Мавруша,

Живи у нас; ты молода, мой свет;
 Гоняй мужчин. Покойница Феклуша
 Служила мне в кухарках десять лет,
 Ни разу долга чести не наруша.
 Ходи за мной, за дочерью моей,
 Усердна будь; присчитывать не смей».

XXXII

Проходит день, другой. В кухарке толку
 Довольно мало: то переварит,
 То пережарит, то с посудой полку
 Урошит; вечно все пересолит.
 Шить сидет — не умеет взять иголку;
 Ее бранят — она себе молчит;
 Везде, во всем уж как-нибудь подгадит.
 Параша бьется, а никак не сладит.

XXXIII

Поутру, в воскресенье, мать и дочь
 Пошли к обедне. Дома лишь осталась
 Мавруша; видите ль: у ней всю ночь
 Болели зубы; чуть жива таскалась;
 Корицы нужно было натолочь, —

Пирожное испечь она собиралась.
Ее оставили; но в церкви вдруг
На старую вдову нашел испуг.

XXXIV

Она подумала: «В Мавруше ловкой
Зачем к пирожному припала страсть?
Пирожница, ей-ей, глядит плутовкой!
Не вздумала ль она нас обокрасть
Да улизнуть? Вот будем мы с обновкой
Для праздника! Ахти, какая страсть!»
Так думая, старушка обмирала
И наконец, не вытерпев, сказала:

XXXV

«Стой тут, Параша. Я схожу домой;
Мне что-то страшно». Дочь не разумела,
Чего ей страшно: С паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетела;
В ней сердце билось, как перед бедой.
Пришла в лачужку, в кухню посмотрела, —
Мавруши нет. Вдова к себе в покой
Вошла — и что ж? о боже! страх какой!

XXXVI

Пред зеркальцем Параша, чинно сидя,
Кухарка брилась. Что с моей вдовой?
«Ах, ах!» — и шлепнулась. Ее увидя,
Та, второпях; с намыленной щекой
Через старуху (вдовью честь обидя),
Прыгнула в сени, прямо на крыльцо,
Да ну бежать, закрыв себе лицо.

XXXVII

Обедня кончилась; пришла Параша.
«Что, маменька?» — Ах, Пашенька моя!
Маврушка... — «Что, что с ней?» — Кухарка
наша...

Опомниться досель не в силах я...
За зеркальцем... вся в мыле... — «Воля ваша,

Мне, право, ничего понять нельзя;
Да где ж Мавруша?» — Ах, она разбойник!
Она здесь брилась!.. точно мой покойник! —

XXXVIII

Параша покраснелась или нет,
Сказать вам не умею; но Маврушки
С тех пор как не было, — простыл и след!
Ушла, не взяв в уплату ни полушки
И не успев наделать важных бед.
У красной девушки и у старушки
Кто застунил Маврушу? признаюсь,
Не ведаю и кончить тороплюсь.

— Как, разве все тут? шутите! — «Ей-богу».
 — Так вот куда октавы нас вели!
 К чему ж такую подняли тревогу,
 Скликали рать и с похвальбою шли?
 Завидную ж вы избрали дорогу!
 Ужель иных предметов не нашли?
 Да нет ли хоть у вас правоученья?
 «Нет... или есть: минуточку терпенья...

XL

Вот вам мораль: по мненью моему,
 Кухарку даром нанимать опасно;
 Кто ж родился мужчиною, тому
 Рядиться в юбку странно и напрасно:
 Когда-нибудь придется же ему
 Брить бороду себе, что несогласно
 С природой дамской... Больше ничего
 Не выжмешь из рассказа моего.

АНДЖЕЛО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В одном из городов Италии счастливой
Когда-то властвовал предобрый, старый Дук,
Народа своего отец чадолюбивый,
Друг мира, истины, художеств и наук.
Но власть верховная не терпит слабых рук,
А доброте своей он слишком предавался.
Народ любил его и вовсе не боялся.
В суде его дремал карающий закон,
Как дряхлый зверь уже к ловитве неспособный.
Дук это чувствовал в душе своей незлобной
И часто сетовал. Сам ясно видел он,
Что хуже дедушек с дня на день были внуки,
Что грудь кормилицы ребенок уж кусал,
Что правосудие сидело сложа руки
И по носу его ленивый не щелкал.

II

Нередко добрый Дук, раскаяньем смущенный,
Хотел восстановить порядок упущенный;
Но как? Зло явное, терпимое давно,
Молчанием суда уже дозволено,
И вдруг его казнить совсем несправедливо
И странно было бы — тому же особливо,
Кто первый сам его потворством ободрял.

Что делать? долго Дук терпел и размышлял;
Размыслив наконец, решился он на время
Предать иным рукам верховной власти бремя,
Чтоб новый властелин расправой новой мог
Порядок вдруг завести и был бы крут и строг.

III

Был некто Анджело, муж опытный, не новый
В искусстве властвовать, обычаем суровый,
Бледнеющий в трудах, ученье и посте,
За правы строгие прославленный везде,
Стеснивший весь себя оградой законной,
С нахмуренным лицом и с волей непреклонной;
Его-то старый Дук наместником нарек,
И в ужас ополчил, и милостью облек,
Неограниченны права ему вручая.
А сам, докучного вниманья избегая,
С народом не простясь, incognito, один
Пустился странствовать, как древний паладин.

IV

Лишь только Анджело вступил во управление,
И все тотчас другим порядком потекло,
Пружины ржавые опять пришли в движение,
Законы поднялись, хватая в когти зло,
На полных площадях, безмолвных от боязни,
По пятницам пошли разыгрываться казни,
И ухо стал себе почесывать народ
И говорить: «Эхе! да этот уж не тот».

V

Между законами забытыми в ту пору
Жестокий был один: закон сей изрекал
Прелюбодею смерть. Такого приговору
В том городе никто не помнил, не слышал.
Угрюмый Анджело в громаде уложенья
Открыл его — и в страх повесам городским
Опять его на свет пустил для исполнения,
Сурово говоря помощникам своим:
«Пора нам зло пугнуть. В балованном народе

Преобратилися привычки уж в права
И шмыгают кругом закона на свободе,
Как мыши около зевающего льва.
Закон не должен быть пужало из тряпицы,
На коем наконец уже садятся птицы».

VI

Так Анджели на всех навел невольно дрожь,
Роптали вообще, смеялась молодежь
И в шутках строгого вельможи не щадила;
Меж тем как ветрено над бездною скользила,
И первый под топор беспечной головой
Попался Клавдио, патриций молодой.
В надежде всю беду со временем исправить
И не любовницу, супругу в свет представить,
Джюльету нежную успел он обольстить
И к тайнствам любви безбрачной преклонить.
Но их последствия к несчастью явны стали;
Младых любовников свидетели застали,
Ославили в суде взаимный их позор,
И юноше прочли законный приговор.

VII

Несчастный, выслушав жестокое решение,
С поникшей головой обратно шел в тюрьму,
Невольно каждому внушая сожаленье
И горько сетуя. Навстречу вдруг ему
Попался Луцио, гуляка беззаботный,
Повеса, вздорный враль, но малый доброхотный.
«Друг, — молвил Клавдио, — молю! не откажи:
Сходи ты в монастырь к сестре моей. Скажи,
Что должен я на смерть идти; чтоб поспешила
Она спасти меня, друзей бы упросила,
Иль даже бы пошла к наместнику сама.
В ней много, Луцио, искусства и ума,
Бог дал ее речам уверчивость и сладость,
К тому ж и без речей рыдающая младость
Мягчит сердца людей». — «Изволь! поговорю», —
Гуляка отвечал, и сам к монастырю
Тотчас отправился.

VIII

Младая Изабела

В то время с важною монахиней сидела.
 Постричься через день она должна была
 И разговор о том со старицей вела.
 Вдруг Луцио звонит и входит. У решетки
 Его приветствует, перебирая четки,
 Полузатворница: «Кого угодно вам?»
 — Девица (и судя по розовым щекам,
 Уверен я, что вы девица в самом деле),
 Нельзя ли доложить прекрасной Изабеле,
 Что к ней меня прислал ее несчастный брат?
 «Несчастный?.. почему? что с ним? скажите смело:
 Я Клавдио сестра». — Нет, право? очень рад.
 Он кланяется вам сердечно. Вот в чем дело:
 Ваш брат в тюрьме. — «За что?» — За то, за
 что бы я

Благодарил его, красавица моя,
 И не было б ему иного наказания. —
 (Тут он в подробные пустился описанья,
 Немного жесткие своею наготой
 Для девственных ушей отшельницы младой,
 Но со вниманием все выслушала дева
 Без приторных причуд стыдливости и гнева.
 Она чиста была душою как эфир.
 Ее смутить не мог неведомый ей мир
 Своею суетой и праздными речами.)
 — Теперь, — примолвил он, — осталось лишь
 мольбами

Вам тронуть Анджело, и вот о чем просил
 Вас братец. — «Боже мой, — девица отвечала, —
 Когда б от слов моих я пользы ожидала!..
 Но сомневаюсь; во мне не станет сил...»
 — Сомненья нам враги, — тот с жаром возразил, —
 Нас неудачею предатели страшат
 И благо верное достать не допускают.
 Ступайте к Анджело, и знайте от меня,
 Что если девица, колена преклоня
 Перед мужчиною, и просит и рыдает,
 Как бог он все дает, чего ни пожелает,

IX

Девнца, отпросясь у матери честной,
 С усердным Луцио к вельможе поспешила
 И, на колена встав, смиренною мольбой
 За брата своего наместника молила.
 «Девнца, — отвечал суровый человек, —
 Спасти его нельзя; твой брат свой отжил век;
 Он должен умереть». Заплакав, Изабела
 Склонилась перед ним и прочь идти хотела,
 Но добрый Луцио девицу удержал.
 «Не отступайтесь так, — он тихо ей сказал, —
 Просите вновь его; бросайтесь на колени,
 Хватайтесь за плащ, рыдайте; слезы, пени,
 Все средства женского искусства вы должны
 Теперь употребить. Вы слишком холодны,
 Как будто речь идет меж вами про иголку.
 Конечно, если так, не будет, верно, толку.
 Не отставайте же! еще!»

X

Она опять

Усердною мольбой стыдливо умолять
 Жестокосердного блюстителя закона.
 «Поверь мне, — говорит, — ни царская корона,
 Ни меч наместника, ни бархат судии,
 Ни полководца жезл — все почести сии —
 Земных властителей ничто не украшает,
 Как милосердие. Оно их возвышает.
 Когда б во власть твою мой брат был облечен,
 А ты был Клавдио, ты мог бы пасть, как он,
 Но брат бы не был строг, как ты».

XI

Ее укором

Смущен был Анджело. Сверкая мрачным взором,
 «Оставь меня, прошу», — сказал он тихо ей.
 Но дева скромная и жарче и смелей
 Была час от часу. «Подумай, — говорила, —
 Подумай, если тот, чья праведная сила
 Прощает и целит, судил бы грешных нас
 Без милосердия; скажи: что было б с нами?
 Подумай — и любви услышишь в сердце глас,

И милость нежная твоими дхнет устами,
И новый человек ты будешь».

XII

Он в ответ:

«Поди; твои мольбы пустая слов утрата.
Не я, закон казнит. Спасти нельзя мне брата,
И завтра он умрет».

Изабела

Как завтра! что? нет, нет.
Он не готов еще, казнить его не можно...
Ужели господа пошлем неосторожно
Мы жертву наскоро. Мы даже и цыплят
Не бьем до времени. Так скоро не казнят.
Спаси, спаси его: подумай в самом деле,
Ты знаешь, государь, несчастный осужден
За преступление, которое доселе
Прощалось каждому; постраждет первый оп.

Анджело

Закон не умирал, но был лишь в усыпленье,
Теперь проснулся он.

Изабела

Будь милостив!

Анджело

Нельзя.

Потворствовать греху есть то же преступленье,
Карая одного, спасаю многих я.

Изабела

Ты ль первый изречешь сей приговор ужасный?
И первой жертвою мой будет брат несчастный.
Нет, нет! будь милостив. Ужель душа твоя
Совсем безвинная? спросись у ней: ужели
И мысли грешные в ней отроду не тлели?

XIII

Невольно он вздрогнул, поникнул головой
И прочь идти хотел. Она: «Постой, постой!
Послушай, воротись. Великими дарами

Я задарю тебя... прими мои дары,
Они не суетны, но честны и добры,
И будешь ими ты делиться с небесами:
Я одарю тебя молитвами души
Пред утренней зарей, в полуночной тиши,
Молитвами любви, смирения и мира,
Молитвами святых, угодных небу дев,
В уединении умерших уж для мира,
Живых для господа».

Смущен и присмирив,
Он ей свидание на завтра назначает
И в отдаленные покои поспешает.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

День целый Анджели, безмолвный и угрюмый,
Сидел, уединясь, объят одною думой,
Одним желанием; всю ночь не тронул сон
Усталых векд его. «Что ж это? — мыслит он, —
Ужель ее люблю, когда хочу так сильно
Услышать вновь ее и взор мой усладить
Девичьей прелестью? По ней грустит умильно
Душа... или когда святого уловить
Захочет бес, тогда приманкою святою
И манит он на крюк? Нескромной красотою
Я не был отроду к соблазнам увлечен,
И чистой девою теперь я побежден.
Влюбленный человек доселе мне казался
Смешным, и я его безумству удивлялся.
А ныне!..»

II

Размышлять, молиться хочет он,
Но мыслит, молится рассеянно. Словами
Он небу говорит, а волей и мечтами
Стремится к ней одной. В унынье погружен,
Устами праздными жевал он имя бога,
А в сердце грех кипел. Душевная тревога
Его осилила. Правленье для него,
Как дельная, давно затверженная книга,

Несносным сделалось. Скучал он; как от ига,
Отречься был готов от сана своего;
А важность мудрую, которой столь гордился,
Которой весь народ бессмысленно дивился,
Ценил он ни во что и сравнивал с пером,
Носимым в воздухе летучим ветерком...

Поутру к Анджело явилась Изабела
И странный разговор с наместником имела.

III

А н д ж е л о
Что скажешь?

И з а б е л а
Волю я твою пришла узнать.

А н д ж е л о
Ах, если бы ее могла ты угадать!..
Твой брат не должен жить... а мог бы.

И з а б е л а
Почему же
Простить нельзя его?

А н д ж е л о
Простить? что в мире хуже
Столь гнусного греха? убийство легче.

И з а б е л а
Да,
Так судят в небесах, но на земле когда?

А н д ж е л о
Ты думаешь? так вот тебе предположение:
Что если б отдали тебе на разрешение
Оставить брата влечь ко плахе на убой,
Иль искупить его, пожертвовав собой
И плоть предав греху?

И з а б е л а
Скорее, чем душою,
Я плотью жертвовать готова.

А н д ж е л о

Я с тобою

Теперь не о душе толкую... дело в том:
Брат осужден на казнь; его спасти грехом
Не милосердие ль?

И з а б е л а

Пред богом я готова
Душою отвечать: греха в том никакого,
Поверь, и нет. Спаси ты брата моего!
Тут милость, а не грех.

А н д ж е л о

Спасешь ли ты его,
Коль милость на весах равно с грехом потянет?

И з а б е л а

О пусть моим грехом спасенье брата станет!
(Коль только это грех.) О том готова я
Молиться день и ночь.

А н д ж е л о

Нет, выслушай меня,
Или ты слов моих совсем не понимаешь,
Или понять меня нарочно избегаешь,
Я проще изъяснюсь: твой брат приговорен.

И з а б е л а

Так.

А н д ж е л о

Смерть изрек ему решительно закон.

И з а б е л а

Так точно.

А н д ж е л о

Средство есть одно к его спасенью.
(Все это клонится к тому предположению,
И только есть вопрос и больше ничего.)
Положим: тот, кто б мог один спасти его
(Наперсник судии, иль сам по сану властный
Законы толковать, смягчить их смысл ужасный),

К тебе желаньем был преступным воспален
И требовал, чтоб ты казнь брата искупила
Своим падением; не то — решит закон.
Что скажешь? как бы ты в уме своем решила?

Изабела

Для брата, для себя решила бы скорей,
Поверь, как яхонты, носить рубцы бичей
И лечь в кровавый гроб спокойно, как на ложе,
Чем осквернить себя.

Анджело

Твой брат умрет.

Изабела

Так что же?

Он лучший путь себе, конечно, изберет.
Бесчестием сестры души он не спасет.
Брат лучше раз умри, чем гибнуть мне навечно.

Анджело

За что ж казалось тебе бесчеловечно
Решение суда? Ты обвиняла нас
В жестокосердии. Давно ль еще? Сейчас
Ты праведный закон тираном называла,
А братний грех едва ль не шуткой почитала.

Изабела

Прости, прости меня. Невольно я душой
Тогда лукавила. Увы! себе самой
Противуречила я, милое спасая
И ненавистное притворно извиняя.
Мы слабы.

Анджело

Я твоим признаньем ободрен.
Так женщина слаба, я в этом убежден
И говорю тебе: будь женщина, не боле —
Иль будешь ничего. Так покорися воле
Судьбы своей.

Изабела

Тебя я не могу понять.

А н д ж е л о

Поймешь: люблю тебя.

И з а б е л а

Увы! что мне сказать?

Джюльету брат любил, и он умрет, несчастный.

А н д ж е л о

Люби меня, и жив он будет.

И з а б е л а

Знаю: властный

Испытывать других, ты хочешь...

А н д ж е л о

Нет, клянусь,

От слова моего теперь не отпущу;

Клянуся честью.

И з а б е л а

О много, много чести!

И дело честное!.. Обманщик! Демон лести!

Сейчас мне Клавдио свободу подпиши,

Или поступок твой и черноту души

Я всюду разглашу — и полно лицемерить

Тебе перед людьми.

А н д ж е л о

И кто же станет верить?

По строгости моей известен свету я;

Молва всеобщая, мой сан, вся жизнь моя

И самый приговор над братней головою

Представят твой донос безумной клеветой.

Теперь я волю дал стремлению страстей.

Подумай и смирись пред волею моей;

Брось эти глупости: и слезы, и моления,

И краску робкую. От смерти, от мученья

Тем брата не спасешь. Покорностью одной

Искупишь ты его от плахи роковой.

До завтра от тебя я стану ждать ответа.

И знай, что твоего я не боюсь извета.

Что хочешь говори, не пошатнуся я.

Всю истину твою низвергнет ложь моя.

IV

Сказал и вышел вон, невинную девицу
Оставя в ужасе. Поднявши к небесам
Молящий, ясный взор и чистую десницу,
От мерзостных палат спешит она в темницу.
Дверь отворилась ей; и брат ее глазам
Представился.

V

В цепях, в унынии глубоком,
О светских радостях стараясь не жалеть,
Еще надеясь жить, готовясь умереть,
Безмолвен он сидел, и с ним в плаще широком
Под черным куколем с распятием в руках
Сотбенный старостью беседовал монах.
Старик доказывал страдальцу молодому,
Что смерть и бытие равны одна другому,
Что здесь и там одна бессмертная душа
И что подлунный мир не стоит ни гроша.
С ним бедный Клавдио печально соглашался,
А в сердце милою Джульетой занимался.
Отшельница вошла: «Мир вам!» — очнулся он
И смотрит на сестру, мгновенно оживлен.
«Отец мой, — говорит монаху Изабела, —
Я с братом говорить одна бы здесь хотела».
Монах оставил их.

VI

К л а в д и о

Что ж, милая сестра,
Что скажешь?

И з а б е л а

Милый брат, пришла тебе пора.

К л а в д и о

Так нет спасенья?

И з а б е л а

Нет, иль разве поплатиться
Душой за голову?

К л а в д и о

Так средство есть одно?

И з а б е л а

Так, есть. Ты мог бы жить. Судья готов смягчиться.
В нем милосердие бесовское: оно
Тебе дарует жизнь за узы муки вечной.

К л а в д и о

Что? вечная тюрьма?

И з а б е л а

Тюрьма — хоть без оград,
Без цепи.

К л а в д и о

Изъяснись, что ж это?

И з а б е л а

Друг сердечный,
Брат милый! Я боюсь... Послушай, милый брат,
Семь, восемь лишних лет ужель тебе дороже
Всегдашней чести? Брат, боишься ль умереть?
Что чувство смерти? миг. И много ли терпеть?
Раздавленный червяк при смерти терпит то же,
Что терпит великан.

К л а в д и о

Сестра! или я трус?

Или идти на смерть во мне не станет силы?
Поверь, без трепета от мира отрешусь,
Коль должен умереть; и встречу ночь могилы,
Как деву милую.

И з а б е л а

Вот брат мой! узнаю;

Из гроба слышу я отцовский голос. Точно:
Ты должен умереть; умри же беспорочно.
Послушай, ничего тебе не утаю:
Тот грозный судия, святоша тот жестокий,
Чьи взоры строгие во всех родят боязнь,
Чья избранная речь шлет отроков на казнь,
Сам демон; сердце в нём черно, как ад глубокий,
И полно мерзостью.

К л а в д и о

Наместник?

И з а б е л а

Ад облек

Его в свою броню. Лукавый человек!..
Знай: если б я его бесстыдное желанье
Решилась утолить, тогда бы мог ты жить.

К л а в д и о

О нет, не надобно.

И з а б е л а

На гнусное свиданье,
Сказал он, нынче в ночь должна я поспешить,
Иль завтра ты умрешь.

К л а в д и о

Нейди, сестра.

И з а б е л а

Брат милый!

Бог видит: ежели одной моей могилой
Могла бы я тебя от казни искупить,
Не стала б более иголки дорожить
Я жизнь мою.

К л а в д и о

Благодарю, друг милый!

И з а б е л а

Так завтра, Клавдио, ты к смерти будь готов.

К л а в д и о

Да, так... и страсти в нем кипят с такою силой!
Иль в этом нет греха; иль из семи грехов
Грех это меньший?

И з а б е л а

Как?

К л а в д и о

Такого прегрешенья
Там, верно, не казнят. Для одного мгновенья

Ужель себя сгубить решился б он навек?
Нет, я не думаю. Он умный человек.
Ах, Изабела!

Изабела

Что? что скажешь?

Клавдио

Смерть ужасна!

Изабела

И стыд ужасен.

Клавдио

Так — однако ж... умереть,
Идти неведомо куда, во гробе тлеть
В холодной тесноте... Увы! земля прекрасна
И жизнь мила. А тут: войти в немую мглу,
Стремглав низвергнуться в кипящую смолу,
Или во льду застыть, иль с ветром быстротечным
Носиться в пустоте пространством бесконечным...
И все, что грезится отчаянной мечте...
Нет, нет: земная жизнь в болезни, в нищете,
В печалях, в старости, в неволе... будет раем
В сравненье с тем, чего за гробом ожидаем.

Изабела

О боже!

Клавдио

Друг ты мой! Сестра! позволь мне жить:
Уж если будет грех спасти от смерти брата,
Природа извинит.

Изабела

Что смеешь говорить?

Трус! тварь бездушная! от сестрина разврата
Себе ты жизни ждешь!.. Кровосмеситель! нет,
Я думать не могу, нельзя, чтоб жизнь и свет
Моим отцом тебе даны. Прости мне, боже!
Нет, осквернила мать отеческое ложе,
Коль понесла тебя! Умри. Когда бы я
Спаси тебя могла лишь волею моею;

То все-таки б теперь свершилась казнь твоя.
Я тысячу молитв за смерть твою имею,
За жизнь — уж ни одной...

К л а в д и о

Сестра, постой, постой!

Сестра, прости меня!

VII

И узник молодой

Удерживал ее за платье. Изабела
От гнева своего насилиу охладела,
И брата бедного простила, и опять,
Лаская, начала страдальца утешать.

ЧАСТЬ ТРЕТИЯ

I

Монах стоял меж тем за дверью отпертою
И слышал разговор меж братом и сестрою.
Пора мне вам сказать, что старый сей монах
Не что иное был, как Дук переодетый.
Пока народ считал его в чужих краях
И сравнивал, шутя, с бродящею кометою,
Скрывался он в толпе, все видел, наблюдал
И соглядатаем незримым посещал
Палаты, площади, монастыри, больницы,
Развратные дома, театры и темницы.
Восбражение живое Дук имел;
Романы он любил и, может быть, хотел
Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду.
Младой отшельницы подслушав весь рассказ,
В растроганном уме решил он тот же час
Не только наказать жестокость и обиду,
Но сладить кое-что... Он тихо в дверь вошел,
Девицу отозвал и в уголок отвел.
«Я слышал все, — сказал, — ты похвалы достойна,
Свой долг исполнила ты свято; но теперь
Предайся ж ты моим советам. Будь покойна,
Все к лучшему придет; послушна будь и верь»,
Тут он ей объяснил свое предположенье
И дал прощальное свое благословенье.

II

Друзья! поверите ль, чтоб мрачное чело,
Угрюмой, злой души печальное зеркало,
Желанья женские навеки привязало
И нежной красоте понравиться могло?
Не чудно ли? Но так. Сей Анджело надменный,
Сей злобный человек, сей грешник — был любим
Душою нежною, печальной и смиренной,
Душой, отверженной мучителем своим.
Он был давно женат. Летуныя легкокрыла,
Младой его жены молва не пощадила,
Без доказательства насмешливо коря;
И он ее прогнал, надменно говоря:
«Пускай себе молвы неправо обвиненье,
Нет нужды. Не должно коснуться подозренье
К супруге кесаря». С тех пор она жила
Одна в предместьи, печально изнывая.
Об ней-то вспомнил Дук, и дева молодая
По наставлению монаха к ней пошла.

III

Марьяна под окном за пряжею сидела
И тихо плакала. Как ангел, Изабела
Пред ней нечаянно явилась у дверей.
Отшельница была давно знакома с ней
И часто утешать несчастную ходила.
Монаха мысль она ей тотчас объяснила.
Марьяна, только лишь настанет ночи мгла,
К палатам Анджело идти должна была,
В саду с ним встретиться под каменной оградой
И, наградив его условленной наградой,
Чуть внятным шепотом, прощаясь, шепнуть
Лишь только то: *теперь о брате не забудь*.
Марьяна бедная сквозь слезы улыбалась,
Готовилась дрожа — и дева с ней рассталась.

IV

Всю ночь в темнице Дук последствий ожидал
И, сидя с Клавдио, страдальца утешал.
Пред светом снова к ним явилась Изабела,

Все шло как надобно: сейчас у ней сидела
Марьяна бледная, с успехом возвратясь
И мужа обманув. Денница занялась —
Вдруг запечатанный приказ приносит вестник
Начальнику тюрьмы. Читают: что ж? Наместник
Немедля узника приказывал казнить
И голову его в палаты предъявить.

V

Замыслив новую затею, Дук представил
Начальнику тюрьмы свой перстень и печать
И казнь остановил, а к Анджело отправил
Другую голову, велев обрить и снять
Ее с широких плеч разбойника морского,
Горячкой в ту же ночь умершего в тюрьме,
А сам отправился, дабы вельможу злого,
Столь гнусные дела творящего во тьме,
Пред светом обличить.

VI

Едва молва невнятно
О казни Клавдио успела пробежать,
Пришла другая весть. Узнали, что обратно
Ко граду едет Дук. Народ его встречать
Толпами кинулся. И Анджело смущенный,
Грызomый совестью, предчувствием стесненный,
Туда же поспешил. Улыбкой добрый Дук
Приветствует народ, теснящийся вокруг,
И дружно к Анджело протягивает руку.
И вдруг раздался крик — и прямо в ноги Дуку
Девушка падает. «Помилуй, государь!
Ты щит невинности, ты милости алтарь,
Помилуй!..» — Анджело бледнеет и трепещет
И взоры дикие на Изабелу мечет...
Но победил себя. Оправиться успев,
«Она помешана, — сказал он, — видеv брата,
Приговоренного на смерть. Сня утрата
В ней разум потрясла...»

Но обнаружv гнев
И долго скрытое в душе негодование,

«Все знаю, — молвил Дук; — все знаю! наконец
Злодейство на земле получит воздаянье.
Девнца, Анджело! за мною, во дворец!»

VII

У трона во дворце стояла Марцана
И бедный Клавдио. Злодей, увидев их,
Затрепетал, челом поникнул и утих;
Все объяснилось, и правда из тумана
Возникла; Дук тогда: «Что, Анджело, скажи,
Чего достоин ты?» Без слез и без боязни,
С угрюмой твердостью тот отвечает: «Казни.
И об одном молю: скорее прикажи
Вести меня на смерть».

«Иди, — сказал властитель, —
Да гибнет судия — торгаш и обольститель».
Но бедная жена, к ногам его упав,
«Помилуй, — молвила, — ты, мужа мне отдав,
Не отымай опять; не смейся надо мною».
— Не я, но Анджело смеялся над тобою, —
Ей Дук отвечает, — но о твоей судьбе
Сам буду я пещись. Останутся тебе
Его сокровища, и будешь ты награда
Супругу лучшему. — «Мне лучшего не надо.
Помилуй, государь! не будь неумолим,
Твоя рука меня соединила с ним!
Ужели для того так долго я вдовела?
Он человечеству свою принес лишь дань.
Сестра! спаси меня! друг милый, Изабела!
Проси ты за него, хоть на колени стань,
Хоть руки подыми ты молча!»

Изабела

Душой о грешнике, как ангел, пожалела
И, пред властителем колена преклоня,
«Помилуй, государь, — сказала. — За меня
Не осуждай его. Он (сколько мне известно,
И как я думаю) жил праведно и честно,
Покамест на меня очей не устремил.
Прости же ты его!»

И Дук его простил.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК
Петербургская повесть

Медный Всадникъ
(Петербургская повесть)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным В. Н. Берхом.

ВСТУПЛЕНИЕ

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

И думал он:
Отсель грозить мы будем шведѣ,
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно¹,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова,

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, чигаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса².
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,

*Magnificent mo
Buckley's
H. what
The whole
Bill memo
Our*

[illegible]

Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет
И, чуя вешни дни, ликует.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье...
Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье.
Печален будет мой рассказ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Плеская шумною волной
В края своей ограды стройной,
Нева металась, как больной
В своей постеле беспокойной.
Уж было поздно и темно;
Сердито бился дождь в окно,
И ветер дул, печально воя.
В то время из гостей домой
Пришел Евгений молодой...
Мы будем нашего героя
Звать этим именем. Оно
Звучит приятно; с ним давно
Мое перо к тому же дружно.
Прозванья нам его не нужно,
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало;
Но ныне светом и молесей

Оно забыто. Наш герой
Живет к Коломне; где-то служит,
Дичится знатных и не тужит
Ни о почюющей родне,
Ни о забытой старине.

Итак, домой пришед, Евгений
Страхнул шинель, разделся, лег.
Но долго он заснуть не мог
В волнение разных размышлений.
О чем же думал он? о том,
Что был он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость и честь;
Что мог бы бог ему прибавить
Ума и денег. Что ведь есть
Такие праздные счастливыцы,
Ума недалёного ленивцы,
Которым жизнь куда легка!
Что служит он всего два года;
Он также думал, что погода
Не унималась; что река
Все прибывала; что едва ли
С Невы мостов уже не сняли
И что с Парашей будет он
Дни на два, на три разлучен.
Евгений тут вздохнул сердечно
И раз мечтался, как поэт:

«Жениться? Мне? зачем же нет?
Оно и тяжело, конечно;
Но что ж, я молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов;
Уж кое-как себе устрою
Приют смиренный и простой
И в нем Парашу успокою.
Пройдет, быть может, год-другой —
Местечко получу, Параше
Препоручу семейство наше
И воспитание ребят...
И станем жить, и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба,
И внуки нас похоронят...»

Так он мечтал. И грустно было
Ему в ту ночь, и он желал,
Чтоб ветер выл не так уныло
И чтобы дождь в окно стучал
Не так сердито...

Сонны очи
Он наконец закрыл. И вот
Редеет мгла ненастной ночи
И бледный день уж настает...³
Ужасный день!

Нева всю ночь
Рвалась к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...
И спорить стало ей невмочь...
Поутру над ее берегами
Теснился кучами народ,
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод.
Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова,
Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась. Пред нею
Все побежало, все вокруг
Вдруг опустело — воды вдруг
Втекли в подземные подвалы,
К решеткам хлынули каналы,
И всплыл Петрополь, как тритон,
По пояс в воду погружен.

Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, брезна, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища

Плывут по улицам!

Народ

Зрит божий гнев и казни ждет.

Увы! все гибнет: кров и пища!

Где будет взять?

В тот грозный год

Покойный царь еще Россией

Со славой правил. На балкон,

Печален, смутен, вышел он

И молвил: «С божией стихией

Царям не совладеть». Он сел

И в думе скорбными очами

На злое бедствие глядел.

Стояли стогны озерами,

И в них широкими реками

Вливались улицы. Дворец

Казался островом печальным.

Царь молвил — из конца в конец,

По ближним улицам и дальным

В опасный путь средь бурных вод

Его пустились генералы⁴

Спасать и страхом обуялый

И дома тонущий народ.

Тогда, на площади Петровой,

Где дом в углу вознесся новый,

Где над возвышенным крыльцом

С поднятой лапой, как живые,

Стоят два льва сторожевые,

На звере мраморном верхом,

Без шляпы, руки сжав крестом,

Сидел недвижный, страшно бледный

Евгений. Он страшился, бедный,

Не за себя. Он не слышал,

Как подымался жадный вал,

Ему подошвы подмывая,

Как дождь ему в лицо хлестал,

Как ветер, буйно завывая,

С него и шляпу вдруг сорвал.

Его отчаянные взоры

На край один наведены

Недвижно были. Словно горы,

Из возмущенной глубины

Вставали волны там и злились,
Там буря выла, там носились
Обломки... Боже, боже! там —
Увы! близехонько к волнам,
Почти у самого залива —
Забор некрашенный, да ива
И ветхий домик: там оне,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во сне
Он это видит? иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

И он, как будто околдован,
Как будто к мрамору прикован,
Сойти не может! Вкруг него
Вода и больше ничего!
И, обращен к нему спиною,
В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Но вот, насытись разрушеньем
И наглым буйством утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своим любясь возмущеньем
И покидая с небреженьем
Свою добычу. Так злодей,
С свирепой шайкою своей
В село ворвавшись, ломит, режет,
Крушит и грабит; вопли, скрежет,
Насилье, брань, тревога, вой!..
И, грабежом отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спешат разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась, и Евгений мой
Спит, душою замирая,

В надежде, страхе и тоске
К едва смирившейся реке.
Но, торжеством победы полны,
Еще кипели злобно волны,
Как бы под ними тлел огонь,
Еще их пена покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь.
Евгений смотрит: видит лодку;
Он к ней бежит как на находку;
Он перевозчика зовет —
И перевозчик беззаботный
Его за гривенник охотно
Через волны страшные везет.

И долго с бурными волнами
Боролся опытный гребец,
И скрыться вглубь меж их рядами
Всечасно с дерзкими пловцами
Готов был челн — и наконец
Достиг он берега.

Несчастный
Знакомой улицей бежит
В места знакомые. Глядит,
Узнать не может. Вид ужасный!
Все перед ним завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другие
Совсем обрушились, иные
Волнами сдвинуты; кругом,
Как будто в поле боевом,
Тела валяются. Евгений
Стремглав, не помня ничего,
Изнемогая от мучений,
Бежит туда, где ждет его
Судьба с неведомым известьем,
Как с запечатанным письмом.
И вот бежит уж он предместьем,
И вот залив, и близок дом...
Что ж это?..

Он остановился.
Пошел назад и воротился.
Глядит... идет... еще глядит.

Вот место, где их дом стоит;
Вот ива. Были здесь ворота —
Снесло их, видно. Где же дом?
И, полон сумрачной заботы,
Все ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою —
И вдруг, ударя в лоб рукою,
Захохотал.

Ночная мгла

На город трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И меж собою толковали
О дне минувшем.

Утра луч

Из-за усталых, бледных туч
Блеснул над тихою столицей
И не нашел уже следов
Беды вчерашней; багряницей
Уже прикрыто было зло.
В порядок прежний все вошло.
Уже по улицам свободным
С своим бесчувствием холодным
Ходил народ. Чиновный люд,
Покинув свой ночной приют,
На службу шел. Торгаш отважный,
Не унывая, открывал
Невой ограбленный подвал,
Сбираясь свой убыток важный
На ближнем выместить. С дворов
Свезили лодки.

Граф Хвостов,

Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов.

Но бедный, бедный мой Евгений...
Увы! его смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял. Мятежный шум
Невы и ветров раздавался
В его ушах. Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался.
Его терзал какой-то сон.

Прошла неделя, месяц — он
К себе домой не возвращался.
Его пустынный уголок
Отдал внаймы, как вышел срок,
Хозяин бедному поэту.
Евгений за своим добром
Не приходил. Он скоро свету
Стал чужд. Весь день бродил пешком,
А спал на пристани; питался
В окошко поданным куском.
Одежда ветхая на нем
Рвалась и тлела. Злые дети
Бросали камни вслед ему.
Нередко кучерские плети
Его стегали, потому
Что он не разбирал дороги
Уж никогда; казалось — он
Не примечал. Он оглушен
Был шумом внутренней тревоги.
И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь ни человек,
Ни то ни се, ни житель света,
Ни призрак мертвый...

Раз он спал
У невской пристани. Дни лета
Клонились к осени. Дышал
Ненастный ветер. Мрачный вал
Плескал на пристань, ропща пени
И бясь об гладкие ступени,
Как челобитчик у дверей
Ему не внемлющих судей.
Бедняк проснулся. Мрачно было:
Дождь капал, ветер выл уныло,
И с ним вдали, во тьме ночной
Перекликался часовой...
Вскочил Евгений; вспомнил живо
Он прошлый ужас; торопливо
Он встал; пошел бродить, и вдруг
Остановился — и вокруг
Тихонько стал водить очами
С боязнью дикой на лице.
Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце

С поднятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо в темной вышине
Над огражденною скалою
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.

Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вокруг него,
И львов, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы? ⁵

Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошел
И взоры дикие навел
На лик державца полумира.
Стеснилась грудь его. Чело
К решетке хладной прилегло,
Глаза подернулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь. Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом
И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой черной,
«Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав, —
Ужо тебе!..» И вдруг стремглав

Бежать пустился. Показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой —
Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне;
И во всю ночь безумец бедный,
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

И с той поры, когда случалось
Идти той площадью ему,
В его лице изображалось
Смятенье. К сердцу своему
Он прижимал поспешно руку,
Как бы его смиряя муку,
Картуз изношенный сымал,
Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкой.

Остров малый
На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный остров. Не взросло
Там ни былинки. Наводнение
Туда, играя, занесло
Домишко ветхий. Над водою
Остался он, как черный куст.
Его прошедшею весною
Свели на барке. Был он пуст

И весь разрушен. У порога
Нашли безумца моего,
И тут же хладный труп его
Похоронили ради бога.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Альгаротти где-то сказал: «Pétersbourg est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe» ¹⁾.

² Смотри стихи кн. Вяземского к графине З ***.

³ Мицкевич прекрасными стихами описал день, предшествовавший петербургскому наводнению, в одном из лучших своих стихотворений — Oleszkiewicz. Жаль только, что описание его не точно. Снегу не было — Нева не была покрыта льдом. Наше описание вернее, хотя в нем и нет ярких красок польского поэта.

⁴ Граф Милорадович и генерал-адъютант Бенкендорф.

⁵ Смотри описание памятника в Мицкевиче. Оно заимствовано из Рубана — как замечает сам Мицкевич.

¹⁾ «Петербург — окно, через которое Россия смотрит в Европу»
(франц.).
Пушкинский кабинет ИРЛИ

СКАЗКИ

СКАЗКА О ПОПЕ И О РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ

Жил-был поп,
Толоконный лоб.
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Идет, сам не зная куда.
«Что, батька, так рано поднялся?
Чего ты взыскался?»
Поп ему в ответ: «Нужен мне работник:
Повар, конюх и плотник.
А где найти мне такого
Служителя не слишком дорогого?»
Балда говорит: «Буду служить тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три щелка тебе по лбу,
Есть же мне давай вареную полбу».
Призадумался поп,
Стал себе почесывать лоб.
Щелк щелку ведь розь.
Да понадеялся он на русский авось.
Поп говорит Балде: «Ладно.
Не будет нам обоим накладно.
Поживи-ка на моем подворье,
Окажи свое усердие и проворье».
Живет Балда в поповом доме,
Спит себе на соломе,
Ест за четверых,
Работает за семерых;
Дó светла все у него пляшет,
Лошадь запряжет, полосу вспашет,
Печь затопит, все заготовит, закупит,

Яичко испечет да сам и облунит.
 Попадья Балдой не нахвалится,
 Поповна о Балде лишь и печалится,
 Попенок зовет его тятей;
 Кашу заварит, нянчится с дитятей.
 Только поп один Балду не любит,
 Никогда его не приголубит,
 О расплате думает частенько;
 Время идет, и срок уж близенько.
 Поп ни ест, ни пьет, ночи не спит:
 Лоб у него заране трещит.
 Вот он попадье признается:
 «Так и так: что делать остается?»

Ум у бабы догадлив,
 На всякие хитрости повадлив.
 Попадья говорит: «Знаю средство,
 Как удалить от нас такое бедство:
 Закажи Балде службу, чтоб стало ему невмочь;
 А требуй, чтоб он ее исполнил точь-в-точь.
 Тем ты и лоб от расправы избавишь
 И Балду-то без расплаты отправишь».
 Стало на сердце попа веселее,
 Начал он глядеть на Балду посмелее.
 Вот он кричит: «Поди-ка сюда,
 Верный мой работник Балда,
 Слушай: платить обязались черти
 Мне оброк по самой моей смерти;

Лучшего б не надобно дохода,
Да есть на них недоимки за три года.
Как наешься ты своей полбы,
Собери-ка с чертей оброк мне полный». —
Балда, с попом понапрасну не споря,
Пошел, сел у берега моря;
Там он стал веревку крутить
Да конец ее в море мочить.
Вот из моря вылез старый Бес:
«Зачем ты, Балда, к нам залез?»
— Да вот веревкой хочу море морщить,
Да вас, проклятое племя, корчить. —
Беса старого взяла тут унылость.
«Скажи, за что такая немилость?»
— Как за что? Вы не платите оброка,
Не помните положенного срока;
Вот уже будет нам потеха,
Вам, собакам, великая помеха. —
«Балдушка, погоди ты морщить море,
Оброк сполна ты получишь вскоре.
Погоди, вышлю к тебе внука». —
Балда мыслит: «Этого провести не штука!»
Вынырнул подосланный бесенок,
Замаяукал он, как голодный котенок:
«Здравствуй, Балда мужичок;
Какой тебе надобен оброк?
Об оброке век мы не слыхали,
Не было чертям такой печали.
Ну, так и быть — возьми, да с уговору,
С общего нашего приговору —
Чтобы впредь не было никому горя:
Кто скорее из нас обежит около моря,
Тот и бери себе полный оброк,
Между тем там приготовят мешок». —
Засмеялся Балда лукаво:
«Что ты это выдумал, право?
Где тебе тягаться со мною,
Со мною, с самим Балдою?
Экого послали супостата!
Подожди-ка моего меньшого брата». —
Пошел Балда в ближний лесок,
Поймал двух зайков, да в мешок.
К морю опять он приходит,

У моря бесенка находит.
 Держит Балда за уши одного зайку:
 «Попляши-тка ты под нашу балалайку!
 Ты, бесенок, еще молоденок,
 Со мною тягаться слабенок;
 Это было б лишь времени трата.

Балда

Бесенок.

Обгони-ка сперва моего брата,
 Раз, два, три! догоняй-ка».
 Пустились бесенок и заяка:
 Бесенок по берегу морскому,
 А заяка в лесок до дому.
 Вот, море кругом обежавши,
 Высунув язык, мордку поднявши,
 Прибежал бесенок, задыхаясь,
 Весь мокрешенок, лапкой утираясь,
 Мысля: дело с Балдою сладит.
 Глядь — а Балда братца гладит,
 Приговаривая: «Братец мой любимый,
 Устал, бедняжка! отдохни, родимый».
 Бесенок оторопел,
 Хвостик поджал, совсем присмирел.
 На братца поглядывает боком.

«Погоди, — говорит, — схожу за оброком»,
Пошел к деду, говорит: «Беда!
Обогнал меня меньшой Балда!»
Старый Бес стал тут думать думу.
А Балда наделал такого шуму,
Что все море смутилось
И волнами так и расходилось.
Вылез бесенок: «Полно, мужичок,
Вышлем тебе весь оброк —
Только слушай. Видишь ты палку эту?
Выбери себе любимую мету.
Кто далее палку бросит,
Тот пускай и оброк уносит.
Что ж? боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?» — Да жду вон этой тучки;
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну с вами, чертями, свалку. —
Испугался бесенок да к деду,
Рассказывать про Балдову победу,
А Балда над морем опять шумит
Да чертям веревкой грозит.
Вылез опять бесенок: «Что ты хлопочешь?
Будет тебе оброк, коли захочешь...»
— Нет, — говорит Балда, —
Теперь моя чередa,
Условия сам назначу,
Задам тебе, враженюк, задачу.
Посмотрим, какова у тебя сила.
Видишь, там сивая кобыла?
Кобылу подыми-тка ты,
Да неси ее полверсты;
Снесешь кобылу, оброк уж твой;
Не снесешь кобылы, ан будет он мой. —
Бедненький бес
Под кобылу подлез,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнял кобылу, два шага шагнул,
На третьем упал, ножки протянул.
А Балда ему: «Глупый ты бес,
Куда ж ты за нами полез?
И руками-то снести не смог,
А я, смотри, снесу промеж ног».

Сел Балда на кобылку верхом,
 Да версту проскакал, так что пыль столбом.
 Испугался бесенок и к деду
 Пошел рассказывать про такую победу.
 Делать нечего — черти собрали оброк
 Да на Балду взвалили мешок.
 Идет Балда, побрякивает,

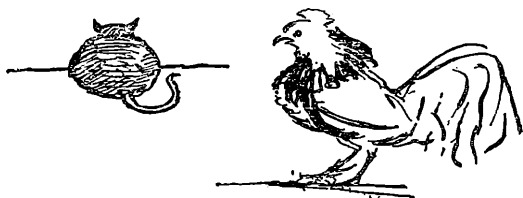

попъ таламонный лобъ,

А поп, завидя Балду, вскакивает,
 За попадью прячется,
 Со страху корячится.
 Балда его тут отыскал,
 Отдал оброк, платы требовать стал.
 Бедный поп
 Подставил лоб:
 С первого щелка
 Прыгнул поп до потолка;
 Со второго щелка
 Лишился поп языка;
 А с третьего щелка
 Вышибло ум у старика.
 А Балда приговаривал с укоризной:
 «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной».

СКАЗКА О МЕДВЕДИХЕ

Как весенней теплою порою
Из-под утренней белой зорюшки,
Что из лесу, из лесу из дремучего
Выходила медведиха
Со милыми детушками медвежатами
Погулять, посмотреть, себя показать.

Села медведиха под белой березою;
Стали медвежата промеж собой играть,
По муравушке валяться,
Боротися, кувыркаться.
Отколь ни возмись мужик идет,
Он во руках несет рогатину,
А нож-то у него за поясом,
А мешок-то у него за плечьями.
Как завидела медведиха
Мужика со рогатиной,
Заревела медведиха,
Стала клекать малых детушек,
Своих глупых медвежатущек.
— Ах вы детушки, медвежатущки,
Перестаньте играть, валяться,
Боротися, кувыркаться.

Уж как знать на нас мужик идет.
Становитесь, хороштесь за меня.
Уж как я вас мужику не выдам
И сама мужику выем.

Медвежатухи испугалися,
За медведиху бросалися,
А медведиха осержалася,
На дыбы подымалася.
А мужик-то он догадлив был,
Он пускался на медведиху,
Он сажал в нее рогатину,
Что повыше нупа, пониже печени.
Грянулась медведиха о сыру землю,
А мужик-то ей брюхо порол,
Брюхо порол, да шкуру сымал,
Малых медвежатухек в мешок поклат,
А поклатвши-то домой пошел.

«Вот тебе, жена, подарочек,
Что медвежия шуба в пятьдесят рублей,
А что вот тебе другой подарочек,
Трои медвежата по пять рублей».

Не звоны пошли по городу,
Пошли вести по всему по лесу,
Дошли вести до медведя черно-бурого,
Что убил мужик его медведиху,
Распорол ей брюхо белое,
Брюхо распорол да шкуру сымал,
Медвежатухек в мешок поклат.
В ту пору медведь запечалился,
Голову повесил, голосом завыл
Про свою ли сударушку,
Черно-бурую медведиху.
— Ах ты свет моя медведиха,
На кого меня покинула,
Вдовца печального,
Вдовца горемычного?
Уж как мне с тобой, моей боярыней,

Веселой игры не игрывати,
Милых детушек не родити,
Медвежатушек не качати,
Не качати, не баюкати. —
В ту пору звери собиралися
К тому ли медведю, к бсярину.
Приходили звери большие,
Прибегали тут зверишки меньшие.
Прибегал туто волк дворянин,
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые.
Приходил тут бобр, торговый гость,
У него-то бобра жирный хвост.
Приходила ласочка дворяночка,
Приходила белочка княгинечка,
Приходила лисица подъячиха,
Подъячиха, казначеиха.
Приходил скоморох горностаюшка,
Приходил байбак тут игумен,
Живет он байбак позадь гумен.
Прибегал тут зайка-смерд,
Зайка беленький, зайка серенький.
Приходил целовальник еж,
Все-то еж он ежится,
Все-то он щетинится.

*СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ,
о сыне его славном и могучем
богатыре князе Гвидоне Салтановиче
и о прекрасной царевне Лебеди*

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир».
«Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна».
«Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрыпела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, — будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:

Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха».

В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.

В те поры война была.
Царь Салтан, с женой простясь,
На добра-коня садясь,
Ей наказывал себя
Поберечь, его любя.
Между тем, как он далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребенком
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку».

Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращенья
Для законного решенья».

Едет с грамотой гонец,
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Обождать его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую —
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
«Царь велит своим боярам,
Времени не трать даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод».
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатали
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там

Не по дням, а по часам.
День прошел, царица вопит...
А дитя волну торопит:
«Ты волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!»
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле,
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой заострил
И пошел на край долины
У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...

Видео, нà море не тихо;
Смотрит — видит дело лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клёв кровавый наострил...
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела —
Коршун в море крозь пролил,
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плывет,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит —
И царевичу потом
Молвит русским языком:
«Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе — все не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Ввек тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».

Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились натошак.
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи

И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. «То ли будет? —
Говорит он, — вижу я:
Лебедь тешится моя».
Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают
И царевича венчают
Княжкой шапкой, и главой
Возглашают над собой;
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острову
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой.
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Он их кормит и поит

И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Черно-бурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальный;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца».
Лебедь князю: «Вот в чем горе!
Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблем?
Будь же, князь, ты комаром».
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала
И обрызгала его
С головы до ног всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корабль — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единый;
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: «Коль жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
«Уж диковинка, ну право, —
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит, —
Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет
И орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут».
Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится —
И впился комар как раз
Тетке прямо в правый глаз.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.
Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..» А он в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает;
Чудо чудное завесь
Мне б хотелось. Где-то есть
Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право, не безделка —
Белка песенки поет,

Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Но, быть может, люди врут».
Князю лебедь отвечает:
«Свет о белке правду бает;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебе я в дружбу».
С ободренною душой
Князь пошел себе домой;
Лишь ступил на двор широкий —
Что ж? под елкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет
И с присвисточкой поет
При честном при всем народе:
Во саду ли, в огороде.
Изумился князь Гвидон.
«Ну, спасибо, — молвил он, —
Ай да лебедь — дай ей боже,
Что и мне, веселье то же».
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом,
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счет орехам вести.
Князю прибыль, белке честь.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого:
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;

Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далек:
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлет царю-де свой поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь — а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит...
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль — и в щель залез.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана —
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец

Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо,
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной —
И приставлен дьяк приказный
Строгий счет орехам весть;
Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да под спуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;

А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
Усмехнувшись исподтиха,
Говорит царю ткачиха:
«Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызет,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли говоришь.
В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчат,
Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон-то злится, злится...
Зажужжал он и как раз
Тетке сел на левый глаз,
И ткачиха побледнела:
«Ай!» — и тут же окривела;
Все кричат: «Лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вот ужо! постой немножко,

Погоди...» А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море прилетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —

Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает —
Диво б дивное хотел
Перенести я в мой удел».

«А какое ж это диво?»
«Где-то вздуется бурливо .
Окиян, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор».
Князю лебедь отвечает:
«Вот что, князь, тебя смущает?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морские
Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцев поджидай».

Князь пошел, забывши горе,
Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалось вокруг,
Расплескалось в шумном беге
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;

В чешуе, как жар горя,
Идут витязи четами,
И, блистая сединою,
Дядька впереди идет
И ко граду их ведет.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
«Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежедневно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских,
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли».
Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палат,
Кораблю пристать велит.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете?
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,
Чистым серебром и златом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далек,
Мимо острова Буяна,

В царство славного Салтана».
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет и уносит...
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят —
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,

Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге —
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе златой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить —
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу».
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха,
Усмехнувшись, говорит:
«Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правду ль бают, или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:

За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво».
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится —
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей:
Он над ней жужжит, кружится —
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь:
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вот ужо! пожди немножко,
Погоди!..» А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся; гляжу,
Не женат лишь я хожу».

«А кого же на примете
Ты имеешь?» — «Да на свете,
Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвести.
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает —
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?»
Князь со страхом ждет ответа.
Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
«Да! такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь,
Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом —
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не раскаяться б потом».
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем;
Что готов душою страстной
За царевною прекрасной
Он пешком идти отсель
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: «Зачем далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна эта — я».
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилася в кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Месяц под косой блестит,

А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умолая:
«Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе,
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви».
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
«Бог вас, дети, наградит».
Князь не долго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Он их кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы бедаром.

Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далек:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окиану
К славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался —
Шлю ему я свой поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце,
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,

Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка в нем живет ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поет
Да орешки всё грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косой блеснит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался».

Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
«Что я? царь или дитя? —
Говорит он не шутя: —
Нынче ж еду!» — Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва, едва трепещет,
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам Окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда».
Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольных зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,
Ничего не говоря.

Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя

Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкой:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает
И в мешочек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале — торопливо
Смотрят — что ж? княгиня — диво:
Под косою луна блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит — и узнает...
В нем выиграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Как?» — и дух в нем занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу,
И сынка, и молодицу,
И садятся все за стол;
И веселый пир пошел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Разбежались по углам;
Их нашли насили там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел — царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил,

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод, —
Пришел невод с одною тиною.
Он в другой раз закинул невод, —
Пришел невод с травой морскою.
В третий раз закинул он невод, —
Пришел невод с одною рыбкой,
С непростой рыбкой, — золотою.
Как взмолится золотая рыбка!
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо.
«Я сегодня поймал было рыбку,

Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем раскололось».

Вот пошел он к синему морю;
Видит, — море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не дает старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем раскололось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Будет вам новое корыто».
Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ль корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж избу».

Вот пошел он к синему морю,
(Помутилось синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!

Еще пуще старуха бранится,
Не дает старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Так и быть: изба вам уж будет».
Пошел он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светелкой,
С кирпичною, беленою трубою,
С дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидит под окошком,
На чем свет стоит мужа ругает.
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».

Пошел старик к синему морю;
(Не спокойно синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не дает старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом».

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчовая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.

Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна».
На него прикрикнула старуха,
На конюшню послужить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Опять к рыбке старика посылает.
«Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовой дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь,
Насмешишь ты целое царство».
Осердилась пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою? —
Ступай к морю, говорят тебе честью,
Не пойдешь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю,
(Почернело синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом!
Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.
Что ж? пред ним царские палаты.
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вины;

Заедает она пряником печатным;
Вкруг ее стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик, — испугался!
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна».
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взащей затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила.
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскиали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке.
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках».

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.
Вот идет он к синему морю,
Видит, на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,

Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

*СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ
И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ*

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись глядячи
С белой зори до ночи;
Не видать милого друга!
Только видит: вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог дает царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издалече наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен;
Год прошел как сон пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Уж и впрямь была царица:

Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:
«Свет мой, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее».
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться, подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,

Перемолвилася с ним:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
Что же зеркальце в ответ?
«Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее».
Как царица отпрыгнет,
Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!..
«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мне назло.
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать брюхатая сидела
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всем меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди все царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.
Так ли?» Зеркальце в ответ:
«А царевна все ж милее,
Все ж румяней и белее».
Делать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.

Черт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,

И до смерти испугалась,
И взмолилась: «Жизнь моя!
В чем, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалею тебя».
Та, в душе ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, бог с тобой».
А сама пришла домой.
«Что? — сказала ей царица, —
Где красавица девица?»
— Там, в лесу, стоит одна, —
Отвечает ей она, —
Крепко связаны ей локти;
Попадется зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть.

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,
Помолясь усердно богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей душой,
За невестой молодой.

Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем все шла да шла
И на терем набрела.
Ей навстречу пес, залая,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пес бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась.

В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно.
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Все порядком убрала,
Засветила богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: «Что за диво!
Все так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,
С нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица».

И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,

Подносили пирожок,
Рюмку полную наливали,
На подносе подавали.
От зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломил,
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днем идет, мелькая,
А царевна молодая
Все в лесу, не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарею
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.
А хозяйшкой она
В терему меж тем одна
Приберет и приготовит.
Им она не прекословит,
Не перечут ей они.
Так идут за днями дни.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: «Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя

Взять тебя мы все бы ради,
Да нельзя, так бога ради
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сестрою.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?»

«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, —
Им царевна говорит, —
Если лгу, пусть бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей».

Братья молча постояли
Да в затылке почесали.
«Спрос не грех. Прости ты нас, —
Старший молвил, поклонясь, —
Если так, не заикнуса
Уж о том». — «Я не сержуся, —
Тихо молвила она, —
И отказ мой не вина».
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.

Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальде свое
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нем хватилась
И пошла за ним, и, сев
Перед ним, забыла гнев,

Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты прекрасна, спору нет;
Но живет без всякой славы,
Средь зеленых дубравы,
У семи богатырей
Та, что все ж тебя милей».
И царица налетела
На Чернавку: «Как ты смела
Обмануть меня? и в чем!..»
Та призналася во всем:
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под крыльцом
Пес залаял, и девица
Видит: нищая черница
Ходит по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко, —
Ей кричит она в окошко, —
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу».
Отвечает ей черница:
«Ох ты, дитятко девица!
Пес проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!
Видь ко мне». — Царевна хочет
Выйти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пес ей под ноги — и лает,
И к старухе не пускает;

Лишь пойдет старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. «Что за чудо?
Видно, выспался он худо, —

6
и чинилась —
поднялась

Ей царевна говорит: —
На ж, лови!» — и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала:
«Благодарствую, — сказала. —
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!»
И к царевне наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летит...
Пес как прыгнет, завизжит...
Но царевна в обе руки
Хватъ — поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свет.
Благодарствуй за обед».
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала...
И с царевной на крыльцо
Пес бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воет,
Словно сердце песье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! — Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;

«Что, Соколко, что с тобою?
Лят!» — и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела
Все на яблоко. Оно
Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто медом налилось!
Видны семечки насквозь...
Подождать она хотела
До обеда, не стерпела,
В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила
И кусочек проглотила...
Вдруг она, моя душа,
Попатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатились глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...

Братья в ту пору домой
Возвращались толпой
С молодецкого разбоя.
Им навстречу, грозно воя,
Пес бежит и ко двору
Путь им кажет. «Не к добру! —
Братья молвили, — печали
Не минуем». Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,
Пес на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, знать, оно.
Перед мертвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой,

И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить ее хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили — и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб ее к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решеткой оградил;
И, пред мертвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: «Спи во гробе;
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному».

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее».

За невестою своей
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.

Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрен;
Кто в глаза ему смеется,
Кто скорее отвернется;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец.
«Свет наш солнышко! ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с теплою весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». — «Свет ты мой, —
Красно солнце отвечало, —
Я царевны не видало.
Знать, ее в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь ее да встретил
Или след ее заметил».

Темной ночи Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
«Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаешь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокый,
И, обычай твой любя,
Звезды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». — «Братец мой, —
Отвечает месяц ясный, —
Не видал я девы красной.
На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна, видно,
Пробежала». — «Как обидно!» —
Королевич отвечал.

Ясный месяц продолжал:
«Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай».

Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ее». — «Постой, —
Отвечает ветер буйный, —
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места;
В том гробу твоя невеста».

Ветер далёко побежал.
Королевич зарыдал
И пошел к пустому месту,
На прекрасную невесту
Посмотреть ещё хоть раз.
Вот идет; и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг нее страна пустая;
Под горою темный вход.
Он туда скорей идет.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой

Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встает она из гроба...
Ах!.. и зарыдали оба.
В руки он ее берет
И на свет из тьмы несет,
И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубят уже молва:
Дочка царская жива!

Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним.
Говоря: «Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна все ж милее,
Все румяней и белее».
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут ее тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мед, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон.
Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело;
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить.
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали.
Но никак не успевали:
Ждут, бывало, с юга, глядь, —
Ан с востока лезет рать.
Справят здесь, — лихие гости
Идут от моря. Со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон.
Что и жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о помощи
Обратился к мудрецу,
Звездочету и скопцу.
Шлет за ним гонца с поклоном.

Вот мудрец перед Дадоном
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.

«Посади ты эту птицу, —
Молвил он царю, — на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом все будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незваной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепется
И в то место обернется».
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит.
«За такое одолжение, —
Говорит он в восхищенье, —
Волю первую твою
Я исполню, как мою».

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож как со сна
Шевельнется, встрепется,
К той сторонке обернется
И кричит: «Кири-ку-ку.
Царствуй, лежа на боку!»
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели:
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон!

Год, другой проходит мирно;
Петушок сидит все смирно.
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробужден:
«Царь ты наш! отец народа! —
Возглашает воевода, —
Государь! проснись! беда!»
— Что такое, господа? —
Говорит Дадон, зевая, —
А?.. Кто там?.. беда какая? —

Воевода говорит:
«Петушок опять кричит;
Страх и шум во всей столице».
Царь к окошку, — ан на спице,
Видит, бьется петушок,
Обратившись на восток.
Медлить нечего: «Скорее!
Люди, на конь! Эй, живее!»
Царь к востоку войско шлет,
Старший сын его ведет.
Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.

Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей;
Было ль, не было ль сраженья, —
Нет Дадону донесенья.
Петушок кричит опять.
Кличет царь другую рать;
Сына он теперь меньшого
Шлет на выручку большого;
Петушок опять утих.
Снова вести нет от них!
Снова восемь дней проходят;
Люди в страхе дни проводят;
Петушок кричит опять,
Царь скликает третью рать
И вдет ее к востоку, —
Сам не зная, быть ли проку.

Войска идут день и ночь;
Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
«Что за чудо?» — мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит
И промеж высоких гор
Видит шелковый шатер.
Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит...

Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шоломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
По притоптанной траве,
По кровавой мураве...
Царь завыл: «Ох, дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла».
Все завыли за Дадоном,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслось. Вдруг шатер
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадоном
Улыбнулась — и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала,
Уложила отдыхать
На парчовую кровать.
И потом, неделю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищен,
Пировал у ней Дадон.

Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала,
Быль и небыль разглашала.

Под столицей, близ ворот,
С шумом встретил их народ, —
Все бегут за колесницей,
За Дадоном и царицей;
Всех приветствует Дадон...
Вдруг в толпе увидел он,
В сарачинской шапке белой,
Весь как лебедь поседелый,
Старый друг его, скопец.
«А, здорово, мой отец, —
Молвил царь ему, — что скажешь?
Подъ поближе. Что прикажешь?»
— Царь! — отвечает мудрец, —
Разочтемся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу. —
Крайне царь был изумлен.
«Что ты? — старцу молвил он, —
Или бес в тебя ввернулся,
Или ты с ума рехнулся?
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница.
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярский,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего».
— Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу, —
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: «Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;
Убирайся, цел пока;
Оттащите старика!»
Старичок хотел заспорить,

Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. — Вся столица
Содрогнулась, а девица —

Хи-хи-хи да ха-ха-ха!
Не боится, знать, греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно.
Вот — въезжает в город он...
Вдруг раздался легкий звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И царю на темя сед,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон —
Охнул раз, — и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.
Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

*НЕЗАВЕРШЕННОЕ,
ПЛАНЫ, ОТРЫВКИ,
НАБРОСКИ*

ПОЭМЫ

МОНАХ

Песнь первая

СВЯТОЙ МОНАХ, ГРЕХОПАДЕНИЕ, ЮБКА

Хочу воспеть, как дух нечистый ада
Оседлан был брадытым стариком;
Как овладел он черным клобуком,
Как он втокнул Монаха грешных в стадо.

Певец любви, фернейский старичок,
К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь.
Куда, скажи, девался твой смычок,
Которым я в Жан д'Арке восхищаюсь,
Где кисть твоя, скажи, ужели ввек
Их ни один не найдет человек?
Вольтер! Султан французского Парнаса,
Я не хочу седлать коня Пегаса,
Я не хочу из муз наделать дам,
Но дай лишь мне твою златую лиру,
Я буду с ней всему известен миру.
Ты хмуришься и говоришь: «Не дам».
А ты поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном,
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?
С усмешкою даешь ты мне скрипицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу:
«Последуй лишь примеру моему».

Нет, нет, Барков! скрыпиды не возьму,
Я стану петь, что в голову придется,
Пусть как-нибудь стих за стихом полъется.

Невдалеке от тех прекрасных мест,
Где дерзостный восстал Иван-великой,
На голове златой носящий крест,
В глуши лесов, в пустыне мрачной, дикой,
Был монастырь; в глухих его стенах
Под старость лет один седой Монах
Святым житьем, молитвами спасался
И дней к концу спокойно приближался.
Наш труженик не слишком был богат,
За пышность он не мог допастся в ад.
Имел кота, имел псалтирь и четки,
Клубук, стихарь да штоф зеленой водки.
Взошедши в дом, где мирно жил Монах,
Не золота увидели б вы горы,
Не мрамор там прельстил бы ваши взоры,
Там не висел Рафаэль на стенах.
Увидели б вы стул об трех ногах,
Да в уголку скамейка в пол-аршина,
На коей спал и завтракал Монах.
Там пуховик над лавкой не вздувался.
Хотя монах, он в пухе не валялся
Меж двух простынь на мягких тюфяках.
Весь круглый год святой отец постился,
Весь божий день он в келье провождал,
«Помилуй мя» вполголоса читал,
Ел плотно, спал и всякий час молился.

А ты, Монах, мятежный езуит!
Красней теперь, коль ты краснеть умеешь,
Коль совести хоть капельку имеешь;
Красней и ты, богатый Кармелит,
И ты стыдись, Печерской Лавры житель,
Сердец и душ смиренный повелитель...
Но, лира! стой! — Далеко занесло
Уже меня противу рясок рвенье;
Бесить попов не наше ремесло.

Панкратий жил счастлив в уединенье,
Надеялся увидеть вскоре рай,
Но ни один земли безвестный край

Защитить нас от дьявола не может.
И в тех местах, где черный сатана
Под стражею от злости когти гложет,
Узнали вдруг, что разгорожена
К монастырям свободная дорога.
И вдруг толпой все черти поднялись,
По воздуху на крыльях понеслись —
Иной в Париж к плешивым картезянцам
С копейками, с червонцами полез,
Тот в Ватикан к брюхатым итальянцам
Бургонского и макарони нес;
Тот девкою с прелатом повалился,
Тот молодцом к монашенкам пустился.
И слышал я, что будто старый поп,
Одной ногой уже вступивший в гроб,
Двух молодых венчал перед налоем.
Черт прибежал амуров с целым роем,
И вдруг дьячок на крылосе всхрапел,
Поп замолчал — на девицу глядел,
А девица на дьякона глядела.
У жениха кровь сильно закипела,
А бес всех их к себе же в ад повел.

Уж темна ночь на небеса всходила,
Уж в городах утих вседневный шум,
Луна в окно Монаха осветила.
В молитвенник весь устремивший ум,
Панкратий наш Николы пред иконою
Со вздохами земные клал поклоны.
Пришел Молок (так дьявола зовут),
Панкратия под черной ряской скрылся.
Святой Монах молился уж, молился,
Вдыхал, вздыхал, а дьявол тут как тут.
Бьет час, Молок не хочет отцепиться,
Бьет два, бьет три — нечистый все сидит.
«Уж будешь мой», — он сам с собой ворчит.
А наш старик уж перестал креститься,
На лавку сел, потер глаза, зевнул,
С молитвою три раза протянулся,
Зевнул опять, и... чуть-чуть не заснул.
Однако ж нет! Панкратий вдруг проснулся,
И снова бес Монаха соблазнять,
Чтоб усыпить, Бсброва стал читать.

Монах скучал, Монах тому дивился.
Век не зевал, как богу он молился.
Но — нет уж сил; кресты, псалтирь, слова, —
Все позабыл; седая голова,
Как яблоко, по груди покатилась,
Со лбу рука в колени опустилась,
Молитвенник упал из рук под стол,
Святой вздремал, всхрапел, как старый вол.

Несчастный! спи... Панкратий вдруг проснулся,
Взад и вперед со страхом оглянулся,
Перекрестясь с постели он встает.
Глядит вокруг — светильня нагорела;
Чуть слабый свет вокруг себя лиет;
Что-то в углу как будто забелело.
Монах идет — что ж? — юбку видит он.

«Что вижу я!.. иль это только сон? —
Вскричал Монах, остолебнев, бледнея. —
Как! это что?..» — и, продолжать не смея,
Как вкопанный пред белой юбкой стал,
Молчал, краснел, смущался, трепетал.

Огню любви единственна преграда,
Любовника сладчайшая награда
И прелестей единственный покров,
О юбка! речь к тебе я обращаю,
Строки сии тебе я посвящаю,
Одушеви перо мое, любовь!

Люблю тебя, о юбка дорогая,
Когда, меня под вечер ожидая,
Наталья, сняв парчовый сарафан,
Тобою лишь окружит тонкий стан.
Что может быть тогда тебя милее?
И ты, впясь вокруг прекрасных ног,
Струи ручьев прозрачнее, светлее,
Касаешься тех мест, где юный бог
Поконится меж розой и лилеей.

Иль, как Филон, за Хлоей побежав,
Прежать ее в объятия стремится,
Зеленый куст тебя вдруг удержав...
Она должна, стыдясь, остановиться.

Но поздно все, Филон, ее догнав,
С ней на траву душистую валится,
И пламенна, дрожащая рука
Счастливого любовью пастуха
Тебя за край тихонько поднимает...
Она ему взор томный осклабляет,
И он... но нет; не смею продолжать.
Я трепещу, и сердце сильно бьется,
И, может быть, читатели, как знать?
И ваша кровь с стремленьем страсти льется.
Но наш Монах о юбке рассуждал
Не так, как я (я молод, не пострижен
И счастьем нимало не обижен).
Он не был рад, что юбку увидал,
И в тот же час смекнул и догадался,
Что в когти он нечистого попался.

Песнь вторая

ГОРЬКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ,
СОН, СПАСИТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ

Покаместь ночь еще не удалилась,
Покаместь свет лила еще луна,
То юбка все еще была видна.
Как скоро ж твердь зарею осветилась,
От взоров вдруг сокрылася она.

А наш Монах, увы, лишен покоя.
Уж он не спит, не гладит он кота,
Не помнит он церковного палоя,
Со всех сторон Панкратию беда.
«Как, — мыслит он, — когда и собачонки
В монастыре и духа нет моем,
Когда здесь взек не выдывал юбчонки,
Кто мог ее принести ко мне же в дом?
Уж мнится мне... прости, владыко, в том!
Уж нет ли здесь... страшусь сказать... девчонки».
Монах краснел и делать что не знал.
Во всех углах, под лавками искал.
Все тщетно, нет, ни с чем старик остался,
Зато весь день, как бледна тень, таскался,
Не ел, не пил, покойно и не спал.

Проходит день, и вечер, наступаая,
Зажег везде лампы и свечи.
Уже Монах, с главы клобук снимая,
Ложился спать. Но только что лучи
Луна с небес в окно его пустила
И юбку вдруг на лавке осветила,
Зажмурился встревоженный Монах
И, чтоб не впасть кой-как во искушение,
Хотел уже навек лишиться зренья,
Лишь только бы на юбку не смотреть.
Старик, кряхтя, на бок перевернулся
И в простыню тепленько завернулся,
Сомкнул глаза, заснул и стал храпеть.

Тот час Молок вдруг в муху превратился
И полетел жужжать вокруг него.
Летал, летал, по комнате кружился
И на нос сел монаха моего.
Панкратья вновь он соблазнять пустился,
Монах храпит и чудный видит сон.

Казалось ему, что средь долины,
Между цветов, стоит под миртом он,
Вокруг него сатиров, фавнов сонм.
Иной, смеясь, льет в кубок пияны вины;
Зеленый плющ на черных волосах,
И виноград, на голове висящий,
И легкий фирз, у ног его лежащий, —
Все говорит, что вечно юный Вакх,
Веселья бог, сатира покровитель.
Другой, надув паступечью свирель,
Поет любовь, и сердца повелитель
Одушевлял его веселу трель.
Под липами там пляшут хороводом
Толпы детей, и юношей, и дев.
А далее, ветвей под темным сводом,
В густой тени развесистых дерев,
На ложе роз, любовью распаленны,
Чуть-чуть дыша, весельем истощенны,
Средь радостей и сладостных прохлад,
Обнявшись, любовники лежат.

Монах на все взирал смятенным оком.
То на стакан он взоры обращал,

То на девиц глядел чернец со вздохом,
Плешивый лоб с досадою чесал —
Стоя, как пень, и рот в сажень разинув.
И вдруг, в душе почувствовав кураж
И набекрень, взярясь, клобук надвинув,
В зеленый лес, как белоусый паж,
Как легкий конь, за девкою погнался.

Быстрей орла, быстрее звука лир
Прелестница летела, как зефир.
Но наш Монах Эол пред ней казался,
Без отдыха за новой Дафной гнался.
«Не дам, — ворчал, — я промаха в кольцо».
Но лепший вдруг, мелькнув из-за кусточка,
Панкратья хватъ юбчонкою в лицо.
И вдруг исчез приятный вид лесочка.
Ручья, холмов и нимф не видит он;
Уж фавнов нет, вспорхнул и Купидон,
И нет следа красоточки прелестной.
Монах один в степи глухой, безвестной,
Нахмуря взор; темнеет небосклон,
Вдруг грянул гром, Монаха поражает —
Панкратий: «Ах!..» — и вдруг проснулся он.

Смущенный взор он всюду обращает:
На небесах, как яхонты горя,
Уже восток румянила заря.
И юбки нет. Панкратий встал, умылся,
И, помолясь, он плакать сильно стал,
Сел под окно и горько горевал.
«Ах! — думал он, — почто ты прогневился?
Чем виноват, владыко, пред тобой?
Как грешником, вертит нечистый мной.
Хочу не спать, хочу тебе молиться,
Возьму псалтирь, а тут и юбка вдруг.
Хочу вздремать и ночью сном забыться,
Что ж снится мне? смущается мой дух.
Услышь мое усердное моление,
Не дай мне впасть, господь, во искушение!»
Услышал бог молитвы старика,
И ум его в минуту просветился.
Из бедного седого простяка
Панкратий вдруг в Невтоны претворился.

Обдумывал, смотрел, сличал, смекнул
И в радости свой опрокинул стул.
И, как мудрец, кем Сиракуз спасался,
По улице бежавший бос и гол,
Открытием своим он восхищался
И громко всем кричал: «Нашел! нашел!»
«Ну! — думал он, — от бесов и юбчонки
Избавлюсь я — и милые девчонки
Уже меня во сне не соблазнят.
Я заживу опять монах-монахом,
Я стану ждать последний час со страхом
И с верою, и все пойдет на лад».
Так мыслил он — и очень ошибался.
Могущий рок, вселенной господин,
Панкратием, как куклой, забавлялся.

Монах водой наполнил свой кувшин,
Забормотал над ним слова молитвы
И был готов на грозны ада битвы.
Ждет юбки он — с своей же стороны
Нечистый дух весь день был на работе
И весь в жару, в грязи, в пыли и поте
Предупредить спешил восход луны.

Песнь третья
ПОЙМАННЫЙ БЕС

Ах, отчего мне дивная природа
Корреджю искусства не дала?
Тогда б в число парнасского народа
Лихая страсть меня не занесла.
Чернилами я не марал бы пальцы,
Не засорял бумагою чердак,
И за бюро, как девица за пядьцы,
Стихи писать не сел бы я никак.
Я кисти б взял бестрепетной рукою,
И, выпив вмиг шампанского стакан,
Трудиться б стал я жаркой головою,
Как Цициан иль пламенный Албан.
Представил бы все прелести Натальи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венок душистых роз,

Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,
Стан обхватил Киприды б пояс злат.
И кистью б был счастливей я стократ!

Иль краски б взял Вернета иль Пуссина;
Волной реки струилась бы холстина;
На небосклон палящих, южных стран
Возведши ночь с задумчивой луною,
Представил бы над серою скалою,
Вкруг коей бьет шумящий океан,
Высокие, покрыты мохом стены;
И там в волнах, где дышит ветерок,
На серебре, вкруг скал блестящей пены,
Зефирами колеблемый челнок.
Нарисовал бы в нем я Кантемиру,
Ее красы... и рад бы бросить лиру,
От чистых муз навеки удалясь,
Но Рубенсом на свет я не родился,
Не рисовать, я рифмы плесть пустился.
Мартынов пусть пленяет кистью нас,
А я — я вновь взмогнул на Парнас.
Исполнившись геройскою отвагой,
Опять беру чернильницу с бумагой
И стану вновь я песни продолжать.

Что делает теперь седой Панкратий?
Что делает и враг его косматый?
Уж перестал Феб землю освещать;
Со всех сторон уж тени налетают;
Туман сокрыл вид рощиц и лесов;
Уж кое-где и звездочки блистают...
Уж и луна мелькнула сквозь лесов...
Ни жив, ни мертв, сидит под образами
Чернец, молясь обеими руками.
И вдруг, бела, как вновь напавший снег
Москвы-реки на каменистый брег,
Как легка тень, в глазах явилась юбка...
Монах встает, как пламень покраснев,
Как модинки прелестной ала губка,
Схватив кувшин, весь гневом возгорев,
И всей водой он юбку обливает.
О чудо!.. миг сей призрак исчезает —
И вот пред ним с рогами и с хвостом,

Как серый волк, щетиной весь покрытый,
Как добрый конь с подкованным копытом,
Предстал Молок, дрожащий под столом,
С главы до ног облитый весь водою,
Закрыв себя подолом епанчи,
Вращал глаза, как фонари в ночи.
«Ура! — вскричал монах с усмешкой злою, —
Поймал тебя, подземный чародей.
Ты мой теперь, не вырвешься, злодей.
Все шалости заплатишь головою.
Иди в бутыль, закупорю тебя,
Сейчас ее в колодезь брошу я.
Ага, Мамон! дрожишь передо мною».
«Ты победил, почтенный старичок, —
Так отвечал смиренхонько Молок. —
Ты победил, но будь великодушен,
В гнилой воде меня не потопи.
Я буду ввек за то тебе послушен,
Спокойно ешь, спокойно ночью спи,
Уж соблазнять тебя никак не стану».
«Все так, все так, да полезай в бутыль,
Уж от тебя, мой друг, я не отстану,
Ведь плутни все твои я не забыл».
— Прости меня, доволен будешь мною,
Богатства все польют к тебе рекою,
Как Банкова, я в знать тебя пущу,
Достану дом, куплю тебе кареты,
Придут к тебе в переднюю поэты;
Всех кланяться заставлю богачу,
Сниму кlobук, по моде причешу.
Все променяв на длинный фрак с штанами,
Поскачешь ты гордиться жеребцами,
Народ, смеясь, колесами давить
И англинской каретой всех дивить.
Поедешь ты потеть у Шиловского,
За ужином дремать у Горчакова,
К Нарышкиной подправлять жилет.
Потом всю знать (с министрами, с князьями
Ведь будешь жить, как с кровными друзьями)
Ты позовешь на пышный свой обед.
«Не соблазнишь! тебя я не оставлю,
Без дальних слов сейчас в бутыль иди».
— Постой, постой, голубчик, погоди!

Я жеп тебе и красных дев доставлю.
«Проклятый бес! как? и в моих руках
Осмелился ты думать о женах!
Смотри какой! но нет, работник ада,
Ты не прельстишь Панкратья суетой.
За все, про все готова уж награда,
Раскаешься, служитель беса злой!»
— Минуту дай с тобою изъясниться,
Оставь меня, не будь врагом моим,
Поступок сей наверно наградится,
А я тебя свезу в Ерусалим. —
При сих словах Монах себя не вспомнил.
«В Ерусалим!» — дивясь он бесу молвил.
— В Ерусалим! — да, да, свезу тебя.
«Ну, если так, тебя избавлю я».

Старик, старик, не слушай ты Молока,
Оставь его, оставь Ерусалим.
Лишь ищет бес поддеть святого с бока,
Не связывай ты тесной дружбы с ним.
Но ты меня не слушаешь, Панкратий,
Берешь седло, берешь чепрак, узду.
Уж под тобой бодрится черт проклятый,
Готовится на адскую езду.
Лети, старик, сев на плеча Молока,
Толкай его и в зад и под бока,
Лети, снеши в священный град востока,
Но помни то, что не на лошака
Ты возложил свои почтенны ноги.
Держись, держись всегда прямой дороги,
Ведь в мрачный ад дорога широка.

БОВА

Часто, часто я беседовал
С болтуном страны Эллинския
И не смел осиплым голосом
С Шапеленом и с Рифматовым
Воспевать героев севера.
Несравненного Виргилия
Я читал и перечитывал,
Не стараясь подражать ему
В нежных чувствах и гармонии.
Разбирал я немца Клопштока
И не мог понять премудрого!
Не хотел я воспевать, как он;
Я хочу, чтоб меня поняли
Все от мала до великого.
За Мильтоном и Камоэнсом
Опасался я без крил парить;
Не дерзал в стихах бессмысленных
Херувимов жарить пушками,
С сатаною обитать в раю
Иль святую богородицу
Вместе славить с Афродитою.
Не бывал я греховодником!
Но вчера, в архивах рояся,
Отыскал я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Катехизис остроумия,
Словом: Жанну Орлеанскую.
Прочитал, — и в восхищении
Про Бову пою царевича.

О Вольтер! о муж единственный!
Ты, которого во Франции
Почитали богом неким,
В Риме дьяволом, антихристом,
Обезьяною в Саксонии!
Ты, который на Радищева
Кинул было взор с улыбкою,
Будь теперь моею музою!
Петь я тоже вознамерился,
Но сравниюсь ли с Радищевым?

Не запомню, сколько лет спустя
После рождества Спасителя,
Царь Дадон со славой царствовал
В Светомире, сильном городе.
Царь Дадон венец со скипетром
Не прямой достал дорогою,
Но убив царя законного,
Бендокира *Слабоумного*.
(Так, бывало, верноподданны
Величали королей своих,
Если короли беспечные
Не в постеле и не почкою
Почивали с камергерами.)
Царь Дадон не Слабоумного
Был достоин злого прозвища,
Но тирана неусыпного,
Хотя, впрочем, не имел его.
Лень мне все его достоинства
И пороки вам показывать:
Вы слыхали, люди добрые,
О царе, что двадцать целых лет
Не снимал с себя оружия,
Не слезал с коня ретивого,
Всюду пролетал с победою,
Мир крещеный потопил в крови,
Не щадил и некрещеного,
И, в ничтожестве низверженный
Александром, грозным ангелом,
Жизнь проводит в унижении
И, забытый всеми, кличется
Ныне Эльбы императором:
Вот таков-то был и царь Дадон.

Раз, собрав бородачей совет
(Безбородых не любил Дадон),
На престоле пригорюнившись,
Произнес он им такую речь:
«Вы, которые советами
Облегчили тяжесть скипетра,
Уладили участь царскую
(Не горька она была ему),
Мудрые друзья, сподвижники!
К вам прибегнуть я решаюся:
Что мне делать ныне? — Слушайте».

Все привстали, важно хмурясь,
Низко, низко поклонились
И, подиравая ус и бороду,
Сели на скамьи дубовые.

«Вам известно, — продолжал Дадон, —
Что искусством и неправдою
Я достиг престола шаткого
Бендокира Слабоумного,
Сочетался с Милитрисою,
Милой женой Бендокирозою,
И в темницу посадил Бову,
Принца крови, сына царского.
Легче, легче захватить было
Слабоумного златой венец,
Чем, надев венец на голову,
За собою удержать его.
Вот уже народ бессмысленный,
Ходя в праздники по улицам,
Меж собой не раз говаривал:
Дай бог помочь королевичу.
Ведь Бова уже не маленький,
Не в отца своей головушкой,
Нужды нет, что за решеткою,
Он опасен моим замыслам.
Что мне делать с ним? скажите мне,
Не оставить ли в тюрьме его?»

Все собрание призадумалось,
Все в молчанье потупили взор.
То-то, право, золотой совет!

Не болтали здесь, а думали:
Арзамор, муж старый, опытный,
Рот открыл было (советовать,
Знать, хотелось поседелому),
Громко крикнул, но одумался
И в молчанье закусил язык.
Но лбу перст приставя тщательно,
Лекарь славный, Эскулапа внук,
Эзельдорф, обритый шваб, зевал,
Табакеркою поскрипывал,
Но молчал, — своей премудрости
Он пред всеми не показывал.
Вихромах, Полкан с Дубынею,
Стража трона, славны рыцари,
Все сидели, будто вкопаны.
Громобурь, известный силою,
Но умом непроницательный,
Думал, думал и нечаянно
Задремал... и захрапел в углу.
Что примера лучше действует?
Что людьми сильнее ворочает?
Вот зевнули под перчаткою
Храбрый Мирозор с Ивашкою,
И Полкан, и Арзамор седой...
И ко груди преклонились
Тихо головами буйными...
Глядь, с Дадонем задремал совет...
Захрапели многомыслящи!

Долго спать было советникам,
Если б немцу не пришлось из рук
Табакерку на пол выронить.
Табакерка покатила
И о шпору вдруг ударила
Громобуря, крепко спавшего,
Загремела, раздвоилась,
Отлетела в разны стороны...
Храбрый воин пробуждается,
Озирает все собрание...
Между тем табак рассыпался,
К носу рыцаря подымается,
И чихнул герой с досадою,
Так что своды потрясаются,

Окны все дрожат и сыплются,
И на петлях двери хлопают...
Пробуждается собрание!

«Что тут думать, — закричал герой, —
Царь! Бова тебе не надобен,
Ну, и к черту королевича!
Решено: ему в живых не быть.
После, братцы, вы рассудите,
Как с ним надобно разделаться».
Тем и кончил: храбры вонны
Речи любят лаконически.
«Ладно! мы тебя послушаем, —
Царь промолвил, потянувшись; —
Завтра, други, мы увидимся
А теперь ступайте все домой».

Оплошал Дадон отсрочкою.
Не твердил он верно в азбуке:
*Не откладывай до завтраго,
Что сегодня можешь выполнить.*
Разошлись все придворные.
Ночь меж тем уже сгущалася,
Царь Дадон в постелю царскую
Вместе с милой лег супругою,
С несравненной Милитрисою,
Но спиной оборотился к ней:
В эту ночь его величеству
Не играть, а спать хотелось.

Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая девица,
Ангел станом, взором, личиком,
Белой ручкой, нежной ножкою,
С госпожи сняв платье шелково,
Юбку, чепчик, ленты-кружева,
Все под ключ в комоде спрятала
И пошла тихонько в девичью.
Там она сама разделася,
Подняла с трудом окошечко
И легла в постель пуховую,
Ожидая друга милого,
Светозара, пажа царского:

К темной ночке обещался он
Из окна прыгнуть к ней в комнату.
Ждет, пождет девица красная;
Нет как нет все друга милого.
Чу! бьет полночь — что же Зоинька?
Видит — входят к ней в окошечко...
Кто же? друг ли сердца нежного?
Нет! совсем не то, читатели!
Видит тень иль призрак старого
Венценосца, с длинной шапкою,
В балахоне вместо мантии,
Опоясанный мочалкою,
Вид невинный, взор навывкате,
Рот разинул, зубы скалятся,
Уши длинные, ослиные
Над плечами громко хлопают;
Зоя видит и со трепетом
Узнает она, читатели,
Бендокира Слабоумного.

Трепетна, смятенья полная,
Стала на колени Зоинька,
Съединила ручку с ручкою,
Потупила очи ясные,
Прочитала скорым шепотом
То, что ввек не мог я выучить:
Отче наш и Богородице,
И тихохонько промолвила:
«Что я вижу? Боже! Господи...
О Никола! Савва мученик!
Осените беззащитную.
Ты ли это, царь наш батюшка?
Отчего, скажи, оставил ты
Ныне царствие небесное?»

Глупым смехом осветившись,
Тень рекла прекрасной Зоиньке:
«Зоя, Зоя, не страшись, мой свет,
Не пугать тебя мне хочется,
Не на то сюда явился я
С того света привидением.
Весело пугать живых людей,
Но могу ли веселиться я,

Если сына Бендокирова,
Милого Бову царевича,
На костре изжарят завтра же?»

Бедный царь заплакал жалобно.
Больно стало доброй девушке.
«Чем могу, скажи, помочь тебе,
Я во всем тебе покорствую».
«Вот что хочется мне, Зоинька!
Из темницы сына выручи,
И сама в жилище мрачное
Сядь на место королевича,
Пострадай ты за невинного.
Поклонюсь тебе низехонько
И скажу: *спасибо, Зоинька!*»

Зоинька тут призадумалась:
За *спасибо* в темну яму сесть!
Это жестко ей казалось.
Но, имея чувства нежные,
Зоя втайне согласилась
На такое предложение.

Так, ты прав, оракул Франции,
Говорят, что жены слабые
Против стрел Эрота юного,
Все имеют душу добрую,
Сердце нежно непритворное.
«Но скажи, о царь возлюбленный! —
Зоя молвила покойнику, —
Как могу (ну, посуди ты сам)
Пренестись в темницу мрачную,
Где горюет твой любезный сын?
Пятьдесят отборных воинов
Днем и ночью стерегут его.
Мне ли, слабой робкой женщине,
Обмануть их очи зоркие?»
«Будь покойна, случай найдется,
Поклянись лишь только, милая,
Не отвергнуть сего случая,
Если сам тебе представится».
«Я клянусь!» — сказала девица.
Вмиг исчезло привидение,

Из окошка быстро вылетев,
Воздыхая тихо, Зоинька
Опустила тут окошечко
И, в постеле успокоившись,
Скоро, скоро сном забылася.

ИСПОВЕДЬ

Вечерня отошла давно,
Но в кельях тихо и темно.
Уже и сам игумен строгий
Свои молитвы прекратил
И кости ветхие склонил,
Перекрестясь, на одр убогий.
Кругом и сон и тишина,
Но церкви дверь отворена;
Трепещет луч лампады,
И тускло озаряет он
И темну живопись икон,
И позлащенные склады.

И раздается в тишине
То тяжкий вздох, то шепот важный,
И мрачно дремлет в вышине
Старинный свод, глухой и влажный.

Стоят за клиросом чернец
И грешник — неподвижны оба, —
И шепот их, как глас из гроба,
И грешник бледен, как мертвец.

М о н а х

Несчастный — полно, перестань,
Ужасна исповедь злодея!
Заплачена тобою дань
Тому, кто, в злобе пламенея,

Лукаво грешника блюдет
И к вечной гибели ведет.
Смирись! опомнись! время, время,
Раскаянья покров
Я разрешу тебя — грехов
Сложи мучительное бремя.

ПОЭМА О ГЕТЕРИСТАХ
(ИОРДАКИ)

П л а н

Два арнаута хотят убить Александра Ипсиланти. Иордаки убивает их — поутру Иордаки объявляет арнаутам его бегство — Он принимает начальство и идет в горы — преследуемый турками — *Секу*.

Набросок начала поэмы

Поля и горы ночь объемлет
В лесу в толпе своих
Под темной сению небес
Ипсиланти дремлет

АКТЕОН

П л а н

Морфей влюблен в Диану — Его двор — он усыпляет Эндимиона — Диана (пр.) назначает ему свидание и находит его спящим —

. Актеон это узнает от Феоны, ищет Диану, не спит — наконец видит Диану в источнике.

Актеон, un fat, après avoir séduit Théone Naïade, lui demande l'histoire scandaleuse de Diane — Théone médit Morphée etc. etc. Актеон voit Diane, en devient amoureux, la trouve au bain, meurt dans la grotte de Théone ¹⁾ —

Набросок начала поэмы

В лесах Гаргафии счастливой
За ланью быстрой и пугливой
Стремился долго Актеон.
Уже на тихий небосклон
Восходит бледная Диана,
И в сумраке пускает он
Последнюю стрелу колчана.

¹⁾ Фат, соблазнив наяду Феону, расспрашивает ее о любовных приключениях Дианы. Феона наговаривает на Морфея и т. д. Актеон видит Диану, влюбляется в нее, застает ее во время купанья, умирает в пещере Феоны (*франц.*).

ВАДИМ

Свод неба мраком обложился;
В волнах варяжских лунный луч,
Сверкая меж вечерних туч,
Столпом неровным отразился.
Качаясь, лебедь на волне
Заснул, и все кругом почило;
Но вот по темной глубине
Стремится белое ветрило,
И блещет пена при луне;
Летит испуганная птица,
Услыша близкий шум весла.
Чей это парус? Чья десница
Его во мраке напрягла?

Их двое. На весло нагбенный,
Один, смиренный житель волн,
Гребет и к югу правит челн;
Другой, как волхвом пораженный,
Стоит недвижим; на берега
Глаза вперив, не молвит слова,
И через челн его нога
Перешагнуть уже готова.
Плывут...

«Причаливай, старик!
К утесу правь», — и в волны вмиг
Прыгнул пловец нетерпеливый
И берегов уже достиг.
Меж тем, рукой неторопливой
Другой ветрило опустив,

Свой челн к утесу пригоняет,
К подошвам двух союзных ив
Узлом надежным укрепляет
И входит медленной стопой
На берег дикий и крутой.
Кремень звучит, и пламя вскоре
Далеко осветило море.
Суровый край! Громады скал
На берегу стоят угрюмом;
Об них мятежный бьется вал
И пена плещет; сосны с шумом
Качают старые главы
Над зыбкой пеленой пучины;
Кругом ни цвета, ни травы,
Песок да мох; скалы, стремнины
Везде хранят клеймо громов
И след потоков истощенных,
И тлеют кости — пир волков
В расселинах окровавленных.
К огню заботливый старик
Престер немеющие руки.
Приметы долголетней муки,
Согбенны кости, тощий лик,
На коем время углубляло
Свои последние следы,
Одежда, обувь — все являло
В нем дикость, нужду и труды.
Но кто же тот? Блистает младость
В его лице; как вешний цвет
Прекрасен он; но, мнится, радость
Его не знала с детских лет;
В глазах потупленных кручина;
На нем одежда славянина
И на бедре славянский меч.
Славян вот очи голубые,
Вот их и волосы златые,
Волнами падшие до плеч...
Косматым рубищем одетый,
Огнем живительным согретый,
Старик забылся крепким сном.
Но юноша, на перси руки
Задумчиво сложив крестом,
Сидит с нахмуренным челом.

Уста невнятные шепчут звуки.
Предмет великий, роковой
Немые чувства в нем объемлет,
Он в мыслях видит край иной,
Он тайному призыву внемлет...

Проходит ночь, огонь погас,
Остыл и пепел; вод пучина
Белеет; близок утра час;
Нисходит сон на славянина.

Видал он дальные страны,
По суше, по морю носился,
Во дни былые, дни войны
На западе, на юге бился,
Деля добычу и труды
С сурсым племенем Одена,
И перед ним врагов ряды
Бежали, как морская пена
В час бури к черным берегам.
Внимал он радостным хвалам
И арфам скальдов исступленных,
В жилище сильных пировал
И очи дев иноплеменных
Красою чуждой привлекал.
Но сладкий сон не переносит
Теперь героя в край чужой,
В поля, где мчится бурный бой,
Где меч главы герсев косит;
Не видит он знакомых скал
Кириаландии печальной,
Ни Альбиона, где искал
Кровавых сеч и славы дальней;
Ему не снится шум валов;
Он позабыл морские битвы,
И пламя яркое костров,
И трубный звук, и лай ловитвы;
Другие грезы и мечты
Волнуют сердце славянина:
Пред ним славянская дружина,
Он узнает ее щиты,
Он снова простирает руки
Товарищам минувших лет,
Забытым в долги дни разлуки,

Которых уж и в мире нет.
Он видит Новгород великий,
Знакомый терем с давних пор;
Но тын оброс крапивой дикой,
Обвиты окна повиликой,
В траве заглох широкий двор.
Он быстро храмин опустелых
Проходит молчаливый ряд,
Все мертво... нет гостей веселых,
Застольны чаши не гремят.
И вот высокая светлица...
В нем сердце бьется: «Здесь иль нет
Любовь очей, душа девица,
Цветет ли здесь мой милый цвет,
Найду ль ее?» — и с этим словом
Он входит; что же? страшный вид!
В постеле холодной, под покровом
Девица мертвая лежит.
В нем замер дух и взволновался.
Покров приподымает он,
Глядит: *она!* — и слабый стон
Сквозь тяжкий сон его раздался...
Она... она... ее черты;
На персях рану обнажает.
«Она погибла, — восклицает, —
Кто мог?...» — и слышит голос: «Ты...»

Меж тем привычные заботы
Средь усладительной дремоты
Тревожат душу старика:
Во сне он парус развивает,
Плывет по воле ветерка.
Его тихонько увлекает
К заливу светлая река,
И рыба вольная впадает
В тяжелый невод старика;
Все тихо: море почивает,
Но туча виснет; дальный гром
Над звучной бездною грохочет,
И вот пучина под челном
Кипит, подымается, клокочет;
Напрасно к верным берегам
Несчастный возвратиться хочет,

Челнок трещит и — пополам!
Рыбак идет на дно морское.
И, пробудясь, трепещет он,
Глядит окрест: брега в покое,
На полусветлый небосклон
Восходит утро золотое;
С дерев, с утесистых вершин,
Навстречу радостной денницы,
Щебеча, полетели птицы,
И рассвело — но славянин
Еще на мшистом камне дремлет,
Пылает гневом гордый лик,
И сонный движется язык.
Со стоном камень он объемлет...
Тихонько юношу старик
Ногой толкает осторожной —
И улетает призрак ложный
С его главы, он восстает
И, видя солнечный восход,
Прощаясь, старику седому
Со златом руку подает.
«Чу, — молвил, — к берегу родному
Попутный ветер тебя зовет,
Спешి — теперь тиха пучина,
Ступай, а я — мне путь иной».
Старик с веселою душой
Благословляет славянина:
«Да сохранят тебя Перун,
Родитель бури, царь полнощный,
И Световид, и Ладо мощный;
Будь здоров до гроба, долго юн,
Да встретит юная супруга
Тебя в веселье и слезах,
Да выпьешь мед из чаши друга,
А недруга низринешь в прах».
Потом со скал он к челну сходит
И влажный узел развязал.
Надулся парус, побежал.
Но старец долго глаз не сводит
С крутых прибрежистых вершин,
Венчанных темными лесами,
Куда уж быстрыми шагами
Сокрылся юный славянин.

БОВА

П л а н ы

I

Зензевей осажден Маркобруном — Бова слышит и едет — ночью дерется с воинами — с Лукапером и возвращается; раненый приезжает — рассказывает свою историю — смерть Гвидона — темницу — любовницу — побег, взятие его разбойниками — продан Зензевею — на другую ночь она его сажает па коня — он разбивает войско — Зензевей по наущению посылает его к Маркобруну — он обокраден волшебником — приезжает к Маркобруну — Мельчигрея влюбляется в него, предлагает руку — Бова в темнице находит меч, — к нему посылают палача, он его убивает и выходит вон — за ним погоня — он с Полканом разбивает ее — Булат рассказывает ему сказки — Маркобрун в отсутствие осаждает город и берет в плен Дружневну.

Бова на море разбойничает — находит пилигрима, который отдает ему коня и *3 земля* — приезжает в царство Зензевея — оно разорено — едет к себе — убивает

II

Бова на престоле отца своего.

III

Осада — ночь на башне — бой; жених убит — невеста влюбляется, Бова проводит ночь у нее, открывает свою историю. Царь узнает и высылает вон Бову — Бова едет вон из государства — освобождает разбойника — *3 службы* —

старец пилигрим обкрадывает его спящего — на границах бывшего женихова удела — воины его находят, приводят царю — Бова в темнице, царица его обольщает — он ее презирает — (*она чародейка*, старец дух, ею подосланный). Бова осужден на смерть — *первая служба*. Он видит корабль и едет к себе — буря — корабль разрушен — вторая служба — приезжает, убивает Дадона. Едет к невесте, находит пилигрима, берет у него три зелья. *По сказке.*

Перечень действующих лиц

Бова	Гвидон
<i>Сувор</i>	<i>Мельчигрея</i>
Милитриса	Дружневна
Дадон	

Наброски начала поэмы

I

Кого союзником и другом
Себе ты выбрал, Зензевей,
Кто будет счастливым супругом
Царицы, дочери твоей —
Она мила, как ландыш мая,
Резва, как лань Кавказских гор

II

Зачем раздался гром войны
Во славном царстве Зензевей,
Поля и села зажжены —

III

Народ кипит, гремят народны клики
Пред теремом грузинского владыки —
Съезжаются могучие цари,
Царевичи, князья, богатыри —
Царь Зензевей их ласково встречает,
Готовит пир — и ровно сорок дней
Своих гостей он пышно угощает

МСТИСЛАВ

П л а н ы

I

План. Владимир, разделив на уделы Россию, остается в Кiefe; молодые богатыри со скуки разъезжаются; с ними Илья Муромец и Добрыня — печенеги нападают на Киев — Владимир посылает гонцов к сыновьям — дети его собираются — кроме *Мстислава*, Илья едет за ним — встречает своего сына — сражается с ним — Мстислав — при нем молодые богатыри — идут на *косогов* — Мстислав в горах. Оставленные богатыри разъезжаются — Илья едет далее — находит его и везет к отцу — Царевна за ними едет — она пристаёт к печенегам — Сражение — *de grands combats et des combats encore*¹⁾: а) На Киев нападают соединенные народы — б) Боги языческие, изгнанные крещением, их одушевляют.

II

Илья хочет представить сына Владимиру — вместе едут —

Царевна *косогов* влюбляется в Мстислава — Ее мать волшебница: старается заманить Мстислава, Мстислав упорствует ее прелестям — она в сражении его увле-

¹⁾ большие сражения и снова сражения (*франц.*).

кает — под видом косога, убившего его друга; превращается вновь. Мстислав не острове наслаждений. Гонец приезжает к его дружине, не застаёт его. Владимир в отчаянии.

Царевна жалуется своей матери, та обещает соединить ее с Мстиславом.

Илия в молодости обрюхатил царевну татарскую — она вышла замуж, объявила сыну, сын едет отыскивать отца.

III

Илия находит пустынного, который пророчествует ему участь России.

Мстислав увлечен чародейством в горы Кавказские. На Россию нападают с разных сторон все враги ее. Мстислав по вечерам видит *ладью* и деву.

АГАСФЕР

В еврейской хижине лампада
В одном углу бледна горит,
Перед лампадою старик
Читает Библию. Седые
На книгу падают власы.
Над колыбелию пустой
Еврейка плачет молодая.
Сидит в другом углу, главою
Поникнув, молодой еврей,
Глубоко в думу погруженный.
В печальной хижине старушка
Готовит позднюю трапезу.
Старик, закрыв святую книгу,
Застежки медные сомкнул.
Старуха ставит бедный ужин
На стол и всю семью зовет.
Никто нейдет, забыв о пище.
Текут в безмолвии часы.
Уснуло все под сенью ночи.
Еврейской хижины одной
Не посетил отрадный сон.
На колокольне городской
Бьет полночь. — Вдруг рукой тяжелой
Стучатся к ним. Семья вздрогнула,
Младой еврей встает и дверь
С недоумением отворяет —
И входит незнакомый странник.
В его руке дорожный посох

КИРДЖАЛИ

В степях зеленых Буджака,
Где Прут, заветная река,
Обходит русские владенья,
При бедном устье ручейка
Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут
В беспечной дикости живут,
Храня родительские нравы,
Питаюсь трудом,
И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы
И грозно правят их судьбой.

КАЗАЧКА И ЧЕРКЕС

П л а н

Станица — Терек — за водой — невеста — черкес на том берегу — она назначает ему свидание — он хочет увезти ее — тревога — берут его в плен — отсылают в крепость — обмен — побег девушки с черкесом.

О т р ы в о к т е к с т а

Полюби меня, девица
Нет
Что же скажет вся станица?
Я с другим обручена.

Твой жених теперь далече

ЕЗЕРСКИЙ

I

Над омраченным Петроградом
Осенний ветер тучи гнал,
Дышало небо влажным хладом,
Нева шумела. Бился вал
О пристань набережной стройной,
Как челобитчик беспокойный
Об дверь судейской. Дождь в окно
Стучал печально. Уж темно
Все становилось. В это время
Иван Езерский, мой сосед,
Вошел в свой тесный кабинет...
Однако ж род его, и племя,
И чин, и службу, и года
Вам знать не худо, господа.

II

Начнем аб ово: ¹⁾ мой Езерский
Происходил от тех вождей,
Чей дух воинственный и зверский
Был древле ужасом морей.
Одульф, его начальник рода,
Вельми бе грозен воевода,

¹⁾ с самого начала (лат.).

Гласит Софійский хронографъ.
При Ольге сын его Варлафъ
Приял крещенье в Цареграде
С рукою греческой княжны;
От них два сына рождены:
Якуб и Дорофей. В засаде
Убит Якуб; а Дорофей
Родил двенадцать сыновей.

III

Ондрей, по прозвищу Езерский,
Родил Ивана да Илью.
Он в лавре схимился Печерской.
Отсель фамилию свою
Ведут Езерские. При Калке
Один из них был схвачен в свалке,
А там раздавлен, как комар,
Задами тяжкими татар;
Зато со славой, хоть с уроном,
Другой Езерский, Елизар,
Упился кровию татар
Между Непрядвою и Доном,
Ударя с тыла в кучу их
С дружиной суздальцев своих.

IV

В века старинной нашей славы,
Как и в худые времена,
Крамола и смуты в дни кровавы,
Блестят Езерских имена.
Они и в войске и в совете,
На воеводстве и в ответе
Служили князьям и царям.
Из них Езерский Варлаам
Гордыней славился боярской:
За спор то с тем он, то с другим
С большим бесчестьем выводим
Бывал из-за трапезы царской,
Но снова шел под страшный гнев,
И умер, Сидких пересев.

V

Когда ж от Думы величавой
 Приял Романов свой венец,
 Когда под мирною державой
 Русь отдохнула наконец,
 А наши вороги смирились,
 Тогда Езерские явились
 В великой силе при дворе.
 При императоре Петре...
 Но извините: статья может,
 Читатель, я вам досадил:
 Наш век вас верно просветил,
 Вас спесь дворянская не гложет,
 И нужды нет вам никакой
 До вашей книги родовой...

VI

Кто б ни был ваш родоначальник,
 Мстислав Удалый, иль Ермак,
 Или Митюшка целовальник,
 Вам все равно — конечно так,
 Вы презираете отцами,
 Их древней славою, правами
 Великодушно и умно,
 Вы отреклись от них давно,
 Прямого просвещения ради,
 Гордясь, как общей пользы друг,
 Ценою собственных заслуг,
 Звездой двоюродного дяди,
 Иль приглашением на бал
 Туда, где дед ваш не бывал.

VII

Я сам — хоть в книжках и словесно
 Собратья надо мной трунят —
 Я мещанин, как вам известно,
 И в этом смысле демократ.
 Но каюсь: новый Ходаковский ¹⁾.

¹⁾ Известный любитель древностей, (*Прим. А. С. Пушкина.*)

Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине.
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина.
От этой слабости безвредной,
Как ни старался, — видит бог, —
Отвыкнуть я никак не мог.

VIII

Мне жаль, что сих родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух.
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
Что их поносит шут Фиглярин,
Что русский ветреный боярин
Теряет грамоты царей,
Как старый сбор календарей,
Что исторические звуки
Нам стали чужды, хоть проста
Из бар мы лезем в tiers-état ¹⁾,
Хоть нищи будут наши внуки,
И что спасибо нам за то
Не скажет, кажется, никто.

IX

Мне жаль, что мы, руке наемной
Дозволя грабить свой доход,
С трудом ярем заботы темной
Влачим в столице круглый год,
Что не живем семьею дружной
В довольстве, в тишине досужной,
Старая близ могил родных
В своих поместьях родовых,
Где в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава;
Что геральдического льва

¹⁾ третье сословие (*франц.*).

Демократическим копытом
У нас лягает и осел:
Дух века вот куда зашел!

Х

Вот почему, архивы роя,
Я разобрал в досужный час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ
И здесь потомству заповедал.
Езерский сам же твердо ведал,
Что дед его, великий муж,
Имел пятнадцать тысяч душ.
Из них отцу его досталась
Осьмая часть — и та сполна
Была сперва заложена,
Потом в ломбарде продавалась...
А сам он жалованьем жил
И регистратором служил.

ХІ

Допросом музу беспокоя,
С усмешкой скажет критик мой:
«Куда завидного героя
Избрали вы! Кто ваш герой?»
— А что? Коллежский регистратор.
Какой вы строгий литератор!
Его пою — зачем же нет?
Он мой приятель и сосед.
Державин двух своих соседей
И смерть Мещерского воспел;
Певец Фелицы быть умел
Певцом их свадеб, их обедов
И похорон, сменивших пир,
Хоть этим не смущался мир.

ХІІ

Заметят мне, что есть же разность
Между Державиным и мной,
Что красота и безобразность

Разделены чертой одной,
Что князь Мещерский был сенатор,
А не коллежский регистратор —
Что лучше, ежели поэт
Возьмет возвышенный предмет,
Что нет, к тому же, перевода
Прямым героям; что они
Совсем не чудо в наши дни;
Иль я не этого прихода?
Иль разве меж моих друзей
Двух, трех великих нет людей?

XIII

Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На черный пенъ? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты, поэт,
И для тебя условий нет.

XIV

Исполнен мыслями златыми,
Не поднимаемый никем,
Перед распутьями земными
Проходишь ты, уныл и нем.
С толпой не делишь ты ни гнева,
Ни нужд, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупец кричит: *куда? куда?*
Дорога здесь. Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекут
Мечтанья тайные; твой труд

Тебе награда; им ты дышишь,
А плод его бросаешь ты
Толпе, рабыне суеты.

XV

Скажите: *экой вздор*, иль *bravo*,
Иль не скажите ничего —
Я в том стою — имел я право
Избрать соседа моего
В герои повести смиренной,
Хоть человек он не военный,
Не второклассный Дон-Жуан,
Не демон — даже не цыган,
А просто гражданин столичный,
Каких встречаем всюду тьму,
Ни по лицу, ни по уму
От нашей братьи не отличный,
Довольно смиренный и простой,
А впрочем, малый деловой.

ЮДИФЬ

Когда владыка ассирийский
Народы казнию казнил
И Олоферн весь край азийский
Его деснице покорил, —
Высок смиреньем терпеливым
И крепок верой в бога сил,
Перед сатрапом горделивым
Израил выи не склонил;
Во все пределы Иудеи
Проникнул трепет. Иереи
Одели вретищем алтарь;
Народ завыл, объятый страхом,
Главу покрыв золой и прахом,
И внял ему всевышний царь.

Притек сатрап к ущельям горным
И зрит: их узкие врата
Замком замкнуты непокорным;
Стеной, как поясом узорным,
Препоясалась высота.

И, над тесниной торжествуя,
Как муж на страже, в типине
Стоит, белеясь, Ветилуя
В недостижимой вышине.

Сатрап смутился изумленный —
И гнев в нем душу помрачил...
И свой совет разноплеменный

Он — любопытный — спросил:
«Кто сей народ? и что их сила,
И кто им вождь, и отчего
Сердца их дерзость воспалила,
И их надежда на кого?..»
И встал тогда сынов Аммона
Военачальник Ахиор
И рек — и Олоферн со трона
Склонил к нему и слух и взор.

СКАЗКИ

ЦАРЬ НИКИТА И СОРОК ЕГО ДОЧЕРЕЙ

Царь Никита жил когда-то
Праздно, весело, богато,
Не творил добра, ни зла,
И земля его цвела.
Царь трудился понемногу,
Кушал, пил, молился богу
И от разных матерей
Прижил сорок дочерей.
Сорок девушек прелестных,
Сорок ангелов небесных,
Милых сердцем и душой.
Что за ножка — божье мой,
А головка, темный волос,
Чудо — глазки, чудо — голос,
Ум — с ума свести бы мог.
Словом, с головы до ног
Душу, сердце все пленяло;
Одного недоставало.
Да чего же одного?
Так, безделки, ничего.
Ничего иль очень мало,
Все равно — недоставало.
Как бы это изъяснить,
Чтоб совсем не рассердить
Богомольной важной дуры,
Слишком чопорной цензуры?

* * *

Иван-Царевич по лесам,
И по полям, и по горам
За бурым волком раз гонялся.

* * *

В славной в Муромской земле,
В Карачарове селе
Жил-был дьяк с своей дьячихой.
Под конец их жизни тихой
Бог отраду им послал —
Сына им он даровал.

* * *

Царь увидел пред собою
Столик с шахматной доскою.

Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он расставил в стройный ряд.
Грозно куколки сидят,
Подбоченясь на лошадках,
В коленкоровых перчатках,
В оперенных пишачках,
С палашами на плечах.

Тут лохань перед собою
Приказал налить водою;
Плавать он пустил по ней
Тьму прекрасных кораблей,
Барок, каторог и шлюпок
Из срезовых скорлупок —
А прозрачные ветрильцы
Будто бабочкины крыльцы,
А веревки

ОТРЫВОК ПЛАНА И ТЕКСТА
СКАЗКИ О БОВЕ-КОРОЛЕВИЧЕ

IV

Бова, спасен Чернавкою (как в сказке).

Дадон, услыша о его славе, посылает убить его своих
витязей.

Описание двора Дадонова и его витязей.

Милитриса.

Бова со всеми ими сражается.

Красным девушкам в забаву,
Добрым молодцам на славу.

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА

I

Из первого издания поэмы

Стр. 31. После стиха «И дале продолжала путь»:

О люди, странные создания!
Меж тем как тяжкие страдания
Тревожат, убивают вас,
Обеда лишь наступит час —
И вмиг вам жалобно доносит
Пустой желудок о себе
И им заняться тайно просит.
Что скажем о такой судьбе?

Стр. 46. После стиха «Женитьбы наши безопасны...»:

Мужьям, девицам молодым
Их замыслы не так ужасны.
Неправ фернейский злой крикун!
Все к лучшему: теперь колдун
Иль магнетизмом лечит бедных
И девушек худых и бледных,
Пророчит, издает журнал, —
Дела, достойные похвал!
Но есть волшебники другие.

Стр. 55. Начало пятой песни, первоначально четвертой:

Как я люблю мою княжну,
Мою прекрасную Людмилу,
В печалах сердца тишину,
Невинной страсти огонь и силу,
Затеи, ветреность, покой,

Улыбку сквозь немые слезы...
 И с этим юности златой
 Все нежны прелести, все розы!..
 Бог весть, увижу ль наконец
 Моей Людмилы образец!
 К ней вечно сердцем улетаю...
 Но с нетерпением ожидаю
 Судьбой сужденной мне княжны
 (Подруги милой, не жены,
 Жены я вовсе не желаю).
 Но вы, Людмилы наших дней,
 Поверьте совести моей,
 Душой открытой вам желаю
 Такого точно жениха,
 Какого здесь изображаю
 По воле легкого стиха...

Стр. 71. После стиха: «Беда: восстали печенег!»:

Злосчастный град! Увы! Рыдай,
 Твой светлый опустеет край,
 Ты станешь бранная пустыня!..
 Где грозный пламенный Рогдай!
 И где Руслан, и где Добрыня!
 Кто князя-Солнце оживит!

II

Предисловие Пушкина к второму изданию поэмы

Автору было двадцать лет от роду, когда кончил он Руслана и Людмилу. Он начал свою поэму, будучи еще воспитанником Царскосельского лицея, и продолжал ее среди самой рассеянной жизни. Этим до некоторой степени можно извинить ее недостатки.

При ее появлении в 1820 году тогдашние журналы наполнились критиками более или менее снисходительными ¹⁾. Самая странная писана г. В. ²⁾ и помещена в «Сыне отечества». Вслед за

¹⁾ Одна из них подала повод к эпиграмме, приписываемой К ***.³⁾

Напрасно говорят, что критика легка:
 Я критику читал Руслана и Людмилы:
 Хоть у меня довольно силы,
 Но для меня она ужасно как тяжка.

(Прим. А. С. Пушкина.)

²⁾ А. Ф. Воейковым.

³⁾ И. А. Крылову.

нею появились вопросы неизвестного ¹⁾. Приведем из них некоторые.

«Начнем с первой песни. *Commençons par le commencement* ²⁾.

Зачем Финя дождался Руслана?

Зачем он рассказывает свою историю, и как может Руслан в таком несчастном положении с *жадностью* *внимать рассказы* (или по-русски *рассказы*) старца?

Зачем Руслан *присвистывает*, отправляясь в путь? Показывает ли это огорченного человека? Зачем Фарлаф с своею трусостью поехал искать Людмилы? Иные скажут: затем, чтобы упасть в грязный ров: *et puis on en rit et cela fait toujours plaisir* ³⁾.

Справедливо ли сравнение, стр. 46, которое вы так хвалите? ⁴⁾ Случалось ли вам это видеть?

Зачем маленький карла с большою бородою (что, между прочим, совсем не забавно) приходил к Людмиле? Как Людмиле пришла в голову странная мысль схватить с колдуна шапку (впрочем, в испуге чего не наделаешь?) и как колдун позволил ей это сделать?

Каким образом Руслан бросил Рогдая как ребенка в воду, когда

Они схватились на конях;

.

Их члены злобой сведены;

Объяты, молча, костенеют, и проч.?

Не знаю, как Орловский ⁵⁾ нарисовал бы это.

Зачем Руслан говорит, увидевши поле битвы (которое совершенный *hors d'oeuvre* ⁶⁾, зачем говорит он:

О поле, поле! кто тебя

Усеял мертвыми костями?

.

.

Зачем же, поле, смолкло ты

И поросло *травой забвенья?*..

Времен от вечной темноты,

Быть может, нет и мне спасенья! и проч.?

¹⁾ Д. И. Зыкова.

²⁾ Начнем с начала (*франц.*).

³⁾ и потому над этим смеются, а это всегда доставляет удовольствие (*франц.*).

⁴⁾ См. стр. 26 настоящего тома («С порога хижинны моей...» и т. д.).

⁵⁾ А. О. Орловский — художник, баталист и жанрист.

⁶⁾ посторонний предмет (*франц.*).

Так ли говорили русские богатыри? И похож ли Руслан, говорящий *о траве забвенья и вечной темноте времени*, на Руслана, который чрез минуту после восклицает с *важностью сердитой*:

Молчи, пустая голова!

.

Хоть лоб широк, да мозгу мало!

Я еду, еду, не свищу,

А как наеду, не спущу!

. Знай наших! и проч.?

Зачем Черномор, доставши чудесный меч, положил его на поле, под головою брата? Не лучше ли бы было взять его домой?

Зачем будить двенадцать спящих дев и поселять их в какую-то степь, куда, не зная как, заехал Ратмир? Долго ли он пробыл там? Куда поехал? Зачем сделался рыбаком? Кто такая его новая подруга? Вероятно ли, что Руслан, победив Черномора и пришед в отчаяние, не найдя Людмилы, махал до тех пор мечом, что сшиб шапку с лежащей на земле супруги?

Зачем карла не вылез из котомки убитого Руслана? Что предвещает сон Руслана? Зачем это множество точек после стихов:

Шатры белеют на холмах?

Зачем, разбирая Руслана и Людмилу, говорить об Илиаде и Энеиде? Что есть общего между ними? Как писать (и, кажется, серьезно), что речи Владимира, Руслана, Финна и проч. нейдут в сравнение с Омеровыми? Вот вещи, которых я не понимаю и которых многие другие также не понимают. Если вы нам объясните их, то мы скажем: nullius, nisi insipientis, in errore perseverare (Philippic, XII, 2) ¹⁾.

Tes pourquoui, dit le dieu, ne finiront jamais ²⁾.

Конечно, многие обвинения сего допроса основательны, особенно последний. Некто взял на себя труд отвечать на оные ³⁾. Его антикритика остроумна и забавна.

Впрочем, нашлись рецензенты совсем иного разбора. Например, в «Вестнике Европы», № 11, 1820, мы находим следующую благонамеренную статью ⁴⁾.

¹⁾ каждому человеку свойственно ошибаться, только глупцу — настаивать на ошибке (Филиппики...) (лат.).

²⁾ Твои «почему», сказал бог, никогда не кончатся (франц.).

³⁾ А. А. Перовский.

⁴⁾ А. Глаголева (?).

«Теперь прошу обратить ваше внимание на новый ужасный предмет, который, как у Камоэнса Мыс бурь, выходит из недр морских и показывается посреди океана российской словесности. Пожалуйста напечатайте мое письмо: быть может, люди, которые грозят нашему терпению новым бедствием, опомнятся, рассмеются — и оставят намерение сделаться изобретателями нового рода русских сочинений.

Дело вот в чем: вам известно, что мы от предков получили небольшое бедное наследство литературы, т. е. *сказки и песни* народные. Что о них сказать? Если мы бережем старинные монеты, даже самые безобразные, то не должны ли тщательно хранить и остатки словесности наших предков? Без всякого сомнения. Мы любим вспоминать все, относящееся к нашему младенчеству, к тому счастливому времени детства, когда какая-нибудь песня или сказка служила нам невинною забавой и составляла все богатство познаний. Видите сами, что я не прочь от собирания и изыскания русских сказок и песен; но когда узнал я, что наши словесники приняли старинные песни совсем с другой стороны, громко закричали о величии, плавности, силе, красотах, богатстве наших старинных песен, начали переводить их на немецкий язык и, наконец, так влюбились в *сказки и песни*, что в стихотворениях XIX века заблистали *Ерусланы* и *Бовы* на новый манер; то я вам слуга покорный.

Чего доброго ждать от повторения более жалких, нежели смешных лепетаний?.. Чего ждать, когда наши поэты начинают пародировать *Кириу Данилова*?

Возможно ли просвещенному или хоть немного сведущему человеку терпеть, когда ему предлагают новую поэму, писанную в подражание *Еруслану Лазаревичу*? Извольте же заглянуть в 15 и 16 № «Сына отечества». Там неизвестный пиит на образчик представляет нам отрывок из поэмы своей *Людмила и Руслан* (не Еруслан ли?). Не знаю, что будет содержать целая поэма; но образчик хоть кого выведет из терпения. Пиит оживляет мужичка сам с ноготь, а борода с локоть, придаст ему еще бесконечные усы («С. от.», стр. 121), показывает нам ведьму, шапочку-невидимку и проч. Но вот что всего драгоценнее: Руслан наезжает в поле на побитую рать, видит богатырскую голову, под которою лежит меч-кладенец; *голова* с ним разглагольствует, сражается... Живю помню, как все это, бывало, я слушал от няньки моей; теперь на старости сподобился вновь то же самое услышать от поэтов нынешнего времени!.. Для большей точности, или чтобы лучше выразить всю прелесть старинного нашего песенословия, поэт и в выражениях уподобился Ерусланову рассказчику, например:

...Шутите вы со мною —
Всех *удаляю* вас бороною!

Каково?..

...Объехал голову кругом
И стал *пред носом* молчаливо.
Щекотит поздри копием...

Картина, достойная Кирши Данилова! Далее: чихнула голова, за нею и эхо *чихает*... Вот что говорят рыцарь:

Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу...

Потом витязь ударяет *в щеку* тяжелой *рукавицей*... Но увольте меня от подробного описания и позвольте спросить: если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бороною, в армяке, в лаптях, и закричал бы зычным голосом: *здорово, ребята!* Неужели бы стали таким проказником любоваться? Бога ради, позвольте мне старику сказать публике, посредством вашего журнала, чтобы она каждый раз жмурила глаза при появлении подобных странностей. Зачем допускать, чтобы плоские шутки старины снова появлялись между нами! Шутка грубая, не одобряемая вкусом просвещенным, отвратительна, а нисколько не смешна и не забавна. Dixi» ¹⁾.

Долг искренности требует также упомянуть и о мнении одного из *увенчанных, первоклассных отечественных писателей* ²⁾, который, прочитав Руслана и Людмилу, сказал: я тут не вижу ни мыслей, ни чувства; вижу только чувственность. Другой (а может быть и тот же) *увенчанный, первоклассный отечественный писатель* приветствовал сей первый опыт молодого поэта следующим стихом:

Мать дочери велит на эту сказку плюнуть.

12 февраля, 1828

¹⁾ Я сказал (*лат.*).

²⁾ И. И. Дмитриева.

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

I

Первая редакция начала поэмы

КАВКАЗ

Поэма

1820

Gid meine Jugend mir zurück,
Goethe. Faust

C'est donc fini, comme une histoire
Qu'une grand'mère en ses vieux ans
Vient de chercher dans sa mémoire
Pour la conter à ses enfants ¹⁾.

I

Один, в глуши Кавказских гор,
Покрытый буркой боевою,
Черкес над шумною рекою
В кустах тайлся. Жадный взор
Он устремлял на путь далекой,
Булатной шашкою сверкал
И грозно в тишине глубокой
Своей добычи ожидал.

¹⁾ Верни мне мою молодость.

Гете. Фауст (нем.).

И все это прошло, словно история,
Которую бабушка на старости
Только что отыскиала в своих воспоминаниях,
Чтобы рассказать ее детям *(франц.)*.

Товарищ верный, терпеливый,
 Питомец горных табунов,
 Стоял недвижно конь ретивый
 В тени древес, у берегов,

Берег

Кавказу

подана

1840

Вручил Мухомов

II

Прохлада встет над водами,
 Одежда тенью небосклон...
 И вдруг пустыни мертвый сон

Превратился... пыль взвилась клубами,
Гремят колеса! Конь кипит,
Черкес верхом, черкес летит...

III

Зачем, о юноша несчастный,
Зачем на гибель ты спешишь?
Порывом смелости напрасной
Главы своей не защитишь! —
Его настигнул враг летучий.
Несчастный пал на чуждый брег.
И слабого питомца нег
К горам повлек аркан могучий.
Помчался конь меж диких гор
На крыльях огненной отваги...
Все путь ему: болото, бор,
Кусты, утесы и овраги.
Кровавый след за ним бежит,
И гул пустынный раздаётся.
Седой поток пред ним шумит,
Он в глубь кипящую несется...

IV

На темной синеве небес
Луна вечерняя блеснула.
Вот хаты ближнего аула
Во тьме белеют меж дрезес.
С полей под желтыми скалами
Влекутся с праздными сохами
Четы медлительных волов,
И глухо вторится горами
Веселый топот табунов.
В косматых бурках, с чубуками
Черкесы дружными толпами
В дыму сидели вокруг огня.

II

Из черновой рукописи поэмы

Стр. 32. После стиха «Его закованные ноги...»:

Пред ним затмилась природа.
Прости, надежда и свобода,
Он раб...

Усталою главою

К земле чужой припал он снова,
Как будто в ней от скорби злой
Искал приюта гробового.
Не льются слезы из очей,
В устах сомкнутых нет роптанья,
В душе, рожденной для страстей,
Стеснил он горькое страданье,
И в мыслях он твердит одно:
«Погиб! мне рабство суждено».

Родился он среди снегов,
Но в нем пылал сокрытый пламень,
В минуты счастья друг пиров,
Во дни гоненья холодный камень.

Стр. 93. После стиха: «И упоительным мечтам!»:

Но поздно, поздно!.. неба ярость
Меня преследует, разит,
Души безвременная старость
Во цвете лет меня мертвит.
Вот скорбный след любви напрасной,
Душевной бури след ужасный.

Во цвете невозвратных дней
Минутной бурною порою
Утраченной весны моей
Плененный жизнью молодою,
Не зная света, ни людей,
Я верил счастью: в упоенье
Летели дни мои толпой
И сердце, полное мечтой,
Дремало в милом заблужденье.
Я наслаждался; блеск и шум
Пленили мой беспечный ум,
Веселье чувство увлекало,
Но сердце втайне тосковало
И, чуждое младых пиров,
К иному счастью призывало.
Услышал я неверный зов,
Я полюбил — и сны молодые
Слетели с изумленных везд,

С тех пор исчезли дни златые,
С тех пор не ведаю надежд...

О милый друг, когда б ты знала,
Когда бы видела черты
Неотразимой красоты,
Когда б ты их воображала, —
Но нет... словам не передать
Красу души ее небесной.
О, если б мог я рассказать
Ее звук чудесный!
Ты плачешь?..

Но зачем об ней
Тревожу я воспоминанья?
Увы, тоска без упования
Осталась от любви моей.
Она мне враг. Одни мученья
Она послала мне в удел.
И я отвык от наслажденья
И для любви оледенел.

Последняя отброшенная строфа «Черкесской песни»:

4

Пастух с волынкой полевой
На влажный берег стадо гонит,
Его палит полдневный зной,
И тихий сон невольно клонит.
Он спит, а с верною стрелой
Чеченец ходит над рекой.

Из черновика окончания эпилога

Смирились вы — умолкли брани,
И там, где прежде только лани
За вами пробегать могли,
Торжественно при кликах славы,
Князя заоблачной державы,
Мы наше знамя провели.

ГАВРИИЛИАДА

Вариант восьми стихов; вместо «Не правда ли? вы помните то поле...» (стр. 116), сообщенный лицейским товарищем Пушкина С. Д. Комовским

Вы помните ль то розовое поле,
Друзья мои, где красною весной,
Оставя класс, резвились мы на воле
И тешились отважною борьбой?
Граф Бротьо был отважнее, сильнее,
Комовский же — проворнее, хитрее;
Не скоро мог решиться жаркий бой.
Где вы, лета забавы молодой?

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ

I

З а к л ю ч и т е л ь н ы е с т и х и,
н е в в е д е н н ы е в п е ч а т н ы й т е к с т

Умолк и буйной головою
Разбойник в горести поник,
И слез горючею рекою
Свирепый оросился лик.
Смеясь, товарищи сказали:
«Ты плачешь! полно, брось печали,
Зачем о мертвых вспоминать?
Мы живы: станем пировать,
Ну, потчевай сосед соседа!»
И кружка вновь пошла кругом;
На миг утихшая беседа
Вновь оживляется вином;
У всякого своя есть повесть,
Всяк хвалит меткий свой кистень.
Шум, крик. В их сердце дремлет совесть:
Она проснется в черный день.

II

П л а н ы п о э м ы «Р а з б о й н и к и»

I

Всечером девица плачет, подговаривает, молодцы готовы отплыть; есаул — где-то наш атаман Они плывут и поют.....

Под Астраханью разбивают корабль купеческий; он берет себе в наложницы другую — та сходит с ума, новая не любит и умирает — он пускается на все злодейства. Есаул предает его....

2

- I. Разбойники, история двух братьев.
- II. Атаман и с ним дева; клад его etc, — песнь на Волге —
- III. Купеческое судно, дочь купца
- IV. Сходит с ума

III

Отрывок текста
поэмы «Разбойники»

На Волге в темноте ночной
Ветрило бледное белеет,
Бразда чернеет за кормой,
Попутный ветер тихо веет.
Недвижны волны, руль заснул,
Плывут ребята удалые —
И, стоя, есаул
песню

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН

Вступление к поэме,
не вошедшее в окончательный текст

Н. Н. Р.¹⁾

Исполню я твое желанье,
Начну обещанный рассказ.
Давно, когда мне в первый раз
Поведали сие преданье,
Мне стало грустно; резвый ум
Был омрачен невольной думой,
Но скоро пылких оргий шум
Развеселил мой сон угрюмый.
О возраст ранний и живой.
Как быстро легкой чередой
Тогда сменялись впечатленья:
Восторги — тихой тоской,
Печаль — порывом упоенья!

¹⁾ Николаю Николаевичу Раевскому.

ЦЫГАНЫ

I

Черновой отрывок,
не вошедший в окончательную редакцию

Стр. 148. После стиха «В шатре и тихо и темно»:

Бледна, слаба, Земфира дремлет —
Алеко с радостью в очах
Младенца держит на руках
И крику жизни жадно внимлет:
«Прими привет сердечный мой,
Дитя любви, дитя природы,
И с даром жизни дорогой
Неоцененный дар свободы!..
Останься посреди степей;
Безмолвны здесь предрассужденья,
И нет их раннего гоненья
Над дикой люлькою твоей;
Растя на воле без уроков;
Не знай стеснительных палат
И не меняй простых пороков
На образованный разврат;
Под сенью мирного забвенья
Пушай цыгана бедный внук
Лишен и неги просвещения
И пышной суеты наук —
Зато беспечен, здрав и волен,
Тщеславных угрызений чужд,
Он будет жизнью доволен,

Не зная вечно новых нужд,
Нет, не преклонит он колен
Пред идолом какой-то чести,
Не будет вымышлять измен,
Трепеща тайно жаждой мести, —
Не испытает мальчик мой,
Сколь жестоки пени,
Сколь черств и горек хлеб чужой —
Сколь тяжко медленной ногой
Всходить на чуждые ступени;
От общества, быть может, я
Отъемлю ныне гражданина, —
Что нужды, — я спасаю сына,
И я б желал, чтоб мать моя
Меня родила в чаще леса,
Или под юртой остяка,
Или в расселине утеса.
О, сколько б едких угрызений,
Тяжелых снов, разуверений
Тогда б я в жизни не узнал...

II

Проекты предисловия Пушкина к поэме

2

Долго не знали в Европе происхождения цыганов; считали их выходцами из Египта — доныне в некоторых землях и называют их египтянами. Английские путешественники разрешили наконец все недоумения — доказано, что цыгане принадлежат отверженной касте индейцев, называемых *париа*. Язык и то, что можно назвать их верою, — даже черты лица и образ жизни — верные тому свидетельства. Их привязанность к дикой вольности, обеспеченной бедностью, везде утомила меры, принятые правительством для преобразования праздной жизни сих бродяг, — они кочуют в России, как и в Англии; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первых потребностей, торгуют лошадьми, водят медведей, обманывают и крадут, женщины промышляют воровской, пеньем и плясками.

В Молдавии цыгане составляют большую часть народонаселения; но всего замечательнее то, что в Бессарабии и Молдавии крепостное состояние есть только между сих смиренных привержен-

цев первобытной свободы. Это не мешает им, однако же, вести дикушую кочевую жизнь, довольно верно описанную в сей повести. Они отличаются перед прочими большей нравственной чистотой. Они не промышляют ни кражей, ни обманом. Впрочем, они так же дикки, так же любят музыку и занимаются теми же грубыми ремеслами. Дань их составляет неограниченный доход супруги господаря.

2

Примечание. Бессарабия, известная в самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для нас:

Она Державиным воспета
И славой русскою полна.

Но донныне область сия нам известна по ошибочным описаниям двух или трех путешественников. Не знаю, выдет ли когда-нибудь «Историческое и статистическое описание оной», составленное И. П. Липранди¹⁾, соединяющим ученость истинную с отличными достоинствами военного человека.

¹⁾ приятелем Пушкина, служившим в Кишиневе.

ГРАФ НУЛИН

Стр. 166. После стиха «Не спится графу — бес не дремлет...» в рукописи следовало:

Вертится Нулин — грешный жар
Его сильней, сильней объемлет,
Он весь кипит как самовар,
Пока не отвернула крана
Хозяйка нежною рукой,
Иль как отверстие волкана,
Или как море над грозой,
Или... сравнений под рукой
У нас довольно, — но сравнений
Бойтся мой смиренный гений:
Живей без них рассказ простой.
В потемках пылкий наш герой
Теперь воображает живо
Хозяйки взор красноречивый

Стр. 166. После стиха «Отправился, на все готовый...»:

Граф *местной памяти* орган
Имел по Галевой примете,
Он в темноте, как и при свете,
Нашел бы дверь, окно, диван.
Он чуть дыханье переводит,
Желаньем пламенным томим
(Или боязнью). Пол под ним
Скрытит. Украдкой он подходит
К безмолвной спальне. «Здесь она!

Ждет, нетерпения полна,
Ее склонить не будет трудно!..»
Глядит, однако ж это чудно:
Дверь заперта! Герой слегка
Жмет ручку медную замка

Стр. 163. После стиха «Не гладит стриженных кудрей»:

К хозяйке как ему явиться,
Не покраснев? Что скажет ей?
Не лучше ль, мыслит, в путь пуститься?
Да не готово колесо.
Какая мука это все!
За чьи грехи я погибаю?
Но вот его позвали к чаю

ПОЛТАВА

I

Предисловие к первому изданию «Полтавы»

Полтавская битва есть одно из самых важных и самых счастливых происшествий царствования Петра Великого. Она избавила его от опаснейшего врага; утвердила русское владычество на юге; обеспечила новые заведения на севере и доказала государству успех и необходимость преобразования, совершаемого царем.

Ошибка шведского короля вошла в пословицу. Его упрекают в неосторожности, находят его поход на Украину безрассудным. На критиков не угодишь, особенно после неудачи. Карл, однако ж, сим походом избежал славной ошибки Наполеона: он не пошел на Москву. И мог ли он ожидать, что Малороссия, всегда беспокойная, не будет увлечена примером своего гетмана и не возмутится противу недавнего владычества Петра, что Левенгаупт три дня сряду будет разбит, что наконец 25 тысяч шведов, предводительствуемых своим королем, побегут перед нарвскими беглоцами? Сам Петр долго колебался, избегая главного сражения, *яко зело опасного дела*. В сем походе Карл XII менее, нежели когда-нибудь, вверялся своему счастью; оно уступило гению Петра.

Мазепа есть одно из самых замечательных лиц той эпохи. Некоторые писатели хотели сделать из него героя свободы, нового Богдана Хмельницкого¹⁾. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварстве и злодеяниях, клеветником Самойловича, своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед его победою, предателем Карла после его поражения: память его, преданная церкви анафеме, не может избегнуть и проклятия человечества.

¹⁾ К. Ф. Рылев в поэме «Войнаровский» (1825).

Некто в романтической повести ¹⁾ изобразил Мазепу старым трусом, бледнеющим пред вооруженной женщиною, изобретающим утонченные ужасы, годные во французской мелодраме и пр. Лучше было бы развить и объяснить настоящий характер мятежного гетмана, не искажая своевольно исторического лица.

31 января 1823

II

Из рукописей поэмы

Стр. 180, После стиха «Над ним привычные права»:

Убитый ею, к ней одной
Стремил он страстные желанья,
И горький ропот, и мечтанья
Души кипящей и больной...
Еще хоть раз ее увидеть
Безумной жаждой он горел;
Ни презирать, ни ненавидеть
Ее не мог и не хотел.

Стр. 209, После стиха «Но, вихрю мыслей предана...»:

«Ей-богу, — говорит она, —
Старуха лжет; седой проказник
Там в башне спрятался. Пойдем,
Не будем горевать о нем.
Пойдем, какой сегодня праздник!

Народ бежит, народ поет, —
Пойду за вами; я на воле,
Меня никто не стережет.
Алтарь готов; в веселом поле
Не кровь... о, нет! вино течет.
Сегодня праздник. Разрешили.
Жених — не крестный мой отец;
Отец и мать меня простили;
Идет невеста под венед...»
Но вдруг, потупя взор безумный,
Виденья страшного полна, —
«Однако ж, — говорит она, —

¹⁾ Е. Аладьин в повести «Кочубей» (1828).

Стихи «Кто при звездах и при луне...» (стр. 180) и далее были первоначально написаны другим размером:

При звездах и при луне
Мчится витязь на коне
Во степи необозримой.
Конь бежит неутомимо —
Он на север правит путь
И не хочет отдохнуть
Ни в деревне, ни в дубрае,
Ни при быстрой переправе.
Сабля верная блестит,
Кошелек его звенит,
Конь бежит неутомимо
По степи необозримой.
Деньги надобны ему,
Сабля верный друг ему,
Конь ему всего дороже

ТАЗИТ

В черновике поэма имела продолжение:

Но с неприязненною думой
Ему внимал старик угрюмый,
Главою белой покачал,
Махнул рукой и отвечал:
«Ты мой рассудок искушаешь,
Иль испытую, иль шутя...
Какой безумец, сам ты знаешь,
Отдаст любимое дитя
Тому, кто в бой вступить не смеет,
Кто робок даже пред рабом,
Кто мстить за брата не умеет,
Кто изгнан и проклят отцом?
Ступай, оставь меня в покое!» —
Глубоко в сердце молодое
Тяжелый врезался укор.
Тазит сокрылся. С этих пор
Ни с кем не вел он разговора
И никогда на деву гор
Не подымал несчастный взора.
Но под отеческую сень
Не возвратился сын изгнанный,
Настала ночь и снова дець
вечер хладный и туманный
по горам
Он как сайгак чрез бездны скачет
То
Сидит печальный, одинокий...

Первоначально Пушкин задумал написать свою поэму в другом размере. От этого замысла сохранились наброски начальных стихов:

Не для тайного совета,
Не для битвы до рассвета,
Не для встречи кунака,
Не для свадебной потехи
Ночью съехались адехи
К сакле старика.
Хищник смелый, сын Гасуба,
Вся надежда старика,
Близ развалин Татартуба
Пал от пули казака.

ДОМИК В КОЛОМНЕ

Первоначальный набросок вступления

Пока меня без милости бранят
За цель моих стихов — иль за бесцелье, —
И важные особы мне твердят,
Что ремесло поэта — не безделье,
Что славы прочной я добьюся вряд,
Что хмель хорош, но какво похмелье?
И что пора б уж было мне давно
Исправиться, хоть это мудрено.

Пока сердито требуют журналы,
Чтоб я воспел победы россиян
И написал скорее мадригалы
На бой или на бегство персиян,

В ранней редакции за третьей строфой следовало:

IV

У нас война. Красавцы молодые!
Вы, хрипуны (но хрип ваш приумолк),
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль в Персии Ширванский полк?
Уж люди! мелочь, старички кривые,
А в деле всяк из них, что в стаде волк.
Все с ревом так и лезут в бой кровавый,
Ширванский полк могу сравнить с октавой.

V

Поэты Юга, вымыслов отцы,
 Каких чудес с октавой не творили!
 Но мы ленивцы, робкие певцы,
 На мелочах мы рифмы заморили,
 Могучие нам чужды образцы,
 Мы новых стран себе не покорили,
 И наших дней изнеженный поэт
 Чуть смыслит свой уравнивать куплет.

VI

Ну, женские и мужские слоги! ¹⁾

.

VII

Октавы трудны (взяв уловку лисью,
 Сказать я мог, что кисел виноград).
 Мне, видно, с ними над парнасской высью
 Век не бывать. Не лучше ли назад
 Скорей вести свою дружину рысью?
 Уж рифмами кой-как они бренчат —
 Кой-как уж до конца октаву эту
 Я дотяну. Стыд русскому поэту!

VIII

Но возвратиться все ж я не хочу
 К четырехстопным ямбам, мере низкой.
 С гекзаметром... о, с ним я не шучу:
 Он мне невмочь. А стих александрийской?..
 Уж не его ль себе я залучу?
 Извивистый, проворный, длинный, склизкой
 И с жалом даже — точная змия;
 Мне кажется, что с ним управлюсь я.

IX

Он выныячен был мамкою не дурой
 (За ним смотрел степенный Буало),

¹⁾ Как строфа IV основного текста.

Шагал он чинно, стяннут был цезурой,
Но пудреной пиитике назло
Растреплен он свободно цензурой —
Учение не впрок ему пошло:
Нико с товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили без цезуры.

X

От школы прежней он уж далеко,
Он предался совсем другим уставам.
Как резвая покойница Жоко ¹⁾,
Александрійский стих по всем составам
Развинчен, гнется, прыгает легко —
На диво всем парнасским костоправам —
Они ворчат: уймется ль негодяй?
Какой повеса! экий разгильдяй!..

XI

О, что б сказал поэт законодатель ²⁾,
Гроза несчастных, мелких рифмачей,
И ты, Расин, бессмертный подражатель,
Певец влюбленных женщин и царей,
И ты, Вольтер, философ и ругатель,
И ты, Делиль, парнасский муравей,
Что б вы сказали, сей соблазн увидя, —
Наш век обидел вас, ваш стих обидя.

XII

У нас его недавно стали гнать
(Кто первый? — можете у Телеграфа ³⁾
Спросить и хорошенько все узнать).
Он годен, говорят, для эпитафия,
Да можно им порою украшать
Гробницы или мрамор кенотафа,
До наших мод, благодаря судьбе,
Мне дела нет: беру его себе.

¹⁾ Персонаж модной в 1820-х годах в Париже мелодрамы «Жако, или Бразильская обезьяна».

²⁾ Буало.

³⁾ Журнал «Московский телеграф», боровшийся против французского классицизма.

Сии октавы служили вступлением к шуточной поэме, уже уничтоженной ¹⁾.

Восьмая строфа (с другой редакцией окончания) имела в рукописи продолжение:

И табор свой писателей ватага
Перенесла с горы на дно оврага.

И там копышутся себе в грязи
Густой, болотистой, прохладной, клейкой,
Кто с жабой, кто с лягушками в связи,
Кто раком пьется, кто вьется змейкой...
Но, муза, им и в шутку не грози —
Не то тебя покроем телогрейкой ²⁾
Оборванной и вместо похвалы
Поставим в угол «Северной пчелы».

Иль наглою, безнравственной, мишурной
Тебя в Москве журналы прозовут,
Или Газетою Литературной
Ты будешь призвана на барский суд, —
Ведь нынче время споров, брани бурной.
Друг на друга словесники идут,
Друг друга жмут, друг друга режут, губят
И хором про свои победы трубят.

Читатель, можешь там глядеть на всех,
Но издали и смейся то над теми;
То над другими. Верх земных утех
Из-за угла смеяться надо всеми.
Но сам в толпу не суйся... или смех
Плохой уж выйдет: шутками одними
Тебя как шапками и враг и друг,
Соедняясь, все закидают вдруг.

Тогда давай бог ноги... Потому-то
Здесь имя подписать я не хочу.
Порой я стих повертываю круто,

¹⁾ По-видимому, Пушкин собирался напечатать некоторые из этих строф отдельно от поэмы «Домик в Коломне».

²⁾ Намек на выражение в статье Н. В. Киреевского, которое высмеивали журналы того времени: «древняя муза его (Дельвига) покрывается иногда телогрейкой новейшего уныния».

Все ж, видно, не впервой я им верчу,
А как давно? того и не скажу-то.
На критиков я еду, не свищу.
Как древний богатырь — а как наеду...
Что ж? поклонюсь и приглашу к обеду.

Покамест можете принять меня
За старого, обстрелянного волка
Или за молодого воробья,
За новичка, в котором мало толка.
У вас в шкапу, быть может, мне, друзья,
Отведена особенная полка,
А может быть, впервой хочу послать
Свою тетрадку в мокрую печать.

Когда б никто меня под легкой маской
(По крайней мере долго) не узнал!
Когда бы за меня своей указкой
Другого строго критик пощелкал,
Уж то-то б неожиданной развязкой
Я все журналы после изволновал!
Но полно, будет ли такой мне праздник?
Нас мало. Не укроется проказник.

А вероятно, не заметят нас,
Меня, с октавами моими купно.
Однако ж нам пора. Ведь я рассказ
Готовил — а шучу довольно крупно
И ждать напрасно заставляю вас.
Язык мой враг мой: все ему доступно,
Он обо всем болтать себе привык!..
Фригийский раб, на рынке взяв язык,

Сварил его... (у господина Копа ¹⁾
Коптят его). Езоп его потом
Принес на стол... Опять! зачем Езопа
Я влил с его вареным языком
В мои стихи — что вся прочла Европа,
Нет нужды внозь беседовать о том.
Насилу-то, рифмач я безрассудный,
Отделался от сей октавы трудной.

¹⁾ владельца ресторана в Москве.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Из рукописи поэмы

Стр. 259. После стихов «И что с Парашей будет он
Дни на два, на три разлучен»:

Тут он развежился сердечно
И размечтался, как поэт:
«А почему ж? зачем же нет?
Я небогат, в том нет сомненья,
И у Параша нет именья,
Ну что ж? какое дело нам,
Ужели только богатам
Жениться можно? Я устрою
Себе смиренный уголок
И в нем Парашу успокою.
Кровать, два стула; щей горшок
Да сам большой; чего мне боле?
Не будем прихотей мы знать,
По воскресеньям летом в поле
С Парашей буду я гулять;
Местечко выпрошу; Параше
Препоручу хозяйство наше
И воспитание ребят...
И станем жить — и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба,
И внуки нас похоронят...»

Стр. 261. После стиха «И дома тонущий народ»:

Со сна идет к окну сенатор
И видит — в лодке по Морской
Плывет всепный губернатор.

Сенатор обмер: «Боже мой!
Сюда, Ванюша! стань немножко,
Гляди: что видишь ты в окошко?»
— Я вижу-с: в лодке генерал
Плывет в ворота, мимо будки.
«Ей-богу?» — Точно-с. — «Кроме шутки?»
— Да так-с. — Сенатор отдохнул
И просит чаю: «Слава богу!
Ну! Граф наделал мне тревогу,
Я думал: я с ума свихнул».

Черновой набросок описания Евгения

Он был чиновник небогатый,
Безродный, круглый сирота,
Собой бледный, рябоватый,
Без роду, племян, связей,
Без денег, то есть без друзей,
А впрочем, гражданин столичный,
Каких встречаете вы тьму,
От вас нимало не отличный.
Ни по лицу, ни по уму.
Как все, он вел себя нестрого,
Как вы, о деньгах думал много,
Как вы, сгрустнув, курил табак,
Как вы, носил мундирный фрак.

ЕЗЕРСКИЙ

Варианты начальных строк романа

Над Петербургом омраченным
Осенний ветер тучи гнал;
Нева в течение возмущенном,
Шумя, неслась. Упрямый вал,
Как бы проситель беспокойный,
Плескал в гранит ограды стройной
Ее широких берегов.
Среди бегущих облаков
Вечерних звезд не видно было --
Огонь светился в фонарях,
По улицам взвивался прах
И буйный вихорь вым уныло,
Клубя капоты дев ночных
И заглушая часовых.

В своем роскошном кабинете
В то время Рулин молодой
Сидел один при бледном свете
Одной лампы; ветра вой,
Волненье города глухое
Да бой дождя в окно двойное, —
Всё мысли усыпляло в нем.
Согретый дремлющим огнем,
Он у чугунного камня
Дремал —
Видений сонных перед ним
Менялась тусклая картина...

Вбежав по ступеням отлогам
Гранитной лестницы своей,
В то время Волин с видом строгим
Звонил у запертых дверей
И трёс замком нетерпеливо.
Дверь отворилась, он бранчиво
Андрею выговор прочел
И в кабинет, ворча, пошел.
Андрей принес ему две свечи.
Цербер, по долгу своему
Залавав, прибежал к нему
И положил ему на плечи
Свои две лапы — и потом
Улегся тихо под столом.

Порой сей поздней и печальной
(В том доме, где стоял и я)
Один при свете свечки сальной
В конурке пятого жилья ¹⁾
Писал чиновник — скоро, смело
Перо привычное скрипело —
Как видно, малый был делец —
Работу кончив наконец,
Он стал тихонько раздеваться,
Задул огарок — лег в постель
Под заслуженную шинель —
И стал мечтать...

Но, может статься,
Захочет знать читатель мой,
Кто сей чиновник молодой.

Порой сей поздней и печальной
В том доме, где стоял и я,
Неся огарок свечки сальной,
В конурку пятого жилья
Вошел один чиновник бедный,
Задумчивый, худой и бледный.
Вздохнув, свой осмотрел чулан,
Постелю, пыльный чемодан,
И стол, бумагами покрытый,
И шкаф со всем его добром;

¹⁾ пятого этажа.

Нашел в порядке все; потом,
Дымком своей сигарки сытый,
Разделся сам и лег в постель
Под заслуженную шинель.

Строфы, не вошедшие в последнюю редакцию (строфы
IV и след.)

Во время смуты безначальной,
Когда то лях, то гордый швед
Одолевал наш край печальный,
И гибла Русь от разных бед,
Когда в Москве сидели веры,
А с крулем вел переговоры
Предатель умный Салтыков,
И средь озлобленных врагов
Посольство русское гадало,
И за Москву стоял один
Нижегородский мещанин, —
В те дни Езерские немало
Сменили мнений и друзей
Для пользы общей (и своей).

Когда средь Думы величавой
Приял Романов свой венец
И под отеческой державой
Русь отдохнула наконец,
А наши вороги смирились,
Тогда Езерские явились
Опять в чивах и при дворе.
При императоре Петре
Один из них был четвертован
За связь с царевичем, другой,
Его племянник молодой,
Прощен и милостью окован,
Он на голландке был женат
И умер знатен и богат.

Царя не стало; государство
Шаталось, будто под грозой,
И усмирненное боярство
Его железною рукой
Мятежной предалось надежде:
«Пусть будет вновь, что было прежде,

Долой кафтан кургузый. Нет!
 Примером нам да будет швед». .
 Не тут-то было. Тень Петрова
 Стояла грозно средь бояр.
 Бессилен немощный удар,
 Что было, не восстало снова;
 Россию двинули вперед
 Ветрила те ж, средь тех же вод.

И тут Езерские возились
 В связи то с этим, то с другим,
 На счастье Меншикова злились,
 Шептали с хитрым Трубецким,
 И Бирон, деспот непреклонный,
 Смирят их род неугомонный,
 И Долгорукие князья
 Бызали втайне им друзья.
 Матвей Арсеньевич Езерский,
 Случайный, знатный человек,
 Был очень славен в прошлый век
 Своим умом и злобой зверской.
 Имел он сына одного
 (Отца героя моего).

В а р и а н т ы с т р о ф VI—IX (о д в о р я н с т в е)

*

К тому же это подражанье ¹⁾
 Поэту Байрону: наш лорд
 (Как говорит о нем преданье)
 Не только был отменно горд
 Высоким даром песнопенья,
 Но и рожденья
 Ламартин
 (Я слышал) также дворянин,
 Юго — не знаю

В России же мы все дворяне,
 Все, кроме двух иль трех, зато
 Мы их не ставим ни во что.

¹⁾ Набросок строфы иронического содержания, примыкавшей, по-видимому, к VII строфе «Езерского»: «От этой слабости безвредной (уважения к предкам. — *Ред.*), как ни старался, видит бог, отбихнуть я никак не мог».

Мне жаль, что дома наши новы,
Что выставляют стены их
Не льва с мечом, не щит гербовый,
А ряд лишь вывесок цветных,
Что наши бабушки и деды
Для назидательной беседы
С жезлами, с розами, в звездах,
В роброндах, в латах, париках
У нас не блещут в старых рамах
В простенках светлых галерей;
Мне жаль, что шайка торгашей
Лягает в плоских эпиграммах
Святую нашу старину

Другая редакция конца строфы:

Что мы в свободе беспечальной
Не знаем жизни феодальной
В своих поместьях родовых
Среди подручников своих,
Мне жаль, что мы, руке наемной
Вверяя чистый свой доход,
С трудом в столице круглый год
Влачим ярмо неволи темной,
И что спасибо нам за то
Не скажет, кажется, никто.

Варианты продолжения романа в черновых
рукописях

Он одевался нерадиво,
На нем сидело все не так,
Всегда бывал застегнут криво
Его зеленый узкий фрак.
Но надо знать, что мой чиновник
Был сочинитель и любовник,
Не только малый деловой...

Во фраке очень устарелом
Он молча, сидя у бюро,
До трех часов в раздумье зрелом
Чинил и пробовал перо.
Вам должно знать, что мой чиновник
Был сочинитель и любовник;

Свои статьи печатал он
В «Соревнователе». Влюблен
Он был в Коломне по соседству
В одну лифляндочку. Она
С своею матерью одна
Жила в домишке, по наследству
Доставшемся недавно ей
От дяди Франца. Дядя сей...

Но от мещанской родословной
Я вас избавлю — и займусь
Моею повестью любовной,
Покамест вновь не занесусь.

СКАЗКА О ПОПЕ И О РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ

Конспективная запись Пушкина
народной сказки на этот сюжет

Поп поехал искать работника. Навстречу ему *Балда*. Соглашается Балда идти ему в работники, платы требует только три щелка в лоб попу. Поп радехонек, попадья говорит: «Каков будет *щёлк*». Балда дюж и работящ, но срок уж близок, а поп начинает беспокоиться. Жена советует отослать Балду в лес к медведю, будто бы за коровой. Балда идет и приводит медведя в хлев. Поп посылает Балду с чертей оброк собирать. Балда берет пеньку, смолу да дубину, садится у реки, ударил дубиною в воду, и в воде охнуло. «Кого я там зашиб? старого али малого?» И вылез старый. — Что тебе надо? — «Оброк собираю». — А вот внука я к тебе пришлю с переговорами. — Сидит Балда да веревки плетет да смотрит. Бесенок выскочил. «Что ты, Балда?» — Да вот стану море морщить, да вас, чертей, корчить. — Бесенок перепугался. — Тот заплатит попу оброк, кто вот эту лошадь не обнесет три раза вокруг моря. — Бесенок не мог. Балда сел верхом и объехал. «Ах, дедушка! он не только что в охалку, а то между ног обнес лошадь вокруг». Новая выдумка: «Кто прежде обежит около моря?» — «Куда тебе со мной, бесенок? да мой меньшой брат обгонит тебя, не только что я». — А где-то меньшой брат? — У Балды были в мешке два зайца. Он одного пустил, бесенок, запыхавшись, обежал, а Балда гладит уже другого, приговаривая: «Устал ты, бедненький братец, три раза обежал около моря». Бесенок в отчаянье. Третий способ — дед дает ему трость — «Кто выше бросит?» Балда ждет облака, чтоб зашвырнуть ее туда и проч. Принимает оброк в бездонную шапку. Поп, видя Балду, бежит — и берет его в мешке,

вместо сухарей — утопляет ночью попадью вместо его — и проч.

Балда у царя. Дочь одержима бесом. Балда под страхом виселицы берется вылечить царевну. С нею ночует — берет с собою орехи железные и старые карты да молоток — знакомого бесенка заставляет грызть железные орехи; играет с ним в *щелчки* и бьет бесенка молотком. На другую ночь то же. На третью делает куколку на пружинах, у которой рот открывается. «Что такое, Балда?» — Пить хочет — всунь ему стручок-то свой, свою дудочку в рот. Бесенок пойман и высечен и проч.

СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ...

I

Конспективная запись Пушкина
народной сказки на этот сюжет

1

Некоторый царь задумал жениться, но не нашел по своему праву никого. Подслушал он однажды разговор трех сестер. Старшая хвалилась, что государство одним зерном накормит, вторая, что одним куском сукна оденет, третья — что с первого года родит 33 сына. Царь женился на меньшей, и с первой ночи она понесла. Царь уехал воевать. Мачеха его, завидуя своей невестке, решила ее погубить. После девяти месяцев царица благополучно разрешилась 33 мальчиками, а 34-й уродился чудом — ножки по колено серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звезда, в заволоче месяц; послали известить о том царя. Мачеха задержала гонца по дороге, напоила его пьяным, подменила письмо, в коем написала, что царица разрешилась не мышью, не лягушкой, неведомой зверюшкой. Царь весьма опечалился, но с тем же гонцом повелел дожидаться приезда его для разрешения. Мачеха опять подменила приказ и написала повеление, чтоб заготовить две бочки: одну для 33 царевичей, а другую для царицы с чудесным сыном — и бросить их в море. Так и сделано.

Долго плавали царица с царевичем в засмоленной бочке — наконец, море выкинуло их на землю. Сын заметил это. «Матушка ты моя, благослови меня на то, чтоб рассыпались обручи, и вышли бы мы на свет». — Господь благослови тебя, дитятка. — Обручи лопнули, они вышли на остров. Сын избрал место и с благословения

матери вдруг выстроил город и стал в оном жить да править. Едет мимо корабль. Царевич остановил корабельщиков, осмотрел их пропуск и, узнав, что едут они к Султану Султановичу, турецкому государю, обратился в муху и полетел вслед за ними. Мачеха хочет его поймать, он никак не дается. Гости корабельщики рассказывают царю о новом государстве и о чудесном отроке — ноги серебряные и проч. «Ах, — говорит царь, — поеду посмотреть это чудо». — Что за чудо, — говорит мачеха, — вот это чудо: у моря лукомория стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идет — сказки рассказывает, вниз идет — песни поет. — Царевич прилетел домой и с благословенья матери перенес перед дворец чудный дуб.

Новый корабль. То же опять. Тот же разговор у Султана. Царь опять хочет ехать. «Что это за чудо, — говорит опять мачеха, — вот что чудо: за морем стоит гора, и на горе два борава, борозы грызутся, а меж ими сыплется золото да серебро» и проч. Третий корабль и проч. так же. «Что за чудо, а вот чудо: из моря выходит 30 отроков точь-в-точь равны и голосом, и волосом, и лицом, и ростом, а выходят они из моря только на один час».

Тужит царица об остальных своих детях. Царевич с ее благословенья берется их отыскать. «Нацеди ты, матушка, своего молока, ты замеси 30 лепешечек». Он идет к морю, море всколыхалось, и вышли 30 юношей и с ними старик. — И царевич спрятался и оставил одну лепешечку. Один из них и съел ее. «Ах, братцы, — говорит он, — до сих пор не знали мы материнского молока, а теперь узнали». Старик погнал их в море. На другой день вышли они опять, и все съели по лепешке, и poznали брата своего. На третий вышли без старика, и царевич привел всех братьев своих к своей матери. Четвертый корабль. То же самое. Мачехе уже более делать нечего. Царь Султан едет на остров, узнает свою жену и детей и возвращается с ними домой, а мачеха умирает.

2

Царь не имеет детей. Слушает трех сестер: когда б я была царица, то я бы всякий день пиры. Вторая: когда бы я была царицей, завела бы хоромы... На другой день свадьба. Зависть первой жены; война, царь на войне; царевна рождает сына, гонец etc. ... Царь умирает бездетен. Избирают его царем. Оракул, буря, ладья. Он правит во славе — едет корабль у Салтана. Речь о новом государе. Салтан хочет слать послов, царица посылает своего поверенного гонца, который клеветает. Царь объявляет войну. Царица узнает с башни.

Первоначальная редакция начала сказки

Три девицы под окном
 Пряли поздно вечерком.
 «Если б я была царица, —
 Говорит одна девица, —
 То на весь народ одна
 Наткала б я полотна».
 «Если б я была царица, —
 Говорит ее сестрица, —
 То сама на весь бы мир
 Заготовила б я пир»,
 «Если б я была царица, —
 Третья молвила девица, —
 Я для батюшки царя
 Родила б богатыря».

Только успела она выговорить эти слова, как дверь отворилась — и царь вошел без доклада. — Царь имел привычку гулять поздно по городу и подслушивать речи своих подданных. Он с приятною улыбкою подошел к меньшей сестре, взял ее за руку и сказал: будь же царицею и роди мне царевича; потом, обратясь к старшей и средней, сказал он: ты будь у меня при дворе ткачихой, а ты кухаркою. — С этим словом, не дав им образумиться, царь два раза свистнул; двор наполнился воинами и царедворцами, — серебряная карета подъехала к самому крыльцу. Царь сел в нее с новою царицей — а своячениц везти во дворец — их посадили в телеги, и все поскакали...

СКАЗКА
О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ
И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ

Конспективная запись Пушкина
народной сказки на этот сюжет

Царевна заблудилась в лесу. Находит дом пустой — убирает его. Двенадцать братьев приезжают. «Ах, — говорят, — тут был кто-то — али мужчина, али женщина; коли мужчина, будь нам отец родной, али брат названный; коли женщина, будь нам мать, али сестра»... Сии братья враждуют с другими двенадцатью богатырями; уезжая, они оставляют сестре платок, сапог и шапку. «Если кровию нальются, то не жди нас». — Приезжая назад, спят они сном богатырским. Первый раз — 12 дней, второй — 24, третий — 31. Противники приезжают и пируют. Она подносит им сонных капель... и проч.

Мачеха ее приходит в лес под видом нищенки — собаки ходят на цепях и не подпускают ее. Она дарит царевне рубашку, которую та надев, умирает. Братья хоронят ее в гробнице, натянутой золотыми цепями к двум соснам. Царевич влюбляется в ее труп, и проч.

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

В черновой рукописи — после стиха «Не садися не в свои сани!» (стр. 308) имеется следующий эпизод, не включенный Пушкиным в окончательный текст:

Проходит другая неделя,
Вздурилась опять его старуха,
Отыскать мужика приказала —
Приводят старика к царице,
Говорит старику старуха:
«Не хочу я быть вольною царицей,
Я хочу быть римскою папой!»
Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.
Пошел он к синему морю,
Видит: бурно черное море,
Так и ходят сердитые волны,
Так и воют воем зловещим.
Стал он кликать золотую рыбку.

Добро, будет она римскою папой.

Воротился старик к старухе,
Перед ним монастырь латынский,
На стенах латынские монахи
Поют латынскую обедню.
Перед ним вавилонская башня.
На самой на верхней на макушке

Сидит его старая старуха.
На старухе сарачинская шапка,
На шапке венец латынский,
На венце тонкая спица,
На спице Строфилус птица.
Поклонился старик старухе,
Закричал он голосом громким:
«Здравствуй, ты, старая баба,
Я чай, твоя душенька довольна?»
Отвечает глупая старуха:
«Врешь ты, пустое городишь,
Совсем душенька моя не довольна,
Не хочу я быть римскою папой,
А хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтоб служила мне рыбка золотал
И была бы у меня на посылках».

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОЭМЫ ПУШКИНА

В пушкинском творчестве поэмы занимают самое большое место наряду с лирикой. Пушкиным написано двенадцать поэм (одна из них — «Тазит» — осталась неоконченной), и еще более двенадцати сохранилось в набросках, планах, начальных строках.

В лицее Пушкин начал, но не закончил очень слабую, еще совсем детскую шутливую поэму «Монах» (1813) и шутливую сказочную поэму «Бова» (1814). В первой — пародируется в духе вольтеррианского вольнодумия христианская церковная легенда, во второй — популярная народная сказка.

В этих произведениях юный Пушкин еще не самостоятельный поэт, а только необыкновенно талантливый ученик своих предшественников, русских и французских поэтов (Вольтера, Карамзина, Радищева). Не с этих юношеских опытов начинается история пушкинской поэмы; да они и не были напечатаны при жизни автора.

В 1817 году Пушкин начал самую большую свою поэму — «Руслан и Людмила» — и писал ее целых три года.

Это были годы подъема революционных настроений среди дворянской молодежи, когда создавались тайные кружки и общества, подготовившие декабрьское восстание 1825 г.

Пушкин, не будучи членом тайного общества, был одним из крупнейших деятелей этого движения. Он единственный в эти годы (до ссылки на юг) писал революционные стихи, которые тотчас в рукописных копиях расходились по всей стране.

Но и в легальной, печатной литературе Пушкину пришлось вести борьбу с реакционными идеями. В 1817 г. Жуковский напечатал фантастическую поэму «Вадим» — вторую часть большой поэмы «Двенадцать спящих дев» (первая часть ее — «Громобой» — вышла еще в 1811 г.). Стоя на консервативных позициях, Жуковский хотел этим произведением увести молодежь от политики в область романтических, религиозно окрашенных мечтаний. Его герой (которому поэт не случайно дал имя Вадима — легендарного героя восстания новгородцев против князя Рюрика) — идеальный юноша, стремящийся к подвигам и в то же время чувствующий в своей душе таинственный зов к чему-то неизвестному, потустороннему. Он в конце концов преодолевает все земные соблазны и, следуя неуклонно этому зову, находит счастье в мистическом соединении с одной из двенадцати дев, которых он пробуждает от их чудесного сна. Действие поэмы происходит то в Киеве, то в Новгороде. Вадим побеждает великана и спасает киевскую княжну, которую предназначает ему в жены ее отец. Эта поэма написана с большой поэтической силой, прекрасными стихами, и Пушкин имел все основания опасаться сильнейшего влияния ее на развитие молодой русской литературы. К тому же «Вадим» был в то время единственным крупным произведением, созданным представителем новой литературной школы, только что окончательно победившей в борьбе с классицизмом.

На «Вадима» Пушкин ответил «Русланом и Людмилой», тоже сказочной поэмой из той же эпохи, с рядом сходных эпизодов. Но все ее идейное содержание резко полемично по отношению к идеям Жуковского. Вместо таинственно-мистических чувств и почти бесплотных образов — у Пушкина все земное, материальное; вся поэма наполнена шутилой, озорной эротикой (описание свадебной ночи Руслана, приключения Ратмира у двенадцати дев, попытки Черномора овладеть спящей Людмилой и т. п.).

Полемический смысл поэмы вполне раскрывается в начале четвертой песни, где поэт прямо указывает на объект этой полемики — поэму Жуковского «Двенадцать спящих дев» — и издевательски пародирует ее, превращая ее героинь, мистически настроенных чистых дев, «инокинь святых», в легкомысленных обительниц придорожной «гостиницы», заманивающих к себе путников.

Остроумная, блестящая, искрящаяся весельем поэма Пушкина сразу рассеяла мистический туман, окружавший в поэме Жуковского народные сказочные мотивы и образы.

Жуковский сам признал свое поражение в этой литературной борьбе, подарив Пушкину свой портрет с надписью: «Победителю

ученику от побежденного учителя, в тот высоко-торжественный день, когда он окончил свою поэму «Руслан и Людмила».

Эта поэма поставила Пушкина на первое место среди русских поэтов. О нем стали писать и в западноевропейских журналах.

Однако, будучи крупнейшим явлением в русской литературе и общественной жизни, шутившая сказочная поэма Пушкина еще не ставила русскую литературу в один ряд с литературой Запада, где действовали в те годы Гете в Германии, Байрон и Шелли в Англии, Шатобриан и Беньжамен Констан во Франции, каждый по-своему решавшие в своем творчестве важнейшие вопросы современности.

С 1820 года Пушкин включается в этот ряд, создавая одну за другой свои романтические поэмы, серьезные и глубокие по содержанию, современные по проблематике и высокопоэтические по форме. С этими поэмами («Кавказский пленник», «Братья разбойники», «Бахчисарайский фонтан») в русскую литературу входит новое направление: передовой, революционный романтизм — поэтическое выражение чувств и взглядов самого передового общественного слоя, революционно настроенной дворянской молодежи, наиболее активной частью которой были декабристы. Резкое недовольство всем окружающим, всем общественным укладом, при котором жизнь представляется тюрьмой, а человек — узником; пламенное стремление к свободе; свобода как предмет почти религиозного культа¹ — это одна сторона мироощущения революционных романтиков 20-х годов. В то же время их социальное одиночество, отсутствие живой связи с народом, страданиям которого они глубоко сочувствовали, но чью жизнь плохо знали и мало понимали, — все это придавало трагический и крайне субъективный, индивидуалистический характер их мировоззрению. Чувства и трагические переживания одинокой, гордой, высоко над толпой стоящей личности стали основным содержанием романтического творчества Пушкина. Протест против всякого гнета, тяготеющего над человеком в «цивилизованном» обществе, — гнета политического, социального, морального, религиозного, — заставлял его, как и всех революцион-

¹ Свобода! он одной тебя
Еще искал в пустынном мире...

И с верой, пламенной мольбою
Твой гордый идол обнимал.

(«Кавказский пленник»)

ных романтиков того времени, сочувственно изображать своего героя преступником, нарушителем всех принятых в обществе норм — религиозных, юридических, моральных. Излюбленный романтиками образ — «преступник и герой», который «и ужаса людей и славы был достоин». Наконец, характерным для романтиков было стремление увести поэзию от воспроизведения ненавистной им обыденной действительности в мир необычного, экзотики, географической или исторической. Там они находили нужные им образы природы — могучей и мятежной («пустыни, волн края жемчужны, и моря шум, и груды скал») — и образы людей, гордых, смелых, свободных, не затронутых еще европейской цивилизацией.

Большую роль в поэтическом воплощении этих чувств и переживаний сыграло творчество Байрона, во многом близкое мироощущению русских передовых романтиков. Пушкин, а за ним и другие поэты использовали прежде всего удачно найденную английским поэтом форму «байронической поэмы», в которой чисто лирические переживания поэта облечены в повествовательную форму с вымышленным героем и событиями, далекими от реальных событий жизни поэта, но прекрасно выражающими его внутреннюю жизнь, его душу. Он постиг, создал и описал единый характер (именно свой). «Он создал, — писал Пушкин в заметке о трагедиях Байрона, — себя вторично, то под чалмою ренегата, то в плаще корсара, то гяуром, издыхающим под схимиею...» (см. т. 6). Так и Пушкин в своих романтических поэмах пытался «создать себя вторично»: то пленником на Кавказе, то бежавшим «неволи душных городов» Алеко. Пушкин сам не раз указывал на лирический, почти автобиографический характер своих романтических героев.

Внешние особенности южных поэм Пушкина также связаны с байроновской традицией: простой, неразвитый сюжет, малое количество действующих лиц (двое, трое), отрывочность и иногда нарочитая неясность изложения.

Всегдашнее свойство пушкинского поэтического таланта — умение зорко наблюдать действительность и стремление точными словами говорить о ней. В поэмах это сказалось в том, что, создавая романтические образы природы и людей, Пушкин не выдумывал их, не писал (как, например, Байрон о России или, позже, Рылеев о Сибири) о том, чего сам не видел, а всегда основывался на живых личных впечатлениях — Кавказа, Крыма, бессарабских степей.

Поэмы Пушкина создали и надолго предопределили тип романтической поэмы в русской литературе. Они вызвали многочисленные подражания второстепенных поэтов, а также оказали силь-

ное влияние на творчество таких поэтов, как Рылеев, Козлов, Баратынский и, наконец, Лермонтов.

Помимо «Кавказского пленника», «Братьев разбойников» и «Бахчисарайского фонтана», написанных до 1824 г. и вскоре напечатанных, Пушкин задумывал и другие романтические поэмы. «У меня в голове бродят еще поэмы», — писал он Дельвигу в марте 1821 г. В рукописях его остались наброски нескольких поэм, где Пушкин по-разному, с различными сюжетами и в различной национальной среде, думал разработать тот же «героический» или «преступный» романтический образ и показать его неминуемо трагическую судьбу (см. отрывки и планы поэм). Отрывок одной из таких поэм, где героем должен был стать атаман волжских разбойников, Пушкин напечатал под заглавием «Братья разбойники». Сохранилось и начало большой романтической поэмы «Вадим».

Весной 1821 года Пушкин написал небольшую поэму «Гавриилиада», остроумную, блестящую антирелигиозную сатиру — отклик на усилившуюся политическую реакцию, окрашенную в эти годы мистикой и религиозным ханжеством.

В 1823 году Пушкин переживает сильнейший кризис своего романтического мировоззрения. Разочаровавшись в надежде на близкое осуществление победы революции сначала на Западе, а затем и в России — а в этой победе Пушкин, полный «беспечной веры», был совершенно убежден, — он скоро разочаровался и во всех своих романтических идеалах — свободы, возвышенного героя, высокого назначения поэзии, романтической вечной любви. Он пишет в это время ряд мрачных, горьких стихотворений, изливая в них свою «желчь» и «цинизм» (по его выражению): «Сеятель», «Демон», «Разговор книгопродавца с поэтом» (а немного позже — «Сцену из Фауста») и другие, оставшиеся в рукописи неоконченными. В этих стихах он подвергает горькому осмеянию все основные положения своего романтического мировоззрения.

К числу подобных произведений относится и поэма «Цыганы», написанная в 1824 г. Ее содержание — критическое разоблачение романтического идеала свободы и романтического героя. Романтический герой Алеко, попавший в желанную для него обстановку полной свободы, возможности беспрепятственно делать все, что ему хочется, — обнаруживает свою подлинную сущность: он оказывается эгоистом и насильником. В «Цыганах» развенчивается и сам романтический идеал неограниченной свободы. Неумение выйти за пределы чисто романтического, субъективного взгляда на жизнь неминуемо приводит поэта к глубоко мрачному

заклучению о том, что счастье на земле невозможно «и от судеб защиты нет». «Цыганы» — поэма переломного, переходного периода — является в идейном и художественном отношении громадным шагом вперед по сравнению с предыдущими поэмами. Несмотря на вполне романтический характер и стили ее, и экзотической обстановки, и героев, Пушкин здесь впервые применяет метод чисто реалистической проверки верности своих романтических идеалов. Он не подсказывает речей и действий своим персонажам, а просто помещает их в данную обстановку и прослеживает, как они проявляют себя в обстоятельствах, с которыми сталкиваются. Эта «объективная» позиция автора «Цыган» по отношению к действиям и чувствам его героев сказалась и в самой форме: большинство эпизодов поэмы даны в диалогах, в драматической форме, где отсутствует голос автора, а говорят и действуют сами персонажи.

«Цыганы» — произведение, в котором глубже всего отразился кризис мировоззрения Пушкина-романтика; в то же время по методу разработки темы оно открывало новые пути в творчестве Пушкина — пути к реализму.

Летом 1824 года Пушкин был выслан из Одессы в Михайловское, без права выезда оттуда. Постоянное и близкое общение с крестьянами, с народом, видимо, более всего другого содействовало преодолению тяжелого кризиса в мировоззрении поэта. Он убедился в несправедливости своих горьких упреков народу в желании бороться за свою свободу¹, он понял, что «свобода» не есть какое-то отвлеченное морально-философское понятие, а конкретно-историческое, всегда связанное с общественной жизнью, и за такую свободу — политическую, экономическую — народ всегда неустанно боролся (постоянные крестьянские бунты против помещиков, не говоря уже о восстаниях Пугачева, Разина или эпохи «Смутного времени»). Он должен был увидеть, что все его разочарования в прежних романтических идеалах — результат недостаточного знания самой действительности, ее объективных закономерностей, результат малого поэтического интереса к ней самой. В 1825 г. в творчестве Пушкина происходит крутой поворот. Окончательно порвав с романтизмом, Пушкин выходит из своего кризиса. Его

¹ Паситесь, мирные народы!
Вас не пробудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

(«Свободы сеятель пустынный...», 1823)

поэзия приобретает ясный и в целом светлый, оптимистический характер. Прежняя задача его поэзии (выражение своих собственных чувств и страданий, поэтический отклик на несовершенства жизни, противоречащей субъективным, хотя и благородным требованиям романтика, воплощение романтических идеалов в образах необычного — экзотической, идеализированной природы и необыкновенных героев) заменяется новой. Пушкин сознательно делает свою поэзию средством познания отвергавшейся им прежде обычной действительности, стремится актом поэтического творчества проникнуть в нее, понять ее типичные явления, объективные закономерности. Стремление верно объяснить человеческую психологию неминуемо приводит его к изучению и художественному воплощению общественной жизни, к изображению в тех или иных сюжетных формах социальных конфликтов, отражением которых и является психология человека.

То же стремление познать действительность, современность толкает его и к изучению прошлого, к воспроизведению важных моментов истории.

В связи с этими новыми творческими задачами изменяется и характер изображаемых объектов у Пушкина, и самый стиль изображения: вместо экзотики, необычного — обыденная жизнь, природа, люди; вместо поэтически-возвышенного, отвлеченного, метафорического стиля — простой, близкий к разговорному, но тем не менее высокопоэтический стиль.

Пушкин создает новое направление в литературе — реализм, сделавшийся позже (с 40-х годов) ведущим направлением русской литературы.

Основное, преимущественное воплощение этого нового, реалистического направления, этих новых задач верного познания действительности и ее законов Пушкин дает в это время не столько в поэмах, сколько в других жанрах: в драме («Борис Годунов», «Маленькие трагедии»), в прозаической повести («Повести Белкина», «Капитанская дочка» и др.), в стихотворном романе — «Евгений Онегин». В этих жанрах Пушкину легче было осуществлять новые принципы и разрабатывать новые методы реалистического творчества.

Своего рода манифестами этого нового направления в русской литературе были историческая народная трагедия «Борис Годунов» (1825) и центральные главы «Евгения Онегина»¹ (1825—1826).

¹ Первоначальный замысел (1823) и первые главы романа относятся еще к периоду пушкинского кризиса. Реалистические образы в них даны полемически, в целях издевательского бытового

В это же время (в декабре 1825 г.) Пушкин написал и первую реалистическую поэму — шутливого, безоблачно-веселого «Графа Нулина». В нем на простой, почти анекдотический сюжет нанизано множество прекрасных, превращенных в подлинную поэзию картин, пейзажей, разговоров самого обыденного, «прозаического», бытового содержания. Здесь встречаются почти все те образы, которыми Пушкин в полусерьезной-полушутливой строфе из «Путешествия Онегина» характеризует свой новый реалистический стиль, в противоположность романтическим «грудам скал», «шуму моря», «пустыням», образу «гордой девы»: ¹ здесь и косогор, и забор, и серенькие тучи на небе, и дождливая пора, и задний двор, и утки, и даже «хозяйка» (хотя и плохая) в качестве героини поэмы...

Разгром декабрьского восстания 1825 г. и наступившая вслед за этим политическая и общественная реакция, временная остановка в развитии русского революционного движения изменили характер русской литературы: из нее на несколько лет ушла тема борьбы за свободу. Пушкин, возвращенный Николаем I из ссылки, получивший возможность общаться с друзьями, пользующийся громадной популярностью среди публики, тем не менее не чувствовал себя счастливым.

Душная общественная атмосфера после разгрома декабристов, реакционные, трусливые, обывательские настроения, поддерживаемые новой реакционной журналистикой, воцарившиеся в обществе и заразившие многих из его друзей, — все это вызывало временами у Пушкина приступы полного отчаяния, выразившиеся в таких стихах его, как «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?..» или «В степи мирской, печальной и безбрежной...»

снижения традиционных романтических образов и ситуаций. «...Пишу новую поэму, «Евгений Онегин», где захлебываюсь желчью» (письмо к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г.; «...Не верь Н. Раевскому, который бранит его («Евгения Онегина». — С. Б.) — он ожидал от меня романтизма, нашел сатиру и цинизм и порядочно не расчухал» (письмо к брату от января — февраля 1824 г.).

¹ Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых.
Мой идеал теперь — хозяйка...

.....
Порой дождливою наведи
Я, завернув на скотный двор...

(Отрывки из «Путешествия Онегина», 1829).

(«Последний ключ — холодный ключ забвенья, он слаще всех жар сердца утолит»).

Мысль о том, что смерть предпочтительней жизни, Пушкин думал положить в основу начатой им в 1826 г. мрачной поэмы о герое евангельской легенды — Агасфере («Вечном Жиде»), наказанном за свое преступление перед богом бессмертием. Однако эти мрачные темы остались временным эпизодом в творчестве Пушкина. Он сумел преодолеть свое тяжелое настроение, и поэма об Агасфере была оставлена в самом начале.

В эти годы общественного упадка творческая работа Пушкина не прекращается, но он разрабатывает в это время темы, непосредственно не связанные с темой освободительного движения. Предметом пристального внимания поэта становятся человеческая психика, характеры, «страсти», их влияние на душу человека (центральные главы «Евгения Онегина», «Маленькие трагедии», наброски прозаических повестей).

Среди произведений Пушкина 1826—1830 гг., вдохновленных «психологической» темой, мы не находим ни одной поэмы. Более подходящей формой для художественного анализа человеческой психологии были роман в стихах, драматический этюд, прозаический рассказ или повесть.

В эти годы Пушкин пишет и ряд крупных произведений политического содержания. В его творчестве этого времени находит свое воплощение тема русского государства, судьбы России в борьбе с Западом за свою самостоятельность. Параллельно с этим он поэтически разрабатывает и важнейшую тему *многонациональности русского государства*, пишет об исторической закономерности объединения в одно государственное целое множества различных народов. В поэме «Полтава» эти темы развиваются на историческом материале борьбы России начала XVIII в. с сильнейшим тогда военным государством — Швецией. Здесь же Пушкин поэтически раскрывает свою оценку взаимоотношений России и Украины. В другой, неоконченной поэме «Тазит» на основании впечатлений Пушкина от его второго кавказского путешествия (1829 г.) празмышлений о сложности и трудности вопроса о прекращении вражды народов Кавказа с русскими развивается та же национально-политическая тема.

В 30-х годах творчество Пушкина снова почти целиком посвящается разработке социальных вопросов. Народ, крепостное крестьянство, его жизнь, его поэзия, его борьба за свое освобождение, становится одной из основных тем Пушкина — художника и историка, каким он делается в эти годы.

В эти годы Пушкин вводит в литературу нового героя — страдающего, угнетенного «маленького человека», жертву несправедливого социального устройства — в прозаической повести «Станционный смотритель», в начатом стихотворном романе «Езерский», в поэме «Медный всадник».

Пушкин остро реагирует на происходящие на его глазах изменения в классовом составе интеллигенции, в частности писательской среды. Если прежде «литературой у нас занимались только дворяне», как не раз повторял Пушкин, видя в этом причину независимого поведения писателя по отношению к власти, к правительству, то теперь все большую и большую роль в литературе начинают играть представители разночинной, буржуазной интеллигенции. В те годы эта новая демократия не была еще «революционной демократией», наоборот, большинство из ее деятелей, борясь с представителями господствующего дворянского, помещичьего класса за свое место в жизни, никаких оппозиционных настроений по отношению к правительству, к царю не обнаруживало.

Единственной силой, способной противопоставить свою независимость правительственному произволу, быть «мощным защитником» народа, Пушкин считал то дворянство, из которого вышли декабристы, дворянство обедневшее, но «с образованием», «с ненавистью против аристократии». «Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе, — писал Пушкин в дневнике. — Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется, много» (см. т. 7).

Эти мысли о роли старинного дворянства в освободительном движении (в прошлом и в будущем), осуждение представителей его, не понимающих своей исторической миссии и пресмыкающихся перед властью, перед «новой знатью», царскими прислужниками, — Пушкин воплощал не только в публицистических заметках, но и в художественных произведениях, в частности, они-то и составляют основное, главное содержание написанных Пушкиным первых строф «Езерского».

В 30-е годы Пушкину пришлось вести ожесточенную литературную борьбу. Его противниками были завладевшие читательской массой реакционные, трусливые, недобросовестные журналисты и критики, потакающие обывательским вкусам читателей из мелких помещиков и чиновников, не гнушающиеся политическими доносами на своих литературных врагов. Они преследовали Пушкина за все то новое, что он вводит в литературу, — реалистическое направление, простоту выражения, нежелание морализировать... Полемика с современной журналистикой о задачах литературы включена была Пушкиным в начальные строфы «Езерского», эта

же полемика составляет основное содержание целой поэмы — «Домик в Коломне».

Длинный ряд поэм, написанных с 1820 по 1833 г. Пушкин завершил «Медным всадником» — поэмой о конфликте между счастьем отдельной личности и благом государства. Это лучшее его произведение, замечательное как по необыкновенной глубине и смелости мысли, остроте поставленной поэтом исторической и социальной проблемы, так и по совершенству художественного выражения. Это произведение и до сих пор вызывает споры и различные толкования.

Пушкин использовал в своем творчестве многие жанры, но поэма всегда оставалась любимой формой для выражения его «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Почти каждый этап своего развития Пушкин отмечал поэмой, почти каждая из встававших перед ним жизненных проблем находила выражение в поэме. Громадное расстояние между легкой, блестящей поэмой двадцатилетнего Пушкина — «Руслан и Людмила» и глубоко философской поэмой «Медный всадник», написанной тридцатичетырехлетним мудрецом поэтом, — показывает наглядно стремительность пути Пушкина, крутизну вершины, на которую поднялся Пушкин, а вместе с ним и вся русская литература.

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА

Написана в течение 1817—1820 гг., напечатана в 1820 г. О замысле поэмы и полемическом ее характере — см. стр. 434. Однако значение «Руслана и Людмилы» не сводится только к полемике с реакционным романтизмом. Поэма поразила современников и сейчас восхищает читателей богатством и разнообразием содержания, удивительной живостью и яркостью картин, даже самых фантастических, блеском и поэтичностью языка. Не считая многочисленных и всегда неожиданных и остроумных шутиво-эротических эпизодов в «Руслане и Людмиле», мы встречаем то живые, почти «реалистически» увиденные поэтом образы фантастического содержания (например, описание гигантской живой головы во второй песне), то в нескольких стихах показанную исторически верную картину древнерусского быта (свадебный пир у князя Владимира в начале поэмы), хотя вся поэма совершенно не претендует на воспроизведение исторического колорита; иногда мрачные, даже трагические описания (сон Руслана и убийство его, смерть живой головы); наконец, описание боя киевлян с печенегами в последней песне, по мастерству мало чем уступающее знаменитому «полтав-

скому бою» в поэме «Полтава». В языке своей первой поэмы, используя все достижения предшественников — точность и изящество рассказа в стихах Дмитриева, поэтическую насыщенность и певучесть интонаций, «пленительную сладость стихов» Жуковского, пластическую красоту образов Батюшкова, — Пушкин идет дальше их. Он вводит в свой текст слова, выражения и образы народного просторечия, решительно избегавшиеся светской, салонной поэзией его предшественников и считавшиеся грубыми, непоэтическими. Уже в «Руслане и Людмиле» Пушкин положил начало тому синтезу различных языковых стилей, который явился его заслугой в создании русского литературного языка.

Лирический эпилог поэмы («Так, мира житель равнодушный...») был написан Пушкиным позже, во время ссылки на Кавказ (он не попал в первое издание поэмы и был напечатан отдельно в журнале «Сын отечества»). И тон, и идейное содержание эпилога резко отличаются от шутивно-беззаботного тона и веселого сказочного содержания поэмы. Они знаменуют переход Пушкина к новому направлению — романтизму.

В 1828 году Пушкин выпустил второе издание своей поэмы, существенно переработав ее. Он значительно исправил стиль, освободив его от некоторых неловкостей, свойственных его юношескому творчеству; выбросил из поэмы ряд мелких «лирических отступлений», малосодержательных и несколько кокетливых по тону (дань салонному стилю той эпохи). Уступая нападкам и требованиям критики, Пушкин сократил и смягчил некоторые эротические картины (а также свою поэтическую полемику с Жуковским)¹. Наконец, во втором издании появился незадолго перед тем написанный Пушкиным, пристально изучавшим в это время народное творчество, «пролог» («У лукоморья дуб зеленый...») — поэтическое собрание подлинно народных сказочных мотивов и образов, с ученым котом, который ходит по цепи, развешанной на ветвях дуба, поет песни и рассказывает сказки². Свою поэму о Руслане и Людмиле Пушкин теперь представляет читателям как одну из сказок, рассказанных котом.

¹ Некоторые из этих выпущенных Пушкиным из второго издания стихов приведены в разделе «Из ранних редакций» (стр. 385 — 386). Три места, измененные поэтом не по художественным соображениям, сохранены в тексте поэмы (в подстрочном примечании).

² Вот как говорится об этом в пушкинской записи со слов Арины Родионовны: «У моря лукомория стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идет — сказки рассказывает, вниз идет — песни поет» (см. «Из ранних редакций», стр. 426).

Появление в 1820 г. «Руслана и Людмилы» вызвало ряд статей в журналах и замечаний в частной переписке поэтов. Пушкин в предисловии к изданию 1828 г. упомянул о двух отрицательных суждениях о поэме старого поэта Дмитриева, шокированного вольностью шуток в «Руслане и Людмиле», а также почти полностью привел два отрицательных журнальных отзыва (см. раздел «Из ранних редакций», стр. 385—390). Один (за подписью *NN*) выражал отношение к поэме Пушкина круга П. А. Катенина — поэта и критика, близкого к декабристам, который причудливо совмещал в своих литературных взглядах романтические требования «народности» и крайний рационализм, свойственный классицизму. Автор этой статьи в длинной серии придирчивых вопросов упрекал поэта за разного рода непоследовательности и противоречия, критикуя шутивную и сказочную поэму по законам классического «правдоподобия». Другая статья исходила из противоположного, реакционного лагеря — журнала «Вестник Европы». Ее автор, с семинарской неуклюжестью защищая светский, салонный характер литературы, возмущается сказочными образами поэмы, «простонародными» картинами и выражениями («вдавлю», «пред носом», «чихнула» и т. д.).

Сам Пушкин в 1830 г. в неоконченной статье «Опровержение на критики» (см. т. 6), возражая против обвинений в неприличии и безнравственности, видел главный недостаток своей юношеской поэмы в отсутствии в ней подлинного чувства, замененного блеском остроумия: «Никто не заметил даже, — писал он, — что она холодна».

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

Написана в 1820—1821 гг. Напечатана в 1822 г. Это — первая романтическая поэма Пушкина. Поэт, создавая ее, ставил перед собой несколько задач. Во-первых, дать поэтический образ нового, «романтического героя», переживания которого близки самому автору и в то же время характерны для эпохи. «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века», — писал Пушкин своему другу В. П. Горчакову в октябре — ноябре 1822 г. Вторая задача — противопоставить отвергаемой романтиком обыденной, прозаической действительности яркие и впечатляющие картины могучей и дикой природы Кавказа и быта черкесов. Третьей задачей Пушкина было — выработать для этого совершенно нового содержания новый язык и стиль, эмоциональный, романтически

приподнятый и в то же время поэтически неясный, «туманный». Пушкин очень много работал над этой небольшой поэмой. В разделе «Из ранних редакций» (стр. 391) приведен первый вариант начала поэмы, носившей название «Кавказ». Отвергнув этот вариант, Пушкин начал писать снова, упорно работая над каждым образом, каждым словом и выражением. Дописав поэму в черновике до конца, он трижды переписывал ее собственноручно ед-бело, всякий раз то уничтожая написанное, то вставляя новое, то меняя композицию произведения. Много трудился молодой поэт над образом пленника. Кроме «старости души» и «равнодушия к жизни», ему хотелось воплотить в этом лирическом образе и страстную любовь к свободе, и ненависть к рабству, свойственные ему самому, и его же собственные страдания от неразделенной любви. Такое сочетание делало характер героя неясным и противоречивым. Пушкин сам был им недоволен; он писал в упомянутом письме 1822 г.: «Характер Пленника неудачен; доказывает это, что я не гождусь в герои романтического стихотворения». В 1830 г. он повторил то же в неоконченной статье «Опровержение на критики»: «Кавказский пленник» — первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил» (см. т. 6).

Гораздо более удалось Пушкину описание Кавказа и черкесов. Наблюдательность Пушкина помогла ему создать (правда, в несколько идеализированной форме) верные картины малозна-когого читателям быта и природы. Признавая, что эти слишком разросшиеся описания недостаточно мотивированы сюжетно, Пушкин все же был ими доволен: «Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести; но все это ни с чем не связано и есть истинный *hors d'oeuvre*»¹ (то же письмо). «Сам не понимаю, каким образом мог я так верно, хотя и слабо, изобразить нравы и природу, виденные мною издали», — писал он позже («Путешествие в Арзрум», черновой текст).

В эпилоге к этой лирической поэме Пушкин касается военно-политических вопросов. Несомненно, что поэт-романтик не собирался воспевать завоевательную политику русского правительства. «Пылкий Цицианов», Котляревский, «бич Кавказа» Ермолов, от приближения которого «Восток подъямлет вой», — в них молодой романтик искал живого воплощения того же идеала «романтического героя», который, по его словам, и «ужаса людей и славы был достоин».

Романтический стиль, созданный Пушкиным в «Кавказском пленнике», надолго сделался образцом стиля всех романтических поэм.

¹ привесок (франц.).

Несмотря на критические высказывания Пушкина по поводу своей поэмы, он все же любил ее. В черновом варианте его письма к Н. И. Гнедичу от 29 апреля 1822 г. читаем: «Вы видите, что отеческая нежность не ослепляет меня насчет «Кавказского пленника», но, признаюсь, люблю его сам, не зная за что; в нем есть стихи моего сердца. Черкешенка моя мне мила, любовь ее трогает душу». В 1829 г. в «Путешествии в Арзрум» он писал: «Здесь нашел я измаранный список «Кавказского пленника» и, признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно».

«Кавказский пленник» посвящен Н. Н. Раевскому (сыну героя Отечественной войны 1812 г.), близкому другу молодого поэта, поддержавшему его во время тяжелых событий весны 1820 г., предшествовавших ссылке на юг. «Ты знаешь нашу тесную связь, — писал Пушкин о Н. Раевском своему брату, — и важные услуги, для меня вечно незабвенные...» (письмо от 24 сентября 1820 г.).

ГАВРИИЛИАДА

Пушкин написал эту поэму в апреле 1821 г., не закончив еще работу над «Кавказским пленником». Писал он ее быстро и легко. Рукописи «Гавриилиады» Пушкин уничтожил, и текст ее известен нам по не вполне достоверным копиям, отчего некоторые стихи вызывают сомнение в их правильности.

«Гавриилиада» — не просто «прекрасная шалость», как называл поэму Вяземский, не озорная шутка, а своего рода политическое выступление против новых методов, применявшихся правительством Александра I в борьбе с освободительным движением: на помощь этой борьбе были призваны религия и мистика. Наука и литература, противоречащие «истинам» Библии и Евангелия, строжайше преследовались. Цензура (которую Пушкин в сказке «Царь Никита...» назвал «богомольной важной дурой, нашей чопорной цензурой») запрещала все, что ей казалось нарушением правил религии и нравственности. «...Какой-то стихотворец говорил о *небесных* глазах своей любезной. Цензор велел ему, вопреки просодии, поставить вместо *небесных* — *голубые*, — ибо слово *небо* приемлется иногда в смысле Высшего Промысла! В славной балладе Жуковского («Иванов вечер», подражание Вальтеру Скотту. — С. Б.) назначается свидание накануне Иванова дня; цензор нашел, что в такой великий праздник грешить неприлично, и никак не желал пропустить баллады Вальтер Скотта» (статья «Путешествие из Москвы в Петербург», черновой вариант

главы «О цензуре»). Самому Пушкину пришлось испытать на себе ханжескую придирчивость цензуры при публикации «Кавказского пленника». Цензор не пропустил выражений «долгий поцелуй разлуки» (пришлось изменить на «горький поцелуй»), «немного радостных ночей судьба на долю ей послала» (было изменено на «немного радостных ей дней судьба на долю ниспослала») и т. д. «Гавриилиада», в которой шутливо-эротически (почти до непристойности) пародируются эпизоды из Евангелия и Библии, была направлена одновременно и против религии, и против ханжеской морали. «Посылаю тебе поэму в мистическом роде, — шутил Пушкин в письме к Вяземскому от 1 сентября 1822 г., — я стал придворным». То же повторил он в первых строках стихотворения, сопровождавшего посылку поэмы кому-то из друзей:

Вот Муза, резвая болтунья,
Которую ты столь любил,
Раскаялась моя шалунья:
Придворный тон ее пленил...¹

В «Гавриилиаде» пародийно переосмыслиется евангельский рассказ о «благовещении» девы Марии и библейский — о грехопадении и изгнании из рая первых людей. Вот евангельский текст: «Послан был ангел Гавриил от бога в город галилейский, называемый Назарет, к деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же деве: Мария. Ангел, вошед к ней, сказал: Радуйся, благодатная! господь с тобою; благословенна ты между женами. Она же, увидев его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие. И сказал ей ангел: не бойся, Мария, ибо ты обрела благодать у бога, и вот зачнешь во чреве и родишь сына и наречешь ему имя Иисус... Мария же сказала ангелу: как будет это, когда я мужа не знаю? Ангел сказал ей в ответ: Дух святой найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя... Тогда Мария сказала: се раба Господня; да будет мне по слову твоему. И отошел от нее ангел» (Евангелие от Луки, гл. I, стихи 26—38).

О грехопадении Адама и Евы в Библии рассказано так: «Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал господь бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть.

¹ В черновом варианте: «Пример двора ее пленил».

И сказал змей жене: нет, не умрете; но знает бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья и сделали себе опоясания» (Книга Бытия, гл. 3, стихи 1—7).

В 1828 г., через семь лет после написания поэмы, Пушкину пришлось пережить большие неприятности из-за нее. Один из списков «Гавриилиады» был представлен петербургскому митрополиту, который передал это дело, как весьма важное в государственном отношении, в Верховную комиссию, решавшую все важнейшие дела в отсутствие Николая I, который был в это время в действующей (против турок) армии. Комиссия обратилась к Пушкину с вопросом, им ли написана эта поэма, и потребовала ее рукопись.

Пушкин, всего два года назад возвращенный из ссылки и для которого в это время «Гавриилиада» уже утратила свою политическую актуальность, попробовал отречься, заявив, что поэма написана не им, что список с нее он сделал себе еще в лицее, в 1815 или 1816 г., и затем потерял его.

В это время вернулся Николай I и потребовал, чтобы Комиссия еще раз допросила Пушкина, от кого он получил рукопись поэмы и кто ее автор. Пушкин писал в своем показании Комиссии: «Рукопись ходила между офицерами гусарского полка, но от кого из них именно я достал оную, я никак не упомяну. Мой список сжег я, вероятно, в 1820 году...»

В письме Вяземскому Пушкин, зная, что все его письма читаются полицией, и с прямым расчетом на это, пытался отвести от себя обвинение в авторстве «Гавриилиады» (а у Вяземского хранился посланный ему Пушкиным еще в 1822 г. автограф поэмы!) и приписать ее уже умершему и потому свободному от всяких репрессий сатирику князю Д. П. Горчакову. Он писал: «Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее.

Прямо, прямо на восток.¹

Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец «Гавриилиада»; приписывают ее мне; донесли на меня, и я, вероятно, отвечу за чужие проказы, если кн. Дмитрий

¹ Строка из стихотворения Жуковского «Путешественник».

Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность» (письмо от 1 сентября 1828 г.).

Между тем Николай I не поверил двукратному отречению Пушкина и, чтобы добиться от него признания, решил сыграть на его чувстве чести. Он приказал членам Верховной комиссии призвать Пушкина к себе и прочесть ему собственные слова императора: «сказать ему моим именем, что, зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтоб он помог правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем». Пушкин, подумав некоторое время, попросил разрешения написать ответ самому императору, минуя Комиссию. Разрешение, конечно, было дано, и Николаю I было передано в запечатанном виде письмо Пушкина. Письмо это до нас не дошло. Но, несомненно, оно содержало в себе признание; Николай I, не заинтересованный в том, чтобы новой ссылкой наказывать поэта за давние «грехи» (что стало бы известно всей Европе), предпочел прекратить это дело. Резолюция его была такая: «Мне это дело подробно известно и совершенно кончено». Этим «прощением», «милостью» царь связывал по рукам и ногам щепетильного поэта.

Впоследствии Пушкин сердился, когда ему напоминали о его «Гавриилиаде», и даже собирал и уничтожал ее списки.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ

Написана в 1821—1822 гг., напечатана в 1825 г. Представляет собой отрывок — вступление к большой, уничтоженной самим Пушкиным поэме «Разбойники». Поэт писал 13 июня 1823 г. А. Бестужеву, издававшему вместе с Рылеевым альманах «Полярная звезда»: «Разбойников я сюжет — и поделом. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского; если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читателей «Полярной звезды», то напечатай его». Сохранились два плана поэмы «Разбойники» (см. «Из ранних редакций», стр. 397, 398). Из них видно, что это была романтическая поэма (несколько напоминающая «Корсара» Байрона), в которой в качестве трагического мрачного и разочарованного героя выступал атаман волжских разбойников. В этом раннем плане еще не было эпизода о братьях-разбойниках. О его происхождении Пушкин сам писал Вяземскому 11 ноября 1823 г.: «Истинное происшествие подало мне повод записать этот отрывок. В 820 году, в бытность мою в Екатеринославе, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на

островке, потопление одного из стражей мною не выдуманы». Сначала Пушкин хотел сделать из этого небольшую балладу, «молдавскую песню» вроде «Черной шали».

Нас было два брата, мы вместе росли
И жалкую младость в нужде провели...

и т. д.

Но он отказался от этого замысла и вставил эпизод о братьях-разбойниках в поэму «Разбойники» как вступление, еще до появления главного героя.

«Братья разбойники» отличаются от других романтических поэм своим стилем и языком. Пушкин переходит от романтически приподнятого лирического стиля к живому просторечию. (Недаром он шутил в письме к Бестужеву о «нежных ушах читателей».) В некоторых местах поэмы Пушкин старается приблизиться к стилю народной песни (стихи «Ах юность, юность удалая» и след.), причем и это просторечье, и народные выражения, в отличие от «Руслана и Людмилы», лишены комической окраски. О языке своей поэмы Пушкин писал Вяземскому 14 октября 1823 г.: «Замечания твои насчет моих «Разбойников» несправедливы; как сюжет *c'est un tour de force*¹, это не похвала, напротив; но как слог, я ничего лучше не написал».

Кроме попытки приближения к народному языку и стилю, в «Братьях разбойниках» существенно было и само содержание поэмы. Крестьяне, ставшие разбойниками от крайней бедности, — эта тема была в то время злободневной. Центральные эпизоды поэмы — тюрьма, жажда освобождения и побег из тюрьмы — находили горячий отклик в сердцах передовых читателей, которые видели даже в этом аллегорический смысл — см. шутливые слова Вяземского в письме к А. И. Тургеневу от 31 мая 1823 г.: «Я благодарил его (Пушкина. — С. Б.) и за то, что он не отнимает у нас, бедных заключенных, надежду плавать и с кандалами на ногах» («Остафьевский архив князей Вяземских», т. II, СПб., 1899, стр. 327).

Уничтожив поэму «Разбойники», Пушкин перенес ее основное сюжетное положение в следующую поэму — «Бахчисарайский фонтан» (мрачный хан Гирей и две женщины — Зарема и Мария).

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН

Пушкин работал над этой поэмой в 1821, 1822 и 1823 гг. Напечатана поэма была в 1824 г. По своему характеру она прямо противоположна одновременно писавшимся «Братьям разбойникам». Поэма более всего приближается к канону романтической поэмы

¹ это трюк, фокус (франц.).

отрывочностью формы, иногда намеренной несвязностью хода рассказа, некоторой нарочитой неясностью содержания (например, судьба Заремы и Марии), лиризмом, проникающим всю поэму, и особенной музыкальностью стиха. В этом отношении «Бахчисарайский фонтан» представляет собой удивительное явление: музыкальный подбор звуков, мелодическое течение речи, необыкновенная гармония в развертывании, чередовании поэтических образов и картин выделяют эту поэму среди всех поэм Пушкина (например, стихи: «Беспечно ожидая хана...» и след. — стр. 128, или описание крымской ночи: «Настала ночь; покрылись тенью // Тавриды сладостной поля...» и далее — стр. 132, или последние двадцать стихов поэмы).

Образ романтического хана Гирея дан в поэме чересчур сжато и не очень удался Пушкину. Зато Зарема, по сравнению с черкешенкой — шаг вперед в создании живого характера с яркими индивидуальными чертами. Ее монолог в спальне Марии необыкновенно разнообразен по чувствам, тону и содержанию: здесь и молебь, и угрозы, и поэтический рассказ о раннем детстве, и выражение ревности, и воспоминание любви и счастья...

Большой лирический эпилог, говорящий о страданиях неразделенной любви самого поэта, Пушкин сократил для печати, «выпустив любовный бред», по его выражению, так как, видимо, опасался догадок и сплетен о его личной жизни и чувствах¹.

Отзывы Пушкина о его поэме почти все отрицательны: «Бахчисарайский фонтан», между нами, дрянь, но эпитафия его прелесть», — писал Пушкин Вяземскому 14 октября 1823 г. «Бахчисарайский фонтан» в рукописи назван был *Харемом*, но меланхолический эпитафия (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня». В статье «Опровержение на критики» (см. т. 6) Пушкин следующим образом сформулировал свое отношение к самой романтической из своих поэм: «Бахчисарайский фонтан» слабее «Пленника» и, как он, отзываясь чтением Байрона, от которого я с ума сходил. Сцена Заремы с Марией имеет драматическое достоинство... А. Раевский² хохотал над следующими стихами:

Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю — и с размаха
Недвигим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет etc.

¹ Несколько из этих выброшенных Пушкиным стихов сохранилось в рукописи. Они введены в текст поэмы (стихи от «Все думы сердца к ней летят...» — стр. 139, до «Свое безумство разглашать?» — стр. 140).

² Приятель Пушкина, старший брат Н. Раевского (которому посвящен «Кавказский пленник»).

Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои всегда содрогаются, хохочут дико, скрежещут зубами и проч. Все это смешно, как мелодрама.

Стр. 126. ...*Несет ли Польша свой закон*... — Имеется в виду длительная вражда крымских ханов с Польшей и набеги их на эту страну.

...*Иль козней Генуи лукавой?* — Генуэзская республика имела колонии в Крыму и даже после утери их вмешивалась в дела Крымского ханства. Пушкин допускает здесь анахронизм, так как в XVIII в. (к которому, видимо, относится действие поэмы) «козни» Генуи в Крыму давно прекратились.

ЦЫГАНЫ

Написана в 1824 г. и является поэтическим выражением мировоззренческого кризиса, который переживал Пушкин в 1823—1824 гг. Поэт с необычайной глубиной и пронизательностью ставит в «Цыганах» ряд важных вопросов, ответа на которые он еще не в состоянии дать. В образе Алеко выражены чувства и мысли самого автора. Недаром Пушкин дал ему свое собственное имя (Александр), а в эпизоде подчеркнул, что и сам он, как и его герой, жил в цыганском таборе.

Своего героя, романтического изгнанника, бежавшего, как и Кавказский пленник, в поисках свободы от культурного общества, где царит рабство, физическое и моральное, Пушкин помещает в среду, где нет ни законов, ни принуждения, никаких взаимных обязательств. Пушкинские «вольные» цыгане, несмотря на множество точно и верно воспроизведенных в поэме черт их быта и жизни, конечно, крайне далеки от подлинных бессарабских цыган, живших тогда в «крепостном состоянии» (см. в разделе «Из ранних редакций», стр. 401, черновое предисловие Пушкина к его поэме). Но Пушкину надо было создать своему герою такую обстановку, в которой он мог бы полностью удовлетворить свое страстное желание абсолютной, ничем не ограниченной свободы. И тут обнаруживается, что Алеко, требующий свободы для себя, не желает признавать ее для других, если эта свобода затрагивает его интересы, его права («Я не таков, — говорит он старому цыгану, — нет, я, не споря, от прав своих не откажусь»). Поэт развенчивает романтического героя, показывая, что за его стремлением к свободе стоит «безнадежный эгоизм». Абсолютная свобода в любви, как она осуществляется в поэме в действиях Земфиры и Мариулы, оказывается страстью, не создающей никаких духовных связей

между любящими, не налагающей на них никаких моральных обязательств. Земфире скучно, «сердце воли просит» — и она легко, без угрызений совести изменяет Алеко. Свободные цыгане, как оказывается, свободны лишь потому, что они «ленивы» и «робки душой», примитивны, лишены высоких духовных запросов. К тому же свобода вовсе не дает этим свободным цыганам счастья. Старый цыган так же несчастлив, как и Алеко, но только он смиряется перед своим несчастьем, считая, что это — нормальный порядок, что «чредою всем дается радость, что было, то не будет вновь».

Так Пушкин в своей поэме развенчал и традиционного романтического героя-свободолюбца, и романтический идеал абсолютной свободы. Заменить эти отвлеченные, туманные романтические идеалы какими-либо более реальными, связанными с общественной жизнью, Пушкин еще не умеет, и потому заключение поэмы звучит трагически-безнадежно:

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!..

И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

Эти выстраданные Пушкиным глубокие мысли и чувства облечены в «Цыганах» в совершенную поэтическую форму. Свободная и в то же время четкая и ясная композиция поэмы, яркие картины жизни и быта цыган, насыщенные лиризмом описания чувств и переживаний героя, драматические диалоги, в которых раскрываются конфликты и противоречия, составляющие содержание поэмы, включенные в поэму посторонние эпизоды — стихи о беззаботной птичке, рассказ об Овидии, — все это делает поэму «Цыганы» одним из лучших произведений молодого Пушкина.

Закончив поэму в октябре 1824 г., Пушкин не торопился с ее опубликованием. Во-первых, он думал еще обогатить критическое содержание поэмы, введя в нее речь Алеко к новорожденному сыну, в которой звучит горькое разочарование поэта в цепности науки и просвещения, того просвещения, которому Пушкин так искренне и преданно служил и до своего кризиса, и после него, до самой смерти. Этот монолог Алеко остался недоработанным в рукописи (см. «Из ранних редакций», стр. 400). Другой причиной задержки обнародования «Цыган» было, можно думать, то, что в это время (конец 1824 и 1825 г.) Пушкин уже преодолевал свой кризис романтизма, и ему не хотелось нести в публику столь сильное произведение, не выражающее уже его настоящие взгляды. «Цыганы» были напечатаны только в 1827 г. с пометкой на обложке: «Писано в 1824 году».

Стр. 147. *Меж нами есть одно преданье...* — Римский поэт Овидий был сослан императором Августом на берега Черного моря. Предания о жизни его там сохранились в Бессарабии.

Стр. 159. *...Где повелительные грани // Стамбулу русский указал...* — Бессарабия долго была театром русско-турецких войн. В 1812 г. там была установлена граница между Россией и Турцией.

ГРАФ НУЛИН

Написана в конце 1825 г., напечатана в 1827 г. Первая реалистическая поэма Пушкина. В «Графе Нулине» в живых, точных и в то же время поэтических картинах показана русская природа, жизнь и быт самых обыкновенных, ничем не выдающихся людей. Они привлекают теперь поэта, поставившего себе новую задачу — познать, закрепить в слове, в поэтическом образе не только экзотику и романтику, а весь обширный мир, окружающий его. Пушкин здесь полностью отходит от возвышенного, «романтического» стиля и говорит простым, почти разговорным языком, но в то же время высокопоэтическим, с быстрыми переходами от легкого шутивого тона к проникновенно-лирическому («Кто долго жил в глуши печальной...» и т. д.). «Граф Нулин» — единственная из четырех шутивых поэм Пушкина, в которой шутка, легкомысленный сюжет — не являются оружием в серьезной литературной или политической борьбе (в «Руслане и Людмиле» — против реакционного романтизма, в «Гавриилиаде» — против правительственного реакционного ханжества, в «Домике в Коломне» — против реакционных критиков-моралистов). Здесь Пушкин только иногда как бы слегка поддразнивает читателей и критиков, не привыкших к поэтическому восприятию обыденности. Сюда относятся, например, сцена первого появления героини поэмы — не ночью, при луне, в поэтической обстановке, как было принято в романтической поэме, а в заспанном виде, «в ночном чепце, в одном платочке»; описание заднего двора усадьбы; или такие небывалые еще в поэме стихи:

В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)
В деревне скучно, грязь, ненастье...

и т. д.

В заметке о «Графе Нулине» (1830; см. т. 6) Пушкин указывает, что его поэма представляет собой пародию на шекспировскую поэму «Лукреция», написанную на сюжет римской легенды об изгнании царей: сын царя Тарквиния Гордого Тарквиний обесчестил Лукрецию, жену находившегося на войне Коллатина. Лукреция

закололась, а Коллатин и его друг Брут подняли народное восстание, кончившееся изгнанием царей. В упомянутой заметке Пушкин полушутя говорит «о мелких причинах великих последствий». «Я подумал, — пишет он, — что, если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась. Публикола¹ не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те... Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась. Я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть».

Некоторые места в «Графе Нулине» действительно представляют собой остроумную пародию шекспировской поэмы. Вряд ли, однако, можно всерьез принимать слова Пушкина, что основной смысл «Графа Нулина» в пародировании мало кому известной поэмы Шекспира. Нет сомнения, что без этого указания самого поэта никому из исследователей не пришло бы в голову сделать подобные сопоставления — настолько далека «Лукреция» Шекспира от поэмы Пушкина и по сюжету, и по всему характеру. Правдоподобным кажется такое объяснение происхождения поэмы.

Летом 1824 г. Пушкин был сослан Александром I в деревню Михайловское без права выезда оттуда. На хлопоты друзей о возвращении его, на прошения самого Пушкина и его матери всякий раз следовал отказ. Пушкин задумал, получив разрешение, поехать для операции аневризма в Ревель и убежать оттуда за границу, но проведавшие об этом его друзья помешали его замыслу. Он пытался, переодевшись слугой, бежать за границу — и эта попытка не удалась. Положение свое Пушкин считал безнадежным, так как он знал упрямство Александра I и ненависть его к себе. И вдруг в начале декабря он получает известие о неожиданной смерти Александра I в Таганроге. Непредвиденность этого события, которое, как он был уверен, сулило ему скорое освобождение (Пушкин не знал о близком выступлении декабристов), и радость его по этому поводу и были, видимо, причиной как создания «в два утра» веселой, беззаботной поэмы, так и размышлений о громадной роли случайностей в жизни человека и в истории.

Ожесточенные нападки реакционной критики на «Графа Нулина», главным образом за его «безнравственность», «бессодержательность», за введение в «высокую» поэзию «прозаических» объектов изображения, очень волновали Пушкина. В рукописях его сохранились интересные рассуждения на эту тему, в которых в

¹ У Пушкина ошибка: надо Коллатин.

связи с критикой «Графа Нулина» поэт затрагивает серьезные вопросы о задачах литературы, о нравственности и нравоведении в литературе и т. п. (см. т. 6).

Стр. 163. ...*С ужасной книжкою Гизота*... — Французский историк и политический деятель Франсуа Гизо (Guizot) в это время подвергался преследованиям французского королевского правительства за свои политические брошюры и книга, где доказывал обреченность монархического режима.

ПОЛТАВА

Написана в 1828 г., напечатана в 1829 г. Начав весной 1828 г. и вскоре бросив работу, Пушкин вернулся к поэме осенью и необыкновенно быстро, по его словам, «в несколько дней», закончил свою вторую по величине (после «Руслана и Людмилы») поэму. Сохранился рассказ об этом со слов Пушкина в воспоминаниях его знакомого М. Юзефовича: «Это было в Петербурге. Погода стояла отвратительная. Он уселся дома, писал целый день. Стихи ему грезились даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах. Когда голод его прохватывал, он бежал в ближайший трактир, стихи преследовали его и туда, он ел на скорую руку что попало и убегал домой, чтобы записать то, что набралось у него на бегу и за обедом. Таким образом слагались у него сотни стихов в сутки. Иногда мысли, не укладывавшиеся в стихи, записывались им прозой. Но затем следовала отделка, при которой из набросков не оставалось и четвертой части» («Русский архив», 1880, т. III, с. 444).

«Полтава» была новаторским произведением, не понятым ни современниками, ни позднейшей критикой. В пределах одной поэмы Пушкин захотел объединить несколько важных политических и личных тем, волновавших его в ту эпоху, и, как казалось ему и его ближайшим друзьям — поэтам, он успешно осуществил эту задачу¹.

Первая тема «Полтавы» — судьба русского государства среди других европейских государств, способность русского народа отстоять свою самостоятельность в борьбе с сильнейшими противниками. Эта тема (борьба Карла XII с Петром) связывалась

¹ «Самая зрелая из всех моих стихотворных новостей, — писал Пушкин в заметке «Опровержение на критики...», — та, в которой все почти оригинально (а мы из этого только и бьемся, хоть это еще и не главное), «Полтава», которую Жуковский, Гнедич, Дельвиг, Вяземский предпочитают всему, что я до сих пор ни написал... «Полтава» не имела успеха» (см. т. 6).

в сознании Пушкина с недавними памятливыми еще ему событиями — нашествием Наполеона и поражением его, «когда падением ослабил муж рока свой попятный шаг». Пушкин считал, что, победив в тяжелой борьбе с могучим врагом, Россия показала свою внутреннюю крепость и силу.

Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Героем, стоящим в центре этой темы в «Полтаве», является Петр, а центральным эпизодом — Полтавский бой и пир после победы.

Другая тема, которая не могла не встать перед Пушкиным как государственным мыслителем, — тема многонациональности русского государства, исторической закономерности объединения разных наций в пределах одного государства и прочности их связи с русским народом и государством. Эту тему Пушкин развивает на примере Украины, поставив в центре образ Мазепы, пытавшегося при помощи шведских войск оторвать Украину от России. В поэме Пушкин (в строгом соответствии с историей) показывает Мазепу не как патриота, борющегося за освобождение своей родины¹, а как коварного властолюбца, на деле презирающего и свободу и родину. Эту национальную тему Пушкин, видимо, сначала хотел выдвинуть на первое место, назвав в рукописи свою поэму «Мазепа».

Пушкин не был бы великим гуманистом, если бы ограничился в своей поэме поэтическими размышлениями о государстве, восхваленном его мощи, забыв о человеке. Третья тема «Полтавы» — тема частного человека, раздавленного колесом истории. Мария — сильная и страстная женщина. Преодолев и религиозные препятствия, и проклятие родителей, и позор в глазах общества, она завоевывает себе счастье, но неожиданно и невинно погибает жертвой игры грандиозных и страшных исторических событий. Выделенная поэтом в конец поэмы (и в конец эпилога), драма Марии придает трагический характер и всему произведению. «Сильные характеры и глубокая, трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, вот что увлекло меня», — писал Пушкин о «Полтаве» в статье «Опровержение на критики».

Пушкин придавал большое значение исторической верности описания и освещения событий в своей поэме, так же как и изображения исторических лиц в ней. Он предпослал «Полтаве» в первом

¹ В противоположность Рылееву, именно так изобразившему Мазепу в своей романтической поэме «Войнаровский» (1825).

издании предисловие (см. «Из ранних редакций», стр. 405), где подчеркивал достоверность изображаемого, и сопровождал поэму примечаниями, цитируя в них подлинные исторические документы; он горячо полемизировал с критиками, упрекавшими его в искажении истории. Эту подлинно реалистическую по содержанию поэму Пушкин написал несколько приподнятым, поэтически украшенным стилем, напоминающим некоторыми чертами стиль народных украинских песен, исторических сказаний, дум (см. начало поэмы — «Богат и славен Кочубей...», или описание красоты Марии, или стихи «Не серна под утес уходит...», поэтический монолог Кочубея о трех кладах; звучащие, как песня, стихи о казаке: «Кто при звездах и при луне так поздно едет на коне?»¹).

«Полтаве» предпослано необыкновенно поэтическое, полное глубокого чувства посвящение. Кому оно адресовано — до сих пор точно не установлено. Есть предположение, что Марии Волконской (урожденной Раевской), жене декабриста С. Н. Волконского, поехавшей за мужем в сибирскую каторгу.

Стр. 200. ...*Так оный хитрый кардинал* — кардинал Монтальто (XVI в.). Больной, ходивший на костылях, он был выбран на папский престол (под именем Сикста V) кардиналами, которые думали, пользуясь его слабостью, распорядиться сами делами католической церкви. Но тотчас после выборов оказалось, что болезнь была притворной. Сикст V был одним из самых энергичных деятелей римского престола.

Стр. 204. *Полудержавный властелин* — А. Д. Меншиков, приближенный Петра I.

ТАЗИТ

Эту неоконченную поэму Пушкин писал в конце 1829 — начале 1830 г. Впервые напечатана в 1837 г., после смерти поэта. В черновой рукописи сюжет поэмы продвинут несколько далее (отказ отца невесты Тазита и несколько набросков, говорящих о горьком одиночестве юного горца; см. «Из ранних редакций»). О дальнейшем содержании поэмы дает некоторое представление один из планов ее, сохранившийся в рукописях Пушкина. Там говорится о встрече отвергнутого своими близкими Тазита с миссионером. Повидимому, он становится христианином. Возникает война между адехами и русскими. Тазит принимает участие в сражении — не

¹ Сначала Пушкин написал эти стихи даже иным стихотворным размером по сравнению со всей поэмой (см. «Из ранних редакций», стр. 407), подобно вставленным в поэму «Цыганы» стихам о птичке.

ясно только, на чьей стороне, — и гибнет. Из плана не видно, примиряется ли перед смертью Тазит с отцом и другими единоплеменниками, или он так и умирает отверженным. Основная проблема «Тазита» — национальная (близкая к одной из тем «Полтавы»), вопрос о путях сближения кавказских народов с русскими. Пушкин много размышлял об этом во время своего путешествия на Кавказ летом 1829 г. В «Путешествии в Арзрум» (см. т. 5) он писал: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набег». Пушкин предполагает, что *экономические* связи могут действовать сближению кавказских горцев с русскими: «Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря (нынешнее Черноморское побережье, принадлежавшее тогда Турции. — С. Б.), отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши (т. е. европейского культурного быта. — С. Б.) может благоприятствовать их укрощению...» («Путешествие в Арзрум», глава первая). Но самым сильным и действенным средством Пушкин считал проповедь более гуманной религии — христианства. Это средство, по его мнению, должно смягчить суровые нравы горцев и уничтожить их кровавые обычаи. В поэме «Тазит», как бы проверяя эту последнюю мысль, Пушкин рисует реальную картину столкновения новой, христианской морали с суровым бытом и понятиями горцев и показывает трагические последствия этого столкновения.

В стиле поэмы, как замечено исследователями, чувствуется стремление Пушкинна приблизиться к формам народного творчества, к приемам восточного сказания.

Описание похорон, открывающее поэму, воспроизводит виденные Пушкиным похороны в одном из осетинских аулов, о чем он рассказывает в первой главе «Путешествия в Арзрум»: «Около сакли толпился народ. На дворе стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон и с громким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаками в лоб. Женщины стояли смиренно. Мертвеца вынесли на бурке:

...like a warrior taking his rest
With, his martial cloak around him ¹, —

положили его на арбу. Один из гостей взял ружье покойника, сдул с полки порох и положил его подле тела. Волы тронулись. Гости

¹ ...он лежал, как отдыхающий воин, завернувшись в свой боевой плащ (*англ.*; из стих. Ч. Вульфа «Погребение сэра Джона Мура»).

поехали следом. Тело должно было быть похоронено в горах, верстах в тридцати от аула». Поучительно сравнить это скупое и сдержанное описание со стихами «Тазита», где дана та же картина, но обогащенная множеством живых, конкретных, эмоционально насыщенных поэтических деталей. «К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов», — заканчивает Пушкин свое описание в «Путешествии в Арарум». В поэме он нашел сам прекрасное поэтическое и вполне убедительное их объяснение.

ДОМИК В КОЛОМНЕ

Написана в 1830 г., напечатана в 1833 г. Внутренним содержанием поэмы является отчасти литературная борьба, которую приходилось Пушкину вести в это время.

С конца 20-х годов Пушкин сделался предметом настоящей травли со стороны реакционных критиков и журналистов. Критики упрекали Пушкина в мелкости содержания его поэзии, в отсутствии серьезной идеи или «цели», как тогда говорили. Они отрицали какое-нибудь серьезное содержание и в «Полтаве», и в «Евгении Онегине», а позже — в «Борисе Годунове». За этими упреками скрывалось требование реакционного общества (и правительства), чтобы поэт прославлял, воспевал существующий режим, военные успехи правительства, воспитывал своими стихами общество в духе традиционной казенно-обывательской морали. В этих требованиях морализации и оценках пушкинской поэзии, как легковесной и даже безнравственной, объединялись критики различных лагерей, от Надеждина до Булгарина. Пушкин, решительно не принимавший этих упреков и считавший, что он должен делать свое большое дело независимо от того, что «толпа его бранит» и «плюет на алтарь», где горит его поэтический огонь, — ответил на все обвинения в безыдейности и требования моральных поучений в стихах — поэмой «Домик в Коломне». Автор самых глубоких по идейному содержанию произведений, Пушкин в то же время отстаивал для поэзии право на несерьезные, легкие, шуточные темы. «Есть люди, — писал он, — которые не признают иной поэзии, кроме страстной или выпревной...» («Путешествие В. Л. П.»; см. т. 6). Он считал более правыми «тех, которые любят поэзию не только в ее лирических порывах или в унылом вдохновении элегии, не только в обширных созданиях драмы и эпоса, но и в игривости шуток, и в забавах ума, вдохновенных ясной веселостью...» (там же). Об упреках в безнравственности его поэзии он писал: «...Шутка, вдохновенная сердечной веселостью и минутной игрою воображения, может показаться безнравственною только тем,

которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с правоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие».

В «Домике в Коломне» все полемично, начиная с совершенно анекдотического ее сюжета. Сначала Пушкин думал так начать свою поэму:

Пока меня без милости бранят
За цель моих стихов — иль за бесцелье, —
И важные особы мне твердят,
Что ремесло поэта не безделье...
Пока сердито требуют журналы,
Чтоб я воспел победы россияни... —

вместо всего этого он пишет поэму на «пустяковый» сюжет. Отказавшись от этого начала, Пушкин перенес свое выпучивание критиков-моралистов в конец поэмы:

Как, разве все тут? шутите! — «Ей-богу».
— Да нет ли хоть у вас правоученья?
«Нет... или есть: минуточку терпенья... —

И дальше, перечислив ряд издевательских «выводов» из своей поэмы, заключает:

...Больше ничего
Не выжмешь из рассказа моего.

Полемический характер носит и непропорционально длинное вступление, где Пушкин рассуждает о технических вопросах поэтического искусства: о рифмах, о стихотворных размерах, цезурах, о трудности выбранной им строфической формы — октавы¹. Сами по себе эти рассуждения очень интересны, несмотря на их шутовскую форму, но вне полемической цели, всерьез. Пушкин никогда не стал бы посвящать им столько места в стихотворном произведении. Известно его отрицательное отношение к писателям, которые «...полагают слишком большую важность в форме стиха, в цезуре, в рифме, в употреблении некоторых старинных слов ... и т. п. Все это хорошо; но слишком напоминает гремушки и пеленки младенчества». Так писал Пушкин в том же 1830 г., в котором написан «Домик в Коломне», в рецензии на книгу «Жизнь, стихотворения и мысли Иосифа Делорма» (см. т. 6). Полемически заострена была и включенная в поэму сатириче-

¹ Строфа в восемь стихов, где первый стих рифмуется с третьим и пятым; второй — с четвертым и шестым; седьмой стих рифмуется с восьмым. Сложность этой строфы состоит в необходимости подбирать каждый раз не по две (как обычно), а по три точных рифмы, что, по свойству русского языка, не так легко.

ская характеристика современных журнальных нравов, но при публикации поэмы (лишь через три года после написания ее) Пушкин убрал это место, как и многое другое (он сократил свою небольшую поэму почти на полтораста стихов!)¹, свел его всего к двум строчкам:

И табор свой с классических вершинок
Перенесли мы на толкучий рынок.

Однако в этой легкомысленно-веселой, с первого взгляда, поэме то и дело неожиданно прорываются ноты глубокой грусти и горечи. Прервав с самого начала свой рассказ о «смиренной лачужке», где жила вдова с дочерью (строфа IX), поэт переходит к размышлениям, сначала грустным, затем все более горьким и непримиримым; он должен усыплять или давить в сердце «мгновенно прошипевшую змью»... Поэт мрачной шуткой отбрасывает эти мысли:

Я воды Леты пью,
Мнѣ доктором запрещена унылость:
Оставим это, — сделайте мне милость!

Второй раз прерывается рассказ грустным отступлением после XX строфы, где рассказывается о прекрасной, молодой и богатой графине и о том, что скрывалось за ее гордостью и величавостью:

Но сквозь надменность эту я читал
Иную повесть: долгие печали,
Смиренье жалоб...

и т. д.

Этот эпизод никак не связан с сюжетом «Домника в Коломне», но он, как и предыдущий, приоткрывает подлинный характер с виду «легкомысленной» повести Пушкина, за веселым, шутливым рассказом которой чувствуется грустная, огорченная и ожесточенная душа поэта...

Описания Коломны — тогдашнего глухого предместья Петербурга, — образы ее жителей и их мещанского быта, несмотря на шутливый сюжет, даны с необыкновенной реалистической верностью, наблюдательностью и поэтичностью. Они пополняют ту обширную картину русской жизни, которую создал в своих реалистических произведениях Пушкин.

Стр. 223. *Так писывал Шихматов богомольный...* — Кн. А. А. Ширинский-Шихматов (1785—1837), поэт, видный представитель реакционной литературной школы «шинковистов», «славянофилов». Позже сделался монахом. Он славился тщательностью рифмовки в своих стихах (избегал легких глагольных рифм).

¹ См. эти выброшенные Пушкиным стихи в разделе «Из ранних редакций», стр. 410—414.

АНДЖЕЛО

Написана в 1833 г., напечатана в 1834 г. Представляет собой пересказ в форме поэмы комедии Шекспира «Мера за меру». Сюжет пьесы Шекспира взят из итальянской новеллы XVI в. Неизвестно, знал ли это Пушкин, но его поэма является прекрасной, высокохудожественной стилизацией итальянской новеллы эпохи Возрождения. Простодушно-важный, иногда слегка шуточный тон рассказа, длинный, шестистопный стих со свободной рифмовкой, придающий повествованию спокойствие и торжественность, отдельные короткие эпизоды, из которых складывается поэма, частые диалоги, представляющие собой великолепный перевод соответствующих мест шекспировской комедии, — все это прекрасно воспроизводит и стиль, и всю атмосферу эпохи.

Образы драм Шекспира восхищали Пушкина глубиной психологической характеристики и, главное, близкой к подлинной жизни широтой, разнообразием и противоречивостью черт их характеров. «Лица, созданные Шекспиром, — писал он, — не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры» («Table-talk»; см. т. 7). Пушкин сопоставляет два образа лицемера — шекспировского Анджело и мольеровского Тартюфа. «У Мольера лицемер волочится за женою своего благодетеля, лицемера; принимает именование под сохранение, лицемера; спрашивает стакан воды, лицемера. У Шекспира лицемер произносит судебный приговор с тщеславною строгостию, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными, увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства. Анджело лицемер — потому что его гласные действия противоречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере!» (там же).

По-видимому, Пушкин раньше думал просто перевести «Мера за меру» Шекспира. Сохранилось начало этого перевода (см. т. 4).

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Написана в 1833 г. Поэма представляет собою одно из самых глубоких, смелых и совершенных в художественном отношении произведений Пушкина. Поэт в нем с небывалой силой и смелостью показывает исторически закономерные противоречия жизни во всей их наготе, не стараясь искусственно сводить концы с концами

там, где они не сходятся в самой действительности. В поэме в обобщенной образной форме противопоставлены две силы — государство, олицетворенное в Петре I (а затем в символическом образе ожившего памятника, «Медного всадника»), и человек в его личных, частных интересах и переживаниях. Говоря о Петре I, Пушкин вдохновенными стихами прославлял его «великие думы», его творенье — «град Петров», новую столицу, выстроенную в устье Невы, «под морем», на «мшистых, топких берегах», из соображений военно-стратегических, экономических и для установления культурной связи с Европой. Поэт без всяких оговорок восхваляет великое государственное дело Петра, созданный им прекрасный город — «полночных стран красу и диво». Но эти государственные соображения Петра оказываются причиной гибели ни в чем не повинного Евгения, простого, обыкновенного человека. Он не герой, но он умеет и хочет трудиться («...Я молод и здоров, // Трудиться день и ночь готов»). Он смел во время наводнения; «он страшился, бедный, не за себя. // Он не слышал, как подымался жадный вал, // Ему подожмы подмывая», он «дерзко» плывет по «едва смирившейся» Неве, чтобы узнать о судьбе своей невесты. Несмотря на бедность, Евгению дороже всего «независимость и честь». Он мечтает о простом человеческом счастье: жениться на любимой девушке и скромно жить своим трудом. Наводнение, показанное в поэме как бунт покоренной, завоеванной стихии против Петра, — губит его жизнь: Параша погибает, а он сходит с ума. Петр I, в своих великих государственных заботах, не думал о незащищенных маленьких людях.

Трагическая судьба Евгения и глубокое горестное сочувствие ей поэта выражены в «Медном всаднике» с громадной силой и поэтичностью. А в сцене столкновения безумного Евгения с «Медным всадником», его пламенного, мрачного протеста, злобной угрозы «чудотворному строителю» от лица жертв этого строительства, — язык поэта становится таким же высокопатетическим, как в торжественном вступлении к поэме. Заканчивается «Медный всадник» скупым, сдержанным, нарочито прозаическим сообщением о гибели Евгения:

...Наводненье
Туда, играя, занесло
Домишко ветхий...
.....
Его прошедшею весною
Свели на барке. Был он пуст
И весь разрушен. У порога
Нашли безумца моего,
И тут же хладный труп его
Похоронили ради бога..

Никакого эпилога, возвращающего нас к первоначальной теме величественного Петербурга, эпилога, примиряющего нас с исторически оправданной трагедией Евгения, Пушкин не дает. Противоречие между полным признанием правоты Петра I, не могущего считаться в своих государственных «великих думах» и делах с интересами отдельного человека, и полным же признанием правоты маленького человека, требующего, чтобы с его интересами считались, — это противоречие остается неразрешенным в поэме. Пушкин был вполне прав, так как это противоречие заключалось не в его мыслях, а в самой жизни; оно было одним из самых острых в процессе исторического развития: противоречие между благом государства и счастьем отдельной личности — неизбежное в классовом, антагонистическом обществе.

В художественном отношении «Медный всадник» представляет собою чудо искусства. В предельно ограниченном объеме (в поэме всего 481 стих) заключено множество ярких, живых и высокопоэтических картин, — см., например, рассыпанные перед читателем во вступлении отдельные образы, из которых составляется цельный величественный образ Петербурга; насыщенное силой и динамикой, из ряда частных картин слагающееся описание наводнения; удивительное по поэтичности и яркости изображение бреда безумного Евгения, и многое другое. Отличает от других пушкинских поэм «Медного всадника» и удивительная гибкость и разнообразие его стиля, то торжественного и слегка архаизированного, то предельно простого, разговорного, но всегда поэтичного. Особый характер придает поэме применение приемов почти музыкального строения образов: повторение, с некоторыми вариациями, одних и тех же слов и выражений (сторожевые лъвы над крыльцом дома, образ памятника, «кумпра на бронзовом коне»), проведение через всю поэму в разных изменениях одного и того же тематического мотива — дождя и ветра, Невы — в бесчисленных ее аспектах и т. п., не говоря уже о прославленной звукописи этой удивительной поэмы.

Ссылки Пушкина на Мицкевича в примечаниях к поэме имеют в виду серию стихотворений Мицкевича о Петербурге в недавно перед тем вышедшей в свет третьей части его поэмы «Поминки» («Dziady»). Несмотря на доброжелательный тон упоминания о Мицкевиче, Пушкин в ряде мест описания Петербурга во вступлении (а также отчасти при изображении памятника Петру I) полемизирует с польским поэтом, выразившим в своих стихах резко отрицательное мнение и о Петре I, и о его деятельности, и о Петербурге, и о русских вообще.

«Медный всадник» не был напечатан при жизни Пушкина, так как Николай I потребовал от поэта таких изменений в тексте поэмы, которых он не захотел делать. Поэма была напечатана вскоре после смерти Пушкина в переработке Жуковского, исказившего основной ее смысл.

СКАЗКИ ПУШКИНА

Сказки в русском народном духе Пушкин писал на протяжении почти всего своего творчества, с 1814 до 1834 г. Они резко разделяются на две группы: ранние (до 1825 г.) и поздние. Наше представление о пушкинских сказках, как о важной и серьезной области его поэзии, относится только к поздним его сказкам («Сказка о попе», «О медведихе», «О царе Салтане», «О рыбаке и рыбке», «О мертвой царевне» и «О золотом петушке»).

Ранние сказки Пушкина, а также поэмы на сказочные сюжеты («Бова», «Царь Никита и сорок его дочерей») вовсе лишены подлинной народности, свойственной зрелому пушкинскому творчеству. В них мы не найдем ни выражения чувств и интересов народа, крестьянства, ни сознательного усвоения и переработки форм и приемов устного народного творчества. Пушкин в них лишь использует отдельные элементы народной поэзии: сказочный сюжет или мотив, имена сказочных персонажей, отдельные обороты народного стиля и языка. Подобным образом использовали народное творчество почти все русские писатели XVIII и начала XIX в.

Устная народная поэзия сопровождала всю жизнь крестьянина, от рождения до смерти, от колыбельной песенки до похоронного причитания. Повсюду в народе пелись песни, рассказывались сказки. Пели ямщики в пути, песни звучали во время работы и в праздники, в хороводах и на свадьбах, пели и рассказывали на зимних посиделках. Весь быт народа, его страдания и радости, его борьба, его исторические воспоминания — все это получало выражение в народной поэзии, в песнях, былинах, сказках, преданиях, передававшихся от поколения к поколению, обновлявшихся или создававшихся впервые.

Писатели XVIII и начала XIX в. с детства были окружены этой стихией народной поэзии. Она, естественно, проникала и в их собственное творчество. Подражания народным песням или сказкам писали почти все поэты, независимо от их социальных и политических взглядов: и Сумароков, и Державин, и Радищев, и Карам-

зин, и Дельвиг, и Жуковский, и Катенин, и многие другие. Но из всего богатого и разнообразного моря народной поэзии дворянскими писателями того времени воспроизводились почти исключительно темы и сюжеты, не затрагивающие социальных противоречий крепостной действительности: лирические любовные песни и волшебные сказки. Иногда, как в ранних сказках и поэмах Пушкина (или в «Бове» Радищева), народные образы привлекались для создания грубовато-эротических картин и сюжетов.

Переход Пушкина в середине 20-х годов к реализму сопровождался у него глубоким интересом к народу. Юношеские лирические сетования на судьбу крепостного крестьянина («Увижу ли, друзья, народ неугнетенный?»), романтические горькие жалобы на отсутствие революционных настроений в народе («Паситесь, мирные народы! // Вас не пробудит чести ключ») заменяются теперь пристальным и проникательным изучением народа, его жизни и потребностей, его «души». И Пушкин принимается внимательно изучать народную поэзию. Он записывает песни и народные обряды, заставляет свою няню снова рассказывать ее сказки, знакомые ему еще с детства, — теперь он по-иному их воспринимает, ищет в них выражения «народного духа», вознаграждая тем «недостатки проклятого своего воспитания»¹.

Пушкин не ограничивается задачей пассивного изучения народной поэзии: он стремится проникнуть в нее, творчески овладеть ее содержанием и формой, научиться самому создавать такие же песни и сказки, какие создавали безыменные народные поэты. И это ему удалось настолько, что до недавнего времени некоторые из его произведений в народном духе (например, «Песни о Стеньке Разине») исследователи принимали за записи подлинно народных песен. В отличие от всех предшественников, Пушкин в своих «подражаниях» касается прежде всего социальных и политических тем народной жизни. Он пишет три «Песни о Стеньке Разине», «единственном поэтическом лице русской истории», как назвал его Пушкин в одном письме. Серьезные социальные темы затрагивает он не раз и в своих сказках.

¹ Через десять лет, в 1835 г., вспоминая эти рассказы Арины Родионовны (уже умершей к этому времени), Пушкин писал в черновом варианте стихотворения «...Вновь я посетил...»

Не буду вечером под шумом бури
Внимать ее рассказам, затверженным
Сыздетства мной, но все приятным сердцу,
Как песни давние или страницы
Любимой старой книги, в коих знаем,
Какое слово где стоит...

Своего рода ступенью к народным сказкам были у Пушкина две баллады на народные сюжеты: о девушке, публично разоблачившей злодеев разбойников («Жених», 1825), и о страшном возмездии мужику, из трусости нарушившему свой нравственный долг («Утопленник», 1828).

С 1830 по 1834 г. Пушкиным было написано пять народных сказок в стихах, а одна («О медведихе») осталась незаконченной. Эти сказки впервые вводили в литературу подлинную, не приноровленную к интересам дворянского читателя народную поэзию, то есть не только занимательные, фантастические приключения героев или любовные переживания «красной девицы» и «доброго молодца». В пушкинских сказках затрагивается социальная тема (о жадном попе и батраке, наказавшем его, о мужике, которого тем больше угнетают, чем больше благ доставляет он своим угнетателям), говорится и о моральных идеалах народа («Сказка о мертвой царевне») и т. п.

Самым существенным отступлением пушкинских сказок от типа народной сказки была стихотворная форма, которую придал поэт этому прозаическому народному жанру, подобно тому как в «Евгении Онегине» он превратил традиционный прозаический жанр романа в «роман в стихах».

Пушкиным созданы сказки двух типов. В одних («Сказка о попе», «Сказка о медведихе» и «Сказка о рыбаке и рыбке») Пушкин стремится воспроизвести не только дух, сюжеты и образы народного творчества, но и народные формы стиха (песенного, поговорочного, рашенного), языка и стиля. Сказки о попе и о медведихе написаны подлинно народным стихом, «Сказка о рыбаке и рыбке» — стихом, созданным самим Пушкиным и близким по своему строению к некоторым формам народного стиха. Поэт здесь как бы перевоплощается в народного сказителя. Мы не найдем в этих сказках ни одного слова, ни одного оборота, чуждого подлинно народной поэзии.

Остальные три сказки («О царе Салтане», «О мертвой царевне», «О золотом петушке») написаны более «литературно» — литературным, равномерным стихом (четырехстопный хорей с парными рифмами); Пушкин употребляет в них иной раз чисто литературные поэтические выражения и обороты, хотя по общему духу, мотивам и образам они полностью сохраняют свой народный характер.

Пушкин хорошо знал, что многие сказочные сюжеты или отдельные мотивы существуют в устном творчестве разных народов, переходят, видоизменяясь, от одного к другому. Поэтому он, подобно настоящему народному сказителю, брал, когда это было

нужно, те или иные мотивы, детали сюжета из иноязычного фольклора, чудесным образом превращая их в подлинно русские. Немало вносил он в сказки и своего собственного: по-своему изменял народный сюжет, упрощал или усложнял его, вводил свои образы (золотой рыбки, царевны Лебедь и т. п.).

Сказки Пушкина — не простое переложение в стихи подлинных сказок, а сложный по своему составу жанр. Пушкин выступает в них и как реконструктор испорченной в устной народной передаче народной сказки, и как равноправный участник в ее создании.

Не понятые в их значении современниками, недооцененные позднейшей критикой, сказки Пушкина были приняты народом. Одна из сказок Пушкина («О рыбаке и рыбке») была записана со слов народного сказителя как чисто народная сказка.

СКАЗКА О ПОПЕ И О РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ

Написана осенью 1830 г. в Болдине. Представляет собою во многом близкую к подлиннику обработку народной сказки, конспективная запись которой сохранилась в бумагах Пушкина. Сюжет о жадном попе и перехитрившем и наказавшем его батраке очень распространен в народных сказках. В своей обработке Пушкин усилил социальный смысл этой антипоповской сказки и очистил ее от всего лишнего. Он сохранил только рассказ о собирании оброка с чертей в пользу попа («деловые» связи служителя церкви — с чертями!). Пушкин развил образ работника Балды, подчеркнув не только его хитрость и ум, но и трудолюбие («работает за семерых»), умение заслужить любовь всех окружающих (кроме попа).

Все это делало сказку Пушкина политически нецензурной, и она была напечатана уже после смерти поэта, в 1840 г., в переработке Жуковского. В этом издании поп был заменен купцом («Жил-был купец Кузьма Остолоп по прозванию осиновый лоб» и т. д.).

Сказка написана народным, так называемым «раешным» стихом. Текст распадается на резко отделенные двустишия, лишённые какого-либо стихотворного размера, но связанные внутри четкой рифмой и нередко параллелизмом построения¹. Этот грубоватый, отрывистый по своему характеру стих Пушкин с величайшим мастерством применяет для плавного повествования сказки.

¹ «Поживи-ка на моем подворье, // Окажи свое усердье и проворье»; «Ест за четверых, // Работает за семерых»; «Попадья Балдой не нахвалится, // Поповна о Балде лишь и бечалится», и т. д.

СКАЗКА О МЕДВЕДИХЕ

Неоконченная сказка, написанная осенью 1830 г. в Болдино (напечатана в 1855 г.). Лучший образец подлинно народного стиля у Пушкина. Народный источник сказки не найден; возможно, что сюжет ее целиком принадлежит Пушкину. По стилю и стиху сказка приближается к народной песне или причитанию.

Кроме сурово-драматического описания гибели медведихи и трех медвежат, кроме поэтического, подлинно народного по стилю плача медведя по покойнице, интересна кончающая отрывок характеристика зверей, пришедших на поминки. В ней прекрасно выражена Пушкиным точка зрения угнетенного крестьянина: «Зайка бедненький, зайка серенький» — это «смерд», то есть мужик; еж — это «целовальник» (кабатчик): «все-то он щетинится»; дворянин, помещик изображен наиболее выразительно:

Прибегал тутو волк-дворянин,
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые...

СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ

Написана в 1831 г., напечатана в 1832 г. Первоначально, еще в 1828 г., Пушкин думал писать эту сказку, чередуя стихи с прозаическим текстом, но этот вариант он не стал продолжать и перешел целиком на стихи.

«Сказка о царе Салтане» представляет собой обработку народной сказки, записанной Пушкиным конспективно в двух разных вариантах. Он не следовал точно ни одному из них, освобождая сказку от сюжетной путаницы (результата порчи текста в устной передаче), от грубых нехудожественных деталей, вносимых рассказчиками. Многое Пушкин добавлял от себя, сохраняя везде истинно народный характер ее содержания. Написана сказка попарно рифмованным четырехстопным хореем. Этим размером в те времена обычно писались «подражания» народной поэзии.

Длинное заглавие сказки имитирует обычные в лубочных (народных) книжках заглавия сказок и богатырских повестей.

В «Сказке о царе Салтане» Пушкина соединены две темы. Первая — традиционная в народных сказках судьба оклеветанной жены и благополучное разрешение этой судьбы. Вторая, введенная в сказку самим Пушкиным, — народный образ идеального, счастливого морского государства. На острове, где княжит Гвидон, «все богаты, изоб нет, везде палаты», чудесная белочка своими зо-

лотыми скорлупками и изумрудными ядрами создает богатство острову, надежная волшебная охрана (тридцать три богатыря, выходящие из моря) охраняет его от внешних врагов.

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Написана осенью 1833 г., напечатана в 1835 г. Эта сказка является своеобразным, чисто пушкинским вариантом широко распространенной в поэзии разных народов сказки о старухе, наказанной за ее стремление к богатству и власти. В русских сказках на этот сюжет старик и старуха живут в лесу, и желания старухи исполняет или чудесное дерево, или птичка, или святой и т. п. Пушкин воспользовался соответствующей немецкой сказкой, где действие происходит на берегу моря, старик — рыбак, а в роли исполнителя всех желаний выступает рыба камбала. Пушкин заменяет этот малопоэтический образ (к тому же в немецкой сказке камбала оказывается заколдованным принцем!) — золотой рыбкой, народным символом богатства, обилия, удачи.

Другое изменение, внесенное Пушкиным в сюжет, придает сказке совершенно новый идейный смысл. Во всех народных вариантах идея сказки — реакционная. Она отражает забитость, смиренность народа. В сказке осуждается стремление подняться выше своего убогого состояния. Старуха желает получить вместо землянки новый дом, затем стать из крестьянки барыней (а старик при этом становится барином), затем царицей (а старик — царем) и, наконец, самим богом. За это они оба наказываются. В одних вариантах они превращены в медведей (или в свиней), в других — возвращаются к прежней нищете. Смысл сказки в ее народных вариантах (у всех народов) — «всяк сверчок знай свой шесток».

В пушкинской сказке судьба старика отделена от судьбы старухи; он так и остается простым крестьянином-рыбаком, и чем выше старуха поднимается по «социальной лестнице», тем тяжелее становится гнет, испытываемый стариком. Старуха у Пушкина наказана не за то, что она хочет жить барыней или царицей, а за то, что, ставши барыней, она бьет и «за чупрун таскает» своих слуг, мужа-крестьянина посылает служить на конюшню; ставши царицей, она окружена грозной стражей, которая чуть не изрубил топорами ее старика; владычицей морскою она хочет быть для того, чтобы рыбка золотая служила ей и была у ней на посылках. Это придает сказке Пушкина глубокий прогрессивный смысл.

Сказка написана особым, созданным Пушкиным стихом, которым он написал одну из «Песен о Стеньке Разине» («Как по Волге-реке по широкой...») и большинство «Песен западных славян».

СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ

Написана осенью 1833 г., напечатана в 1834 г. Представляет собой свободную обработку в чисто народном духе русской сказки, с введением мотивов из западноевропейского (немецкого) фольклора. При обработке Пушкин, по своему обыкновению, убирал сюжетные детали, не связанные с основной мыслью сказки. Написана сказка литературным (хореическим) стихом.

Тема этой сказки у Пушкина — чисто моральная. Необыкновенной красавице царице, умной, высокой, стройной, которая «на свете всех милее, всех румяней и белее» и в то же время «горда, ломлива, своеправна и ревнива», противопоставляется красавица царевна, образ идеальной девушки, с точки зрения народного рассказчика, от лица которого говорит Пушкин.

Давно уже исследователями обращено внимание на то, что эта идеальная царевна в сказке больше всего похожа на крестьянскую девушку, скромную, добрую, хорошо воспитанную (по-крестьянски) и, главное, любящую и умеющую трудиться. Попав в незнакомый пустой терем, «дом царевна обошла, // Все порядком убрала, // Засветила богу свечку, // Затопила жарко печку». Когда она, поклонившись, согласно крестьянскому этикету, низко в пояс, извиняется перед богатырями, что зашла к ним незваная, — Пушкин, перевоплотившись в народного, крестьянского рассказчика, уверенного, что именно так ведут себя «хорошие» царевны, продолжает: «Вмиг по речи те спознали, // Что царевну принимали...»

Подробно развивается эпизод пребывания красавицы царевны в доме семи богатырей, «румяных усачей», которые скоро полюбили ее. Пушкин раскрывает здесь картину необычайной нравственной красоты, взаимного уважения и целомудрия, характеризующих моральные идеалы народа. Удивительна в этом отношении сцена сватовства семи богатырей к царевне и ее отказа, отсутствующая в народных источниках и введенная самим Пушкиным.

«Сказка о мертвой царевне» — самая лирическая и поэтичная из всех сказок Пушкина.

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ

Эта последняя пушкинская сказка была написана в 1834 г. (напечатана в 1835 г.) и представляет собой единственный случай у Пушкина, когда в основу сюжета русской народной сказки положен чисто литературный источник: шутивая новелла американского писателя В. Ирвинга «Легенда об арабском звездочете». Пуш-

кни с удивительным мастерством заменил сложный, запутанный, обремененный посторонними деталями ход повествования Ирвинга простой, четкой, художественно выразительной композицией, а условно-литературные фантастические образы — образами русской народной поэзии. Он создал на этой основе свою сказку, близкую и в идейном и образном отношении к подлинно народному творчеству.

Шутливая форма рассказа, иронический тон в описании царя Дадона и его действий, крайняя лаконичность повествования, отсутствие авторских разъяснений — все это часто приводило критиков к неправильному пониманию простого смысла сказки о золотом петушке: в ней искали политической темы, намеков на личные отношения Пушкина к Николаю I и т. д. На самом деле Пушкин написал шутливую сказку на тему об опасности, гибельности женских чар.

Пушкинский Дадон — не трус, не лентяй; «смолоду был грозен он // И соседям то и дело // Наносил обиды смело»; только под старость он решает «отдохнуть от ратных дел». Он со своими воидами успешно отбивает нападения соседей. Помощь колдуна ему нужна только для того, чтобы заранее узнавать, откуда грозит ему нападение соседей, которые «беспокоить стали старого царя». Предупреждения волшебного золотого петушка помогают Дадону «дать отпор со всех сторон» врагам и водворить мир в своем царстве.

После двухлетнего затишья петушок трижды предупреждает о враге или о какой-то другой опасности на востоке. Но вместо вражеских войск сначала оба сына царя, а затем и сам Дадон находят красавицу шамаханскую царицу. Она и есть, оказывается, тот враг, о котором предупреждал золотой петушок: от нее погибают два сына Дадона, заколовшие друг друга во время пира, и оба их войска, от нее гибнет старый скопец-звездочет, настойчиво требующий у Дадона исполнения его неосторожного обещания. От нее гибнет и сам старый Дадон. Шутливая сказка заканчивается шутливым нравоучением:

Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

«Сказка о золотом петушке» по содержанию целиком примыкает к существующим в народном творчестве шутливым сказкам, повестям, анекдотам на тему о том, что женская красота страшнее всякого врага.

При публикации сказки в «Библиотеке для чтения» цензор А. В. Никитенко, видимо боясь каких-нибудь политических «применений», запретил печатать заключительное двустопное сказки,

а также стих «Царствуй, лежа на боку». Пушкин с возмущением писал об этом в своем дневнике: «Ценсура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

*Царствуй, лежа на боку.
И
Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.*

Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирюкова»¹ (см. т. 7).

НЕЗАВЕРШЕННОЕ, ПЛАНЫ, ОТРЫВКИ, НАБРОСКИ

ПОЭМЫ

МОНАХ

1813

Самое раннее и слабое из дошедших до нас произведений Пушкина. Оно случайно сохранилось в архиве его лицейского товарища князя А. М. Горчакова. В этой поэме четырнадцатилетний Пушкин переосмысливал христианскую легенду о святом Иоанне Новгородском, который победил соблазнявшего его черта и съездил на нем в Иерусалим на поклонение гробу господню. Поэма показывает атеистические настроения Пушкина еще в раннем возрасте.

БОВА

1814

Первое обращение Пушкина к сюжету популярнейшей в то время сказки о Бове-королевиче. Нисколько не заботясь о народности в содержании, языке, Пушкин, как было принято тогда, разрабатывал этот сюжет в веселом, легком, слегка эротическом духе, подражая Радищеву в его поэме «Бова». Необычный в тогдашней поэзии стихотворный размер (нерифмованный четырехстопный хорей с дактилическим оговчаньем), приближающийся к размеру некоторых русских народных песен, Пушкин заимствовал у Карамзина (начало поэмы «Илья Муромец»). Характерно для юноши Пушкина в этой поэме крайне непочтительное отношение к ца-

¹ Красовский и Бирюков — цензоры начала 20-х годов, славившиеся своей глупостью и трусливостью.

рям и их приближенным. Пушкин не стал продолжать Бову, по-видимому узнав, что поэт Батюшков собирается писать поэму на тот же сюжет¹.

Стр. 344. ...*С болтуном страны Эллинския* — Гомером.

ПОЭМА О ГЕТЕРИСТАХ
(ИОРДАКИ)
1821—1822

В поэме, судя по плану, Пушкин хотел воспроизвести некоторые драматические эпизоды греческого восстания против турок.

Действие поэмы начинается в ночь бегства Александра Ипсиланти, вождя восстания, изменившего своим соратникам и убежавшего в Австрию. Герой поэмы — Иордаки (настоящее имя его было Георгаки) спасает Ипсиланти от убийц, и после его бегства греки, под его начальством, отступают в горы. Осажденный турками в монастыре Секу, Иордаки героически гибнет, взорвав монастырь вместе со своим отрядом и осаждавшими его турками.

АКТЕОН
1822

Судя по плану — замысел шутливой поэмы, в сюжете которой объединялись в свободной обработке несколько разных античных мифов. Герой поэмы Актеон намечался в плане как уверенный в успехе соблазнитель, наказанный за свои любовные похождения.

ВАДИМ
1822

Одна из попыток создать образ романтического героя на материале из русской истории. По недостоверному летописному сказанию, Вадим поднял в 863 г. восстание в Новгороде против варяжского князя Рюрика; восстание было подавлено, и Вадим убит. Это предание послужило темой ряда произведений XVIII и начала XIX в.; образ вождя новгородцев Вадима, трактованный с различных точек зрения, вошел в тогдашнюю литературу. Пушкин начал в 1821 г. писать о нем трагедию и бросил, написав немногим больше двадцати стихов: ночной разговор на могиле новгородского посадника Гостомысла тайно вернувшегося из изгнания Вадима со

¹ В письме к Вяземскому от 27 марта 1816 г. Пушкин говорит, что Батюшков «завоевал» у него Бову. (Батюшков также не написал поэмы о Бове.)

своим единомышленником Рогдаем (см. т. 4). Судя по сохранившемуся началу плана поэмы¹, эта сцена должна была стать содержанием второй песни «Вадима». В третьей песне должен был быть свадебный пир у Рюрика и неожиданное появление на нем Вадима. Дальнейшее содержание поэмы неизвестно.

Пушкин напечатал большую часть написанной им первой песни поэмы без указания в заглавии (и в тексте), что герой ее — Вадим.

БОВА

1822

Второе обращение Пушкина к сюжету сказки о Бове-королевиче (первое — в 1814 г.; третье — в 1834 г.). Он разработал два разных варианта плана и три варианта начала поэмы. Судя по планам, Пушкин, в отличие от «Руслана и Людмилы» и поэмы о Мстиславе, хотел ограничиться только поэтическим пересказом известной сказки, меняя кое-где довольно сложную и запутанную ее композицию, но не вводя в сюжет ничего нового (за исключением того, что во втором плане царевна Мельчигрея оказывается чародейкой, а пилигрим, обокравший Бову, — подосланным ею духом). Наброски начала показывают, что Пушкин не намеревался в своей поэме воспроизводить стиль народного рассказа, — они написаны обычным стилем пушкинской поэмы.

МСТИСЛАВ

1822

Существует только план этой поэмы. Пушкин, вероятно, и не начинал ее писать, хотя о своем намерении рассказать о сыне Владимира Святого князе Мстиславе он говорил в эпилоге «Кавказского пленника»². В примечании к этому месту эпилога (см. стр. 105) Пушкин сообщал о Мстиславе некоторые сведения, почерпнутые из «Истории Государства Российского» Карамзина. Судя по плану неосуществленной поэмы о Мстиславе, Пушкин, очевидно, хотел в этой поэме соединить элементы подлинной истории (о разделении Киевского государства на уделы, о набегах печенегов, о

¹ Дошедшая до нас песнь поэмы отходит от плана: Пушкин отказался от эпизода с покушением рыбака на Вадима.

² Быть может, повторит она
Преданья грозного Кавказа,
Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава древний поединок...

сражениях Мстислава с косогами и т. п.) с мотивами и образами народных былин об Илье Муромце и Добрыне, о бое Ильи с сыном и т. п. и, кроме того, ввести собственные эпизоды и образы — в духе традиционных тогда волшебных сказок западноевропейского типа, а также хорошо знакомые ему картины Кавказа.

ИСПОВЕДЬ
(«Вечерня отошла давно...»)
1823

По-видимому, начало поэмы. Ситуация (грешник исповедуется ночью монаху) напоминает «Гяура» Байрона (позже не раз была использована Лермонтовым). Содержание этой исповеди и было, очевидно, темой поэмы.

АГАСФЕР
(«В еврейской хижине лампада...»)
1823

Планов этой поэмы не сохранилось. О замысле ее мы узнаем из очень неполной и несовершенной записи рассказа Пушкина в дневнике приятеля Мицкевича Ф. Малевского, присутствовавшего при рассказе (подлинник по-польски): «19 февраля 1827... Пушкин. О своем «Juif errant»¹. В хижине еврея умирает дитя. Среди плача человек говорит матери: «Не плачь. Не смерть, жизнь ужасна. Я — скитающийся жид. Я видел Иисуса, несущего крест, и издевался». При нем умирает двадцатилетний старец. Это на него произвело большее впечатление, чем падение Римской империи» («Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 266).

В поэме Пушкин единственный раз в своей поэзии применил перифразированный четырехстопный ямб.

КИГДЖАЛИ
1823

Планов этой поэмы не сохранилось. Под этим заглавием Пушкин позже, в 1834 г., написал прозаическую повесть (см. т. 5).

КАЗАЧКА И ЧЕРКЕС
1829

Связь наброска «Полюби меня, девица...» с планом поэмы о любви черкеса и казачки предположительна.

¹ Странствующий еврей (франц.), иначе: «Вечный Жид» — прозвище легендарного Агасфера.

Сюжет этого произведения (не имеющего в рукописи заглавия и названного редакторами по имени главного героя) неизвестен, так как никаких планов его не сохранилось. Некоторую связь оно имеет с «Медным всадником», куда перенесен ряд стихов из «Езерского». Но отождествлять эти два различных замысла нельзя: «Медный всадник» — законченная небольшая поэма, меньше пяти-сот стихов, а «Езерский» — крупное произведение. Одна родословная его героя (еще до начала действия) занимает более двухсот стихов. По-видимому, закончив в 1831 г. «Евгения Онегина», Пушкин предполагал написать второй «роман в стихах». Об этом, помимо предполагавшихся обширных размеров произведения и примененной в нем той же «онегинской строфы», нигде более не использованной Пушкиным, говорит и прямое указание самого поэта в одном из черновиков «Езерского»:

...Имею право
Избрать соседа моего
В герои нового романа,
и т. д.

По рукописям видно, что Пушкин долго колебался, сделать ли своего героя бедным чиновником (к чему он и пришел в конце концов) или богатым барином¹ (см. эти очень интересные варианты в разделе «Из ранних редакций»). В написанное Пушкиным начало романа, кроме рассказа о предках его героя, включены его рассуждения о потомственном, родовитом дворянстве, о предпочтении «ничтожного героя», чиновника — «коллежского регистратора» — романтическим возвышенным героям и возвышенным предметам и о свободе поэтического творчества.

В строфах о выборе в герои романа (или поэмы) обыкновенного человека, мелкого чиновника, Пушкин отстает перед критикой, разделяющей романтические представления о литературе, реалистическое направление с его интересом к обычной действительности, которому следовал он сам, начиная с середины 20-х годов. Наконец, спор о свободе поэтического выбора ведется против реакционной критики, усердно навязывавшей в эти годы Пушкину благонамеренные темы и морально-воспитательные задачи. Под «толпой» Пушкин разумел основную массу читателей 30-х годов — реакционных обывателей, помещиков и чиновников.

¹ Впрочем, возможно, что этот богач (Рулин или Волин, как он назван в рукописях) по ходу романа должен был разориться и превратиться в бедняка.

Стр. 372. ...*Что их поносит шут Фиглярин...* — Этим именем в журналистике пушкинского окружения называли Ф. В. Булгарина, популярнейшего романиста, издателя самой распространенной газеты «Северная пчела», беспринципного, реакционного публициста и тайного агента жандармского отделения.

ЮДИФЬ

1836

По-видимому, последнее обращение Пушкина к жанру поэмы. Сюжетом он взял легенду о библейской героине Юдифи, красавице, явившейся к ассирийскому сатрапу Олоферну, державшему в долгой осаде еврейскую крепость Ветилую. Юдифь обольщает Олоферна и во время сна после пиршества отрубает ему голову, после чего ассирийское войско бежит, и крепость спасена. Героическому содержанию поэмы соответствует архаическая торжественная поэзия ее языка.

СКАЗКИ

ЦАРЬ НИКИТА И СОРОК ЕГО ДОЧЕРЕЙ

1822

Эта сказка непристойного содержания была написана Пушкиным целиком. Напечатанный выше отрывок начала сохранился в рукописи Пушкина, остальная часть (не приведенная в настоящем издании) — в не очень надежных копиях. Сказка представляет собой озорную шутку, не претендующую на связь с народной поэзией — ни по содержанию, ни по стилю.

«ИВАН-ЦАРЕВИЧ ПО ЛЕСАМ...»

1824

Оставленный Пушкиным в самом начале замысел сказки, который разрабатывал, можно думать, народный сказочный мотив о сером волке, пощаженном Иваном-царевичем и делающимся его другом и спасителем. Мотив подобной сказки Пушкин тогда же (в 1824—1826 гг.) ввел в «пролог» к «Руслану и Людмиле»:

В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит.

Начало не написанной Пушкиным сказки на сюжет былины об Илье Муромце. По былине, Илья Муромец родился в селе Карачарове. Неясно, почему Пушкин «крестьянского сына» Илью сделал сыном дьячка.

«ЦАРЬ УВИДЕЛ ПРЕД СОБОЮ...»

1833

Отрывок из не написанной Пушкиным сказки. Царь колдует над волшебными фигурками воинов и кораблей: то, что он сделает с этими фигурками, точно произойдет с подлинными войсками и кораблями его врагов. Эпизод колдовства над куколками Пушкин взял из «Легенды об арабском звездочете» В. Ирвинга (см. прим. к «Сказке о золотом петушке») и добавил от себя описание колдовства над фигурками кораблей, барок каторг¹ и шлюпок.

ОТРЫВОК ПЛАНА И ТЕКСТА СКАЗКИ О
БОВЕ-КОРОЛЕВИЧЕ

1834

Пушкин трижды пытался разработать популярный тогда сюжет народной сказки о Бове: в лицее в 1814 г., в 1822 г. и в 1834 г. На этот раз он хотел обработать его в духе сказок «О царе Салтане» и «О мертвой царевне» и написать таким же стихом. Судя по этому отрывку плана, Пушкин думал, отказавшись от композиционных перестановок в сюжете, начать свою сказку с освобождения Бовы из темницы. Два стиха, записанных около плана, по-видимому, предназначались или для заключения сказки, или входили во вступление к ней.

С. Бонди

¹ Каторга (или галера) — большое гребное судно.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Стр. 9. *«Руслан и Людмила»*. Рисунок Пушкина. 1818.
- Стр. 29. *«Руслан и Людмила»*. Рисунок Пушкина. 1818.
- Стр. 34. *«Руслан и Людмила»*. Рисунок Пушкина. 1818.
- Стр. 46. *«Руслан и Людмила»*. Рисунок Пушкина. 1818.
- Между стр. 64—65. № 1. *«У лукоморья дуб зеленый...»* Художник И. Крамской. 1879. № 2. *«Руслан и Людмила»*. Черновой автограф эпизода. 1820.
- Стр. 80. *«Кавказский пленник»*. Автограф и рисунок Пушкина. 1821.
- Стр. 83. *«Кавказский пленник»*. Автограф и рисунок Пушкина. 1821.
- Стр. 84. *«Кавказский пленник»*. Автограф и рисунок Пушкина. 1821.
- Стр. 90. *«Кавказский пленник»*. Автограф и рисунок Пушкина. 1821.
- Стр. 99. *«Кавказский пленник»*. Автограф, автопортрет, Е. Н. и А. Н. Раевские. Рисунки Пушкина. 1821.
- Между стр. 96—97. № 1. Два автографа, изображающие поэта в 1820 и 1826 гг. 1826. № 2. *«Полтава»*. Титул первого издания. 1829.
- Стр. 102. *«Кавказский пленник»*. Автограф и рисунок Пушкина. 1821.
- Стр. 141. *«Цыганы»*. Рисунок Пушкина. 1823.
- Стр. 142. *«Цыганы»*. Рисунок Пушкина. 1824.
- Стр. 144. *«Цыганы»*. Рисунок Пушкина. 1824.

- Стр. 172. *«Полтава»*. Автограф Пушкина. 1828.
- Стр. 175. *«Полтава»*. Кочубей. Рисунок Пушкина. 1828.
- Между стр. 192—193. № 1. *«Полтава»*. Черновой автограф.
Рисунок казненных в поэме и два рисунка повешенных декабристов. 1828. № 2. *«Бахчисарайский фонтан»*.
Художник К. Брюллов. 1838—1849.
- Стр. 194. *«Полтава»*. Рисунок Пушкина. 1828.
- Стр. 224. *«Тазит»*. Рисунок Пушкина. 1829.
- Между стр. 224—225. № 1. *«Медный всадник»*. Художник
А. Бенуа. 1915. № 2. *«Анжелло»*. Рисунок Пушкина.
1833.
- Стр. 231. *«Домик в Коломне»*. Рисунок Пушкина. 1830.
- Стр. 233. *«Домик в Коломне»*. Рисунок Пушкина. 1830.
- Стр. 254. *«Медный всадник»*. Заглавный лист белой рукописи. 1833.
- Стр. 257. *«Медный всадник»*. Рисунок Пушкина. 1833.
- Стр. 272. *«Сказка о попе и о работнике его Балде»*. Рисунок
Пушкина. 1830.
- Стр. 274. *«Сказка о попе и о работнике его Балде»*. Рисунок
Пушкина. 1830.
- Стр. 276. *«Сказка о попе и о работнике его Балде»*. Рисунок
Пушкина. 1830.
- Стр. 277. *«Сказка о медведихе»*. Рисунок Пушкина. 1830.
- Стр. 318. *«Сказка о мертвой царевне и семи богатырях»*.
Рисунок Пушкина. 1833.
- Стр. 325. *«Сказка о золотом петушке»*. Заглавный лист рукописи. 1834.
- Стр. 330. *«Сказка о золотом петушке»*. Рисунок Пушкина.
1834.
- Стр. 355. *«Поэма о гетеристах»*. Рисунок Пушкина. 1822.
- Стр. 392. *«Кавказский пленник»*. Заглавный лист первоначальной редакции поэмы. 1820.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭМЫ

Руслан и Людмила	7
Кавказский пленник	79
Гавриилиада	106
Братья разбойники	120
Бахчисарайский фонтан	126
Цыганы	141
Граф Нулин	160
Полтава	170
Тазит	214
Домик в Коломне	223
Анджело	235
Медный всадник	254

СКАЗКИ

Сказка о попе и о работнике его Балде	271
Сказка о медведихе	277
Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди	280
Сказка о рыбаке и рыбке	304
Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях	310
Сказка о золотом петушке	324

НЕЗАВЕРШЕННОЕ, ПЛАНЫ, ОТРЫВКИ, НАВРОСКИ

ПОЭМЫ

Монах	333
Бова	344
Исповедь	352
Поэма о гетеристах (Иордаки)	354
Актеон	356
Вадим	357
Бова	362
Мстислав	364
Агасфер	366
Кирджали	367
Казачка и черкес	368
Езерский	369
Юдифь	376

СКАЗКИ

Царь Никита и сорок его дочерей	378
«Иван-Царевич по лесам...»	379
«В славной в Муромской земле...»	380
«Царь увидел пред собою...»	381
Отрывок плана и текста сказки о Бове-королевиче	382

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ

ПОЭМЫ

Руслан и Людмила	385
Кавказский пленник	391
Гавриилиада	396
Братья разбойники	397
Бахчисарайский фонтан	399
Цыганы	400
Граф Нулин	403
Полтава	405
Тазит	408
Домик в Коломне	410
Медный всадник	415
Езерский	417

СКАЗКИ

Сказка о попе и о работнике его Балде	423
Сказка о царе Салтане...	425
Сказка о мертвой царевне...	428
Сказка о рыбаке и рыбке	429

ПРИМЕЧАНИЯ

<i>С. Бонди.</i> Поэмы Пушкина	433
<i>С. Бонди.</i> Сказки Пушкина	467
Список иллюстраций	482

Пушкин А. С.

П 91 Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 3. Поэмы. Сказки. Примеч. С. М. Бонди. М., «Худож. лит.», 1975.

488 с.

В третий том входят все поэмы и сказки поэта, их планы, наброски, отрывки, ранние редакции.

П $\frac{70401-015}{028(01)-75}$ подписное

РІ

*Александр Сергеевич
Пушкин*

Собрание сочинений
том 3

Редактор

В. Волина

Художественный редактор

С. Данилов

Технический редактор

В. Кулагина

Корректор

В. Фадеева

Сдано в набор 22/III 1974 г. Подписано к печати 1/X 1974 г. Бумага типогр. № 1. Формат 84×108¹/₃₂. 15,25 печ. л. 25,62 усл. печ. л. 25,18+2 нак. =25,38 уч.-изд. л. Заказ № 1353. Тираж 500 000 экз. Цена 1 р. 15 к.

Издательство «Художественная литература». Москва, Б-78, Ново-Васманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26